

Научно-информационный центр «Мемориал»
Санкт-Петербург

Европейский университет
в Санкт-Петербурге

Девятые чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя Биографика 20 века

**20–22 апреля
2011**

Санкт-Петербург
2012

Чтения проведены при поддержке:

Международного историко-просветительского
правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

Польского института в Санкт-Петербурге

ООО «Роботрон»

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Dipartimento di Sociologia e Scienza Politica

Università della Calabria

Il presente volume è pubblicato con il contributo del

Dipartimento di Sociologia e Scienza Politica

Università della Calabria

© НИЦ «Мемориал», 2012

Ирина Флиге

Биография памятника жертвам советского террора¹

Ирина Анатольевна ФЛИГЕ

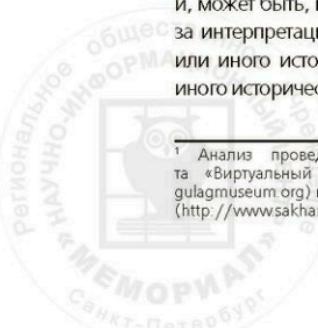
НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

Использование биографического метода для описания и изучения памятников представляется вполне логичным. Это относится и к индивидуальным памятникам (посвященным людям), и к групповым (посвященным тем или иным историческим событиям).

Памятник – это овеществленная мысль, материализованное понимание событий и героев прошлого, генерализованное до символа, это неоспоримый знак реального присутствия прошлого в настоящем.

Будем исходить из того, что памятник – это «действующее лицо», которое существует в общественном диалоге (во-первых), аккумулирует вокруг себя сообщество помнятых то или иное событие, генерирует «место памяти» (во-вторых) и, может быть, главное – «подтягивается» за интерпретацией современниками того или иного исторического лица, того или иного исторического события (в-третьих).

flige@yandex.ru

¹ Анализ проведен по материалам проекта «Виртуальный музей Гулага» (<http://www.gulagmuseum.org>) и данным сайта Музея Сахарова (<http://www.sakharov-center.ru>).

Так или иначе, памятник живет своей жизнью, имеет свою судьбу, свой век. Историю создания памятника от идеи до воплощения, историю его бытования как объекта и как субъекта, включая реконструкции, реставрации, переносы, демонтаж и снос, можно и следует вписать в его «биографию». Безусловно, есть некоторые различия между биографическими схемами для персонального (личного) памятника и памятника, посвященного историческому событию. Но, на мой взгляд, эти различия не столь существенны, и я не буду на них делать особого акцента. Приведу только одно – единственное существенное – отличие. В традиционные городские и региональные энциклопедии, как правило, включаются биографические статьи об уже покойных исторических деятелях, но в случае памятников – только о существующих («ныне живущих»). «Умершие» (утраченные) памятники, помимо специальных краеведческих изданий, посвященных исчезнувшим городским объектам, упоминаются только в связи с биографией героя или с описанием места, где этот памятник некогда стоял.

Составляя биографию памятника, мы естественным образом сталкиваемся с сопряженными биографиями. Для персональных памятников это сопряженность прямых дополнений – включение биографии героя в биографию памятника, и наоборот. Сам факт, что бронзовый/деревянный герой живет своей жизнью, продолжая (в том числе в мифологическом измерении) биографию своего прототипа, многократно обыграно в литературе, – ожившая статуя Командора или скачущий по улицам Петербурга Медный всадник. А вот история места памяти, сформировавшегося вокруг памятника тому или иному историческому лицу, оказывается предметом исследования вовсе не биографов, а краеведов и антропологов, изучающих культурную топографию².

В системе герой – памятник – место каждая из трех биографий так или иначе (с той или иной степенью интенсивности) включена в сопряженные. Хотя прямая связь герой – место может выпадать, если локус, выбранный для установки памятника, напрямую не соотносится с биографией героя (впрочем, эта связь тогда может обнаруживаться в плоскостях идеологии или культурной мифологии). Здесь ведущей стержневой является биография героя, на которую нанизывается биография памятника.

Для памятников, посвященных историческим событиям, сопряженность биографий также имеет место, но система сопряженности более сложная: событие – памятник – место – интерпретация (память о событии)³. В отличие от

² К примеру, ни в одной из биографий Екатерины Великой, помимо упоминания самого факта создания и установки памятника ей в Петербурге, не присутствует описание локуса «Катькин садик» с исследованием, как и почему сложился такой странный образ в городской среде.

³ Позиция «интерпретация/память» присутствует и в персональной модели, но в большей степени зависит от образа биографии героя (естественно, преломленного культурной мифологией). Значимость интерпретационной составляющей может повышаться в случае событийной доминанты индивидуальной биографии (герои войны, создатели, основатели, инициаторы...).

первого случая, здесь ведущей становится биография памятника, в нее обязательно входит история самого события и фиксация его интерпретации на момент установки памятника (и/или зарождения идеи его создания). Далее в биографию памятника (историю его бытования), помимо организации пространства (места памяти), включаются и более сложные элементы: изменение отношения к данному историческому событию в обществе, проявляющееся в переносе его из области актуальной исторической памяти на периферию общественного сознания – в зону маргинальности (забывания или переосмысливания), в связи с переоценками интерпретации События. И вплоть до крайних форм – снос и демонтаж («смерть памятника»). История интерпретаций События («история идей») отражается в биографии памятника, ему посвященного, – прежде всего, в функционировании места памяти: меняются формы и виды посещений, официальных церемоний, ритуальных практик.

Какие памятники связаны с историей террора и Гулага?⁴

Памятники вождям, организаторам и вдохновителям террора, памятники палачам, памятники их жертвам, памятники историческим местам? Какие из них сегодня релевантны памяти о терроре? Только те, которые при установке были мотивированы именно так, или возможны переосмысливания ранее установленных памятников и наложения на них новых смыслов? Не буду подробно останавливаться на этом материале, он требует отдельного анализа. Скажу только, что снос и демонтаж памятников во славу террору в России проводился дважды: в 1960-е и в 1989–1992, и это были совершенно разные процессы. В первом случае были сняты и демонтированы только памятники Сталину (вместе с бюстами и портретами) – по прямому распоряжению Кремля (ясный критерий, четкая мотивация, конкретные политические интересы) и без дискуссий. Во втором случае происходило иначе, – возникали спонтанные решения общего характера: «Убрать гада!». Кто гад, кто не гад, кто хуже, кто лучше – не обсуждалось, на какой памятник наткнулись, тот и сняли. Здесь действовал скопее вкусовой принцип плюс общественный консенсус эпохи перемен. Памятник Дзержинскому в центре Москвы был снят, а в центре Петербурга остался; количество памятников Ленину по городам страны сократилось в разы. А что не успели в эйфории перестроек настроений, – то осталось стоять; до палачей второго уровня вообще не добрались. И начались проблемы... Во-первых, что делать с уже демонтированными памятниками? Некоторые из них, по мнению

⁴ В своем анализе я буду опираться на подробную схему описания памятника жертвам советского террора, разработанную для проекта «Виртуальный музей Гулага» (ВМГ). При выявлении памятников и размещении их в каталоге ВМГ критерии отбора по релевантности к теме включали в себя два обязательных принципа: мотивационный (инициаторы хотели поставить памятник жертвам террора или событий, связанных с историей Гулага и террора) и репрезентативный – памятник воспринимается в общественном сознании и функционирует в практиках как именно такой памятник.

специалистов, представляли художественную ценность, а все вместе, безусловно, – историческую. Во-вторых, разгорелась дискуссия о критериях; эта дискуссия касалась люстрации – не только и не столько памятников и названий городов, улиц, площадей, сколько всех прямых и косвенных виновников советского террора, живых и мертвых. Но ни люстрация, ни какая бы то ни было правовая оценка прошлого не воспоследовали (в основном из-за либеральной брезгливости); поле общественной дискуссии сузилось, и на повестке дня остался вялый топонимический спор и поиски критериев: какие названия улиц, какие памятники должны быть исключены из прославления, а какие могут остаться. (Дискуссия, надо сказать, беспредметная в отсутствие юридическо-правовой оценки преступлений советского режима.)

Смерть и похороны памятника – знак (иногда ритуальная практика) политических перемен. «Жизнь после смерти» для него имеет две формы: одна простая – «ссылка» в музей или сдача в металломол; вторая сложная – дискуссия о возвращении/восстановлении (история памятника Дзержинскому в Москве, установка памятника Ленину в Уфе). Приведу несколько примеров (каждый такой случай заслуживает отдельного подробного анализа, здесь же для нас значим только типологический ряд).

Москва (1991–1992). В 1991, после подавления попытки путча ГКЧП, по решению правительства Москвы были демонтированы некоторые памятники советским деятелям и свезены в парк у Центрального дома художников на Крымской набережной, а в 1992 создан Музей скульптуры под открытым небом. Здесь оказались памятники Свердлову, Калинину, Брежневу, несколько скульптур Ленина, Дзержинский с Лубянской площади, вскоре – Сталин (перевезен с территории какой-то автобазы, где он хранился после демонтажа в 1960-е); некоторые из них несут на себе следы демонтажа. В центре незатухающей дискуссии о возвращении на прежнее место оказался памятник Дзержинскому. Приведу только факты по официальному диалогу. В 1998 Госдума приняла за основу проект постановления «О восстановлении памятника Ф. Э. Дзержинскому на Лубянской площади в г. Москве». В 2002 мэр Москвы Юрий Лужков заявил, что «прекрасный монумент» надо восстановить, так как Дзержинский боролся с беспризорностью, восстанавливал железные дороги и поднимал народное хозяйство. Но в январе 2003 городская комиссия по монументальному искусству отказалась вернуть памятник на Лубянскую площадь.

Литва (1990-е). В 1989–1991, после восстановления независимости Литвы, все идеологизированные памятники советского периода были демонтированы, заброшены на задние дворы предприятий. Дискуссия «хранить или уничтожить» протекала вяло вплоть до 1998, когда министерством культуры был объявлен конкурс, который выиграл бизнесмен Вилюмас Малинаускас. Он на собственные средства создал Грутаский парк, куда свез все демонтированные советские памятники (Ленину, Сталину, Марксу, Дзержинскому, литов-

ским коммунистам, советским военным и государственным деятелям). Парк был открыт как туристический объект в 2001. Вот тогда и разгорелись ожесточенные споры, но не о судьбе этих памятников в целом или каждого в отдельности, а о трактовке самого парка Грутас.

Аналогичная коллизия развернулась в Венгрии: парк «Мементо» (Будапешт), открытый в 1993, принял 40 скульптур-экспонатов, демонтированных в 1989-м: памятники Ленину, Марксу, Энгельсу, венгерским коммунистам. И так же, как вокруг Грутаса, здесь не прекращаются споры по известному кругу: пропаганда советского прошлого – циничное шоу – примитивный лубок.

Смерть памятника – это снос, демонтаж, произведенные по разным причинам, как правило, политическим/идеологическим. Смерть памятника редко бывает естественной, чаще пришедшие в негодность за ветхостью памятники либо реставрируют, либо изготавливают новый гипсовый вариант. Утрата памятника всегда такое же значимое в культуре явление, как и его установка. И это понятно: памятник ставят навсегда! И сносят его тоже навсегда.

Но вернемся к тем, которые остались, – каковы их функции, какова их роль в работе с прошлым? Прославление террора и его организаторов? Не тянут они на эту роль, даже маргинальные сталинисты не чтут рядовых палачей, в их поле зрения два вождя – Ленин и Сталин. К уцелевшему Ленину два раза в год носят гвоздички, а Сталина пытаются «воскресить». Памятники же, которые не приняты на музейное хранение, а продолжают стоять на улицах и площадях, вводят террор в норму жизни, в обыденность прошлого.

Интересно, что в случае памятника довольно редко происходит «перемена участия» (столь явная и понятная в судьбе конкретного человека); в переводе же на нашу тему – изменение интерпретации при сохранении самого объекта. Хотя, казалось бы, чего проще – написать у подножия памятника Дзержинскому «главный палач страны», и пусть стоит, чтоб потомки помнили о палачах. Нет, так не бывает, а комментарий дедушки: «Это, внучек, страшный злодей, жаль, что памятник ему так и стоит...», – остается устным высказыванием, особым мнением конкретного деда. Здесь нет никакой смены интерпретации, такие комментарии были всегда – без смены основной идеологии. Идеологические памятники всегда были понимаемы по-разному, но не по концепции их создания, а по интерпретации, по политическим симпатиям и антипатиям, – отсюда и идеологический вандальизм. Обличь краской памятник Ленину в 1970 – протестный жест, почти подвиг; написать на Соловецком камне в 2003 «мало стреляли» – оскорблечение памяти и неосталинизм; прострелить памятник Ленину у Финляндского вокзала в 2009 – хулиганство. А может быть, идеологический вандальизм – это и есть общественный диалог? Только в цивилизованном обществе портить памятники неприлично. Если испортили «чужой» памятник, то мы будем долго говорить, о том, что вандализм – плохо, а сами потихоньку хихикать в ладошку: «Так, мол, и надо».

А вот если надругательству подвергся «свой», – тогда и возмущение, и политические оценки, все по-честному.

Настоящие бурные общественные дискуссии разгораются вокруг памятников палачам-жертвам. В качестве примера назову памятник Э.П. Берзину в Магадане. После установки в 1994 памятника первому директору «Дальстроя» на площади Горького (мотивация – восстановление и прославление имени основателя города, расстрелянного в годы Большого террора) разразился скандал и острая дискуссия об исторической роли организатора колымских лагерей.

Персональные памятники жертвам террора и Гулага

Теперь перейдем к основной теме данной работы – к памятникам, установленным жертвам террора и Гулага. Рассмотрение и анализ этих памятников поможет нам ответить на один фундаментальный вопрос: это памятники, посвященные какому-то историческому событию или людям, – кому или чему? Несмотря на кажущуюся простоту этого вопроса, ответ на него требует целого ряда понятийных определенностей. Гулаг и террор – это историческое событие или явление, это катастрофа или советская повседневность?

Несмотря на то, что основными объектами моего анализа являются коллективные памятники жертвам, надо несколько слов сказать об персональных памятниках людям Гулага. Их несравненно меньше, чем памятников безымянным жертвам. В первую очередь, это памятники «знаменитым землякам»: ученым, поэтам, военачальникам, политическим деятелям, инженерам – всем тем, кому эти памятники были бы установлены, не случись ареста. В текстах на досках и пьедесталах этих памятников, как правило, нет и упоминания о терроре и Гулаге. Вот в центре Саратова стоит памятник Н.И. Вавилову – великому ученому, академику АН СССР, АН УССР и ВАСХНИЛ, генетику, ботанику, селекционеру, географу... Он ничем не отличается от многих других памятников выдающимся людям, умершим в своих постелях и прославленных потомками в бронзе и мраморе. А вот биография памятника отличается существенно. Основанием к установке памятника в таких случаях является не оценка и признание заслуг известного деятеля (они для учеников и современников никогда не вызывали сомнения – ни до ареста, ни во время заключения, ни после гибели)⁵, а факт его реабилитации («теперь можно»). Таким образом, памятник не только восстанавливает (справедливость торжествует), но и корректирует биографию своего героя, как бы изымая из нее «лишнее» (арест, смерть в Гулаге и десятилетия запрета на имя): родился – умер – памятник. Крайне редко на постаменте все же указаны какие-то сведения о пребывании в Гулаге⁶, но никогда – о расстреле

⁵ Например, памятник «Кузебаю Герду – поэту и гражданину» в Ижевске.

⁶ Памятник в Печоре: «В этом здании жил с 1953 по 1955 год Г.М. Данишевский, профессор медицины, основатель института курортологии. Отбывал срок в Печорлаге в 1943–1948 гг. Реабилитирован».

или смерти в тюрьме. Но в том и другом случае – это памятники невольным «гостям» города, одного из «городов Гулага».

Второй случай – персональные памятники на мемориальных кладбищах (местах массовых расстрелов, захоронений), выполняющие роль символического надгробия. Здесь биографические контексты памятника и героя переплетаются через неизвестность, через договоренность об условности могилы. У героя нет могилы, а зачастую неизвестно и место захоронения (территория). Но... есть третье лицо (или лица), биографии которых тесно связаны с биографией героя: родные и близкие, дети, внуки⁷. Их память протянула биографию героя до естественного окончания жизни: смерть – надгробие. Это не пауза, не пустота во времени (как в случае знаменитых земляков) – это поиск и восстановление судьбы героя: сперва узнавание о факте его гибели, затем – даты и факта расстрела и, наконец, места (условного, конечно) захоронения. Надписи на таких памятниках-надгробиях иногда несут дополнительную (относительно сложившейся традиции) информацию: о времени, прошедшем между смертью героя и установкой ему надгробного памятника (зазор между смертью и погребением), о том, что родные и близкие его помнили и искали:

«Член Кемского уездного / Исполкома первого созыва 1918 г. / Василий Александрович / Бахирев / 1891 – 1938 / реабилитирован / посмертно / Пале / Ни за что тебя расстреляли / В угоду, Вождю Народа. / Мы прошли все невзгоды, / Как дети врага народа. / Чья память о тебе, / Поклонимся низко. / Всю жизнь мы скорбим, / Что не был ты близко. / Твои дети, внуки, правнуки» (мемориальная табличка у места перезахоронения расстрелянных на Зарецком кладбище, г. Петрозаводск).

«Ильин Иван / Александрович / Родился 26.XI.1905 в деревне Волоярви / Расстрелян 5.V.1938 г. в застенках НКВД Ленинграда / Реабилитирован в ноябре в 1956 г. (посмертно) / Дорогой отец! / После 53-х лет поиска и надежд мы у твоей могилы. / Глубоко скорбим. Безгранично любим. Светлую / память о тебе сохраним на всю жизнь. / Дети, внуки. / Левашово, июнь 1992 г.» (Мемориальное кладбище «Левашовская пустошь», Санкт-Петербург).

Мемориальные доски в Норильске: «Киму Михаилу Васильевичу (1907–1970). Выдающемуся ученому. Инженеру, лауреату Ленинской премии, основателю теории свайного фундирования, заключенному Норильлага в 1936–1939 гг. В 1958 году в Норильске началось строительство многоэтажных домов на сваях. Этот дом – один из первых...»; «В Норильске (1945–1954 гг.) был в заключении, работал и преподавал в техникуме основатель прикладной минералогии, член-корреспондент АН СССР Николай Михайлович Федоровский», «Здание построено в 1957–1958 гг. Авторы проекта – политзаключенные Норильлага: архитектор Я. К. Трушинщ, инженер-конструктор Л. Э. Францман» (на здании колледжа искусств).

⁷ В первом случае, безусловно, тоже есть «третьи лица» – инициаторы установки памятника, их судьбы даже могут тесно переплестаться с судьбой героя, но обычным образом, – здесь нет никакой гулаговой специфики (Екатерина Вторая, например, поставила памятник Петру I).

«Щёголев / Иван Егорович / 1882 г. рождения, житель деревни / Макаровская Кирилловского района / Вологодской области (Ленинградской) / Арестован 26 апреля 1937 года / Расстрелян 16 августа 1937 года / Реабилитирован 9 декабря 1968 года / Спасибо Господу! Мы узнали где / захоронен отец, дедушка и / прадедушка.» (Мемориальное кладбище «Левашовская пустошь», Санкт-Петербург).

Надписи «сообщают» герою, что его род продолжается – живы дети, появились внуки и правнуки:

«Вечная память / репрессированной / Никонюк / Татьяне Леонтьевне / Мир праху твоему / 1904–1947 гг. / Дети, внуки, правнуки» (памятная табличка на дереве; Мемориальное кладбище «Макариха», Котлас).

«Федоров Михаил Федорович / 08.04.1888 – родился – 24.9.1937 – расстрелян / Реабилитирован в 1963 году / Прости нас родной, что так поздно пришли / Ведь не мы виноваты в этом / 60 лет искали и все же нашли / Но кто нам ответит за это? / Будь прокляты все, кто загнал вас сюда / В леса Левашово пустые. / Их нет уж давно, ваша совесть чиста / А мы вас всех помним родные. / Любящие тебя дочери Галя, Тася, внуки, правнуки» (Мемориальное кладбище «Левашовская пустошь», Санкт-Петербург).

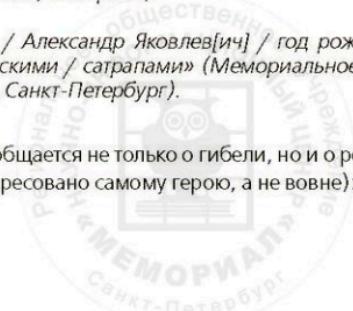
Надписи могут вербализовать попытку понять произошедшее или назвать виновных:

«Хирвонен / Михаил Петрович / 1904 г. рожд. д. Роц. Ленингр. обл. / Осужден 4.10.1938 г. / Расстрелян 8.10.1938 г. / Родной отец, прошло полвека, / С тех лживых и кровавых лет... / Теперь ты спи спокойно – / Пришла к нам правда наконец! / Дасть и внуки» (Мемориальное кладбище «Левашовская пустошь», Санкт-Петербург).

«Жертва сталинской / репрессии – / Сачкин / Александр Степанович / 1897 г. – 1937 г.» (памятный знак на месте массовых расстрелов и захоронений; с. Ягуновка, Кемерово).

«Яковлев / Александр Яковлев[ич] / год рож. 1877 г. / Расстрелян 1937 / сталинскими / сатрапами» (Мемориальное кладбище «Левашовская пустошь», Санкт-Петербург).

В надписях сообщается не только о гибели, но и о реабилитации (возможно, это послание адресовано самому герою, а не вовне):

«Писаревский Григорий Федорович. 1879. Расстрелян 03.01.1938. Реабилитирован 11.04.1989. Раскулачен 1932. Реабилитирован 16.07.2004» (Мемориальное кладбище «Дубовка», Воронеж).

«Иванов / Николай / Яковлевич / родился в 1896 году / арестован 20.12.1937 / расстрелян 10.01.1938 / реабилитирован 16.08.1958 / Вечная память» (Мемориальное кладбище «Сандормох», Карелия).

«Сурков / Николай Александрович / рождения 1899 г. / Арестован 9 сентября 1937 г. / расстрелян в январе 1938 г. / реабилитирован в 1957 г.» (Мемориальное кладбище «Зауральная роща», Оренбург).

«Священник / Добров / Македоний Алексеевич / родился 06.02.1888 г. / г. Курган / расстрелян 27.01.1938 г. / г. Челябинск / реабилитирован / посмертно» (Мемориальное кладбище «Золотая гора», Челябинск).

Надписи сообщают, кем был герой, – от единичной профессиональной definicji до своего рода краткого некролога (эмблемы биографии):

«Здесь покоится / невинно убиенный / советской властью / и захороненный в общей могиле / Оберталлер / Петр Михайлович / 1908–1938 / Он был педагогом / и пытался приобщить / к мировой культуре / малые народы Севера России / Доцент / заведовал кафедрами / истории педагогики / в педагогических институтах / и Институте народов Севера / Ленинграда / Сын внучка и правнучки / 2002 г.» (Мемориальное кладбище «Левашовская пустошь», Санкт-Петербург).

«Бураков Петр Васильевич / Родился в 1908 г. Место рождения д. Святозеро / Пряжинского р-на, Карел, беспартийный, сеточник / Кондопожского бумкомбината, награжден орденом / Трудового Красного Знамени, арестован 27.12.1937 г. / Комиссией НКВД СССР от 26.01.1938 г. / Осужден по статье 58-6. Расстрелян 10.02.1938 / на ст. Медвежьегорск (Сандормох). Реабилитирован / Верховным Судом СССР 09.05.1957 г.» (Мемориальное кладбище «Сандормох», Карелия).

Интересно, что с течением времени – с конца 1980-х к 2000-м – эти условные надгробия все больше и больше становятся типовыми кладбищенскими памятниками – личная эмоция уступает традиции:

«Дунаев / Григорий Федорович / 1893–1938» (Мемориальное кладбище «Золотая гора», Челябинск).

«Лебедев / Иван Васильевич / 02.06.1895 – 28.11.1937» (Мемориальное кладбище «Сандормох», Карелия).

«Петров / Алексей / Иванович / 1903 – 29.12.1937» (Мемориальное кладбище «Золотая гора», Челябинск).

«Самойлов Кузьма Поликарпович. 1873 г. – 1938 г. Расстрелян 25 января» (Мемориальное кладбище «Дубовка», Воронеж).

Как правило, такие личные памятники своим родным, установленные на местах массовых захоронений (расстрельных полигонах и лагерных кладбищах), не бывают единичными – стихийная мемориализация территории захоронений начинается сразу после ее обнаружения, за первыми быстро подтягиваются остальные, а затем из года в год их становится все больше и больше. Первые памятники в этих местах ставят вдовы и дети, а внуки и правнуки – уже только на общественно признанном мемориальном кладбище.

От поиска могилы близких – к общему месту памяти

И все-таки одно важное дополнение. Поиск могилы родных и близких – одна из главных составляющих личной семейной памяти – начинался с момента получения известия о смерти, но с конца 1980-х – начала 1990-х эта личная потребность положить цветы на могилу близкого человека сформировала общественный запрос – поиск мест массовых захоронений. Приведу примеры, как такая личная интенция создала общее место памяти.

Случай первый. Раиса Панкратьевна Труба – молодая учительница из Харькова; в 1926 приговорена к трем годам и отправлена в Соловецкий лагерь, работала медсестрой на Кемском пересыльном пункте. В июне 1928 умерла от тифа и была похоронена на лагерном кладбище. Местонахождение кладбища (в 3 км от поселка Рабочеостровск) сохранилось в памяти местных жителей только благодаря мраморному надгробному памятнику с надписью: «Раиса Панкратьевна Труба / сконч. 7 июня 1928 г. / на 25 г. / Спи родная / юная страдалица / Мама», – единственному знаку на территории бывшего кладбища; деревянные колышки с номерными табличками давно сгинули, могильные холмики и провалы почти сравнялись с землей. Мы не знаем, когда мать поставила этот памятник, не знаем, навещала ли она могилу дочери, но получилось так, что со временем надгробие на могиле Р.П. Трубы стало восприниматься как общий памятник всем похороненным на лагерном кладбище Кемперпункта. Как уверяют местные жители, люди, приезжавшие сюда на поиски могил своих родных и близких, возлагали к нему цветы. В 1995 на тыльной стороне надгробия по инициативе Санкт-Петербургского НИЦ «Мемориал» (директор В.В. Иофе), при поддержке администрации Кемского района, администрации Рабочеостровска (глава самоуправления А.Д. Кокков) и Карельско-

го фонда гуманитарных инициатив (президент Е.М. Никонов) была установлена мраморная доска с текстом: «Здесь покоятся узники Соловецкого лагеря особого назначения, жертвы политических репрессий 1920–30-х годов».

Случай второй. Иосиф Хорол, бывший заключенный Воркутлага (1951–1956), в 1990 приехал из Израиля в Инту с целью найти могилу своей матери, умершей в заключении в Инталаге в 1954. На территории кладбища 5-го ОЛПа при сангуродке, где была похоронена Зинаида Осиповна Хорол, могилы не сохранились; само кладбище частично оказалось застроенным, так что могилу матери ему найти не удалось. И в сентябре 1990 И.М. Хорол установил памятник на месте бывшего женского ОЛПа. На памятнике две надписи: «Безвестным и бесчисленным женщинам – жертвам сталинского террора. Имена ваши бессмертны» и «Хорол Зинаида Осиповна. 1908–1954. Светлой памяти дорогой мамочки, бесчеловечно убитой Гулагом».

Случай третий. Валентин Тихонович Муравский, сын расстрелянного в 1937 Тихона Романовича Муравского, в 1989 возглавил поисковую группу петербургского «Мемориала», которая обнаружила место массового захоронения на Левашовской пустоши. Среди более 1000 условных надгробий и памятных знаков, установленных в наши дни в Левашово родственниками жертв террора, памятника Т.Р. Муравскому нет. Сам В.Т. Муравский как-то заметил по этому поводу: «Я искал могилу отца, а нашел 20 тысяч расстрелянных. Еще в 1989 мы прикатили небольшой камень с залива – это общий памятник – всем, и моему отцу тоже».

В первом случае общее место памяти возникло вне связи с желанием матери Р.П. Трубы сохранить общую память о жертвах Гулага. Во втором – идея И.М. Хорола поставить памятник всем женщинам Инталага возникла в процессе поиска могилы матери, вероятно, в тот момент, когда Иосиф Михайлович обнаружил, что общее кладбище женского лагеря не сохранилось. В последнем приведенном случае трансформация личной памяти в общую полностью отрефлексирована и реализована.

Коллективные памятники жертвам

Точное число установленных в России за последние двадцать с лишним лет памятников неизвестно; подавляющее их большинство не имеют статуса и не учтены не только на федеральном, но и на региональном уровне. По общественным учетам («Мемориала» и Сахаровского центра) насчитывается более 1 500 тысяч памятников в различных регионах России.

Несмотря на то, что этих памятников много, что их установка – результат индивидуальной идеи и личных стараний, что инициаторы, как правило, не только не знакомы друг с другом, но и с памятниками в соседних городах, все они похожи как близнецы. За формальной регионализацией/локализацией (она встречается в надписях не столь часто), по сути, скрывается надрегиональная память о терроре:

«Жертвам массовых / политических репрессий, / невинно убиенным / на земле Саратовской» (Саратов, Воскресенское кладбище).

«В память жертвам / политических репрессий / Майминского района» (с. Майма, Алтайский край).

«В память убиенных на Томской земле / в годы большевистского террора / установлен этот / КАМЕНЬ СКОРБИ» (Томск).

«Тарчанам-землякам, погибшим в годы репрессий. Помним. Скорбим» (г. Тара, Омская обл.).

Упоминание места в этом контексте следует понимать как широко распространенный в обществе способ доказательности и достоверности – «это здесь, на нашей земле, среди нас, а не где-то там – неизвестно где и неизвестно с кем». В данном случае локальная/региональная привязка террора и Гулага оказалась единственным способом приблизить и актуализировать проблемы прошлого. Можно с уверенностью сказать, что в этих памятниках материализовалась коллективная память о терроре и Гулаге, и, в то же время, именно эта память, овеществленная в знаке, формирует и закрепляет в обществе понимание/непонимание прошлого, уровень его проработки.

Попробуем выстроить коллективную биографию памятника жертвам, которая отражает материализацию коллективной памяти.

Имя (название)

Имена у памятника может быть несколько: имя замысла (условное название), имя при рождении (при открытии), официальное имя (паспортное), сокращенное имя (бытование в сообществе), прозвище, псевдоним (фольклорное название). Имена могут бытовать синхронно, могут и сменять друг друга во времени. Каждое имя, каждое расширение названия придает памятнику дополнительный смысловой объем, дополнительное толкование и понимание, а в некоторых случаях имя может свидетельствовать и об изменениях в коллективной памяти.

В нашем случае памятник начинается не с имени. Желание поставить памятник сродни желанию иметь ребенка, главное здесь – нужен памятник (как нужен ребенок). Это естественная потребность, не требующая доказательства и обоснования. А вот какой он будет (рост, вес, цвет глаз), – это уж как получится; так и с именем: пусть появится на свет, тогда и назовем.

Нас, в первую очередь, интересует имя, устоявшееся в сообществе. Чаще всего здесь используются названия: «камень», «крест» или просто «памятник», с притяжательным местоимением «наш»: «наш камень», «наш крест», «наш памятник». Реже встречается название «мемориал». Если говорить об этимоло-

гии, то словосочетание «наш памятник» восходит к самому началу 1990-х: *наш памятник* – это *наша инициатива, наша надобность, наше понимание, наша память*, а закрепилось оно во второй половине 1990-х, в годы, когда память о Гулаге и терроре вышла из актуальной публичности и маргинализировалась. Процесс этот был двусторонним: с одной стороны, после 1993 новая российская власть потеряла всякий политический интерес к памяти о терроре; с другой стороны, иссяк (быстро сошел на нет) общественный запрос на понимание и осмысление советского прошлого (от личного «я про это все знаю» – до кол-лективного «мы уже все знаем, хватит, давайте о настоящем, а не о прошлом»). У «нашего памятника» появляется смысловой оттенок, с ударением на слове «наш», который проводит границу: *наш – не ваш*. В какой-то степени (думаю, что в значительной) этот эффект усиливается и в связи с отсутствием у этих памятников какого-либо статуса. Наличие статуса – это не формально-бюрократическая деталь и не практическая надобность (баланс, присмотр, обустройство и пр.). Наличие статуса делает памятник общим, нужным и понятным всем; именно статус дает имя памятнику – и не только в реестре, но как общее достояние памяти. Таким образом, деятельность, направленная на придание памятнику официального статуса, может быть кратко сформулирована как «был нашим – стал вашим», то есть регистрация (оформление паспорта) – это социализация, введение в публичность (как и в биографии человека – получение паспорта наделяет правами и обязанностями гражданина).

Приведу один пример реализации передачи памяти от маргинальной группы обществу. В 1990 в Петербурге на Троицкой площади была установлена закладная плита с текстом: «На этом месте будет установлен памятник жертвам политических репрессий в Петрограде–Ленинграде» (статус отсутствовал). Через 12 лет ожидания (считалось, что городские власти установят памятник), в канун празднования 300-летия Петербурга, бывшие политзаключенные и петербургский «Мемориал» на этой закладной плите установили большой гранитный валун, привезенный с Соловков. Этот новый памятник – «Соловецкий камень» – был представлен как подарок городу к его 300-летию от политзаключенных (статус был оформлен через три месяца).

Некоторые памятники все же имеют какой-то официальный статус (хоть их и незначительная часть от общего числа) и, следовательно, имеют и паспортное имя. В паспорте зафиксировано: «памятник жертвам политических репрессий». Что это дает? А то, что, совпадая с формулировкой Закона о реабилитации, это имя выводит памятник из зоны маргинальности, тем самым обеспечивая ему и легализацию бытования: у этого памятника в День памяти жертв политических репрессий, 30 октября, представители районных, городских, поселковых администраций из года в год открывают траурный митинг. Но при этом такое имя внятности не придает и на вопрос: «Политические репрессии – что это?», – не отвечает. Добавлю еще, что в многочисленных

публикациях, посвященных Дню памяти 30 октября⁸, независимо от бытующего названия какого-то конкретного памятника, он всегда упоминается как «памятник жертвам политических репрессий».

Несколько слов об имени памятника «мемориал». Оно встречается в двух случаях номинации. Первый – простой перенос на памятник названия организации «Мемориал», которая являлась инициатором создания мемориала-памятника, а зачастую и возникла именно с этой целью. Второй тип номинации, более сложный, – производный от аналогии с воинскими мемориалами. Несмотря на то, что эта практика не имеет повсеместного распространения, однако она важна как одно из возможных направлений развития общественной коллективной памяти. Такое имя памятника поднимает его на уровень очевидности (и легитимности) памяти о терроре, ставит в один ряд с номинациями: «мемориал жертв 9-го января», «мемориал жертв блокады Ленинграда», «мемориал на Поклонной горе». Но в смысловом поле «мемориала» в нашем случае остаются все те же невнятные «политические репрессии».

Отсутствие имени и даже самого процесса номинации объясняется вербальной невыраженностью памяти. Просто знание о терроре – знание о фактах (арrestах, расстрелах, депортациях, лагерях), просто память о своих предках – недостаточны для выработки внятной терминологии. Эта терминология (итог рефлексии и результат интерпретации) может быть создана только после ответа на вопрос: «Что это было?», и только в традиционной схеме описания травматических событий: «они» – враги, преступники; «мы» – герои (жертвы) и их наследники. Событие/пространство/сопереживание здесь не нейтрально, оно формирует жесткий вопрос: ты, стоящий перед памятником, чье наследие принял? От какого наследия отказался?

Место рождения

В плане картографии можно говорить о повсеместном распространении памятников: в каких-то регионах их больше, в каких-то меньше... Здесь не действуют ни географический фактор (климат, административно-территориальное деление и пр.), ни даже идеологически-политический («красный пояс»), а только инициативный: есть энтузиаст – есть памятник, нет энтузиаста – нет памятника. По географическому принципу имеет смысл выделить два пространства – пространство террора и пространство Гулага: а) регионы, где арестовывали, расстреливали и откуда ссылали, высыпали и депортировали, и б) регионы, где находились в лагерях и ссылках. Далее, и в пространстве тер-

⁸ 30 октября 1974 на пресс-конференции с иностранными журналистами А. Д. Сахаров сделал заявление, в котором сообщил о голововке, объявленной одновременно во всех политзонах СССР, с требованием признания статуса политзаключенного и объявил этот день Днем политзаключенного. Ежегодный День памяти жертв политических репрессий – 30 октября – установлен Постановлением ВС РСФСР (№ 1431 от 18.10.1991).

пора и в пространстве Гулага следует выделить ареалы национальной памяти (памяти о национальных спецоперациях, о ссылках и депортациях народов) – по местам традиционного проживания народов и по местам ссылок или лагерей, где отбывали заключение их представители. Соответственно, возникают и особые конфигурации национальной памяти на географической карте – памятники, разделенные тысячами километров и воплощающие напряжение этнической идентичности, от родины до мест неволи:

*«Грекам, невинным жертвам преступной воли, вечная память»
(памятник на месте закладной плиты в Краснодаре, открыт 26.03.2011).*

*«Благородным мужам / любая земля могила / Грекам, узникам
ГУЛАГа / от потомков» (Магадан).*

Кроме того, к «месту рождения» относится и определение места установки памятника. В подавляющем большинстве случаев оно оказывается периферийным, – памятники устанавливаются не на главных площадях городов и населенных пунктов, а, в лучшем случае, на окраинах, зачастую в труднодоступных местах, в ненаселенной местности. И получается так не потому, что инициаторы хотели сделать памятник незаметным, удалить его от людских глаз, а потому, что сама память о жертвах тяготеет к кладбищенской памяти, к памяти о смерти. Если места массовых захоронений известны, решение очевидно, – там, на костях. Если же нет, то устроители разводят руками – не нашли, пришлосьставить на условном месте (где-то поблизости). Желание найти место захоронения и поставить на нем памятник «Здесь захоронены...» – очевидное, не требующее ни доказательств, ни особого обоснования, и, как следствие, почти не вызывающее затруднений в вербализации: «кому?», «зачем?» – жертвам! На могилах положено ставить надгробия, и именно эти кладбищенские памятники невольно оказываются не только «конкурентами» памятников на улицах и площадях (идеи поставить в обоих местах крайне редки), но и в случае, когда место могилы неизвестно, делегируют им свои функции, наделяя тем самым и городские памятники семантикой кенотафа. Этим объясняется одинаковость текстов на тех и других памятниках.

Связь памятника с территорией захоронений оказывается доминантой его биографии и в своем вариировании может быть представлена в нескольких моделях.

Модель первая (назовем ее натуральной). Обнаруженное место массовых захоронений (расстрелянных или лагерные кладбища) сохраняется в его исторических границах, а памятник/памятники устанавливаются при входе и/или на территории: Мемориальное кладбище «Сандормох» (Карелия), Мемориальное кладбище «Левашовская пустошь» (Санкт-Петербург), Мемориальное кладбище «Пивовариха» (Иркутская область), Мемориальное кладбище жертв

тоталитарного режима в Абези (Интинский район, Коми), Бутовский полигон (Московская область) и др.

Модель вторая (размытая). Захоронения обнаружены, но границы не определены и территория захоронений не огорожена. Памятник установлен на выявленном участке, который далее растворяется в окружающем ландшафте: Мемориальное кладбище «Зауральная роща» (Оренбург), Мемориальное кладбище «Золотая гора» (Челябинск), Мемориальное кладбище «Макариха» (Котлас) и др.

Модель третья (ограничительная). Место захоронения найдено, исторические границы известны, но на нем выделен огороженный участок – «зона памяти», где и стоит памятник: Мемориальный комплекс «Норильская Голгофа» (гора Шмидта, Норильск), лагерное кладбище рядом с Соловецким кремлем (Соловки, Архангельская область), Мемориальное кладбище Юр-Шор (Воркута) и др. Крайний случай проявления этой модели – когда огорожен только памятник: памятник строителям Котласского железнодорожного моста (г. Котлас, окрестности), Кладбище спецпереселенцев села Полевое (Красноярский край, Бирюлюсский район) и др. Как правило, эта модель является развитием предыдущей, – огражденный участок кладбища сужается до небольшого квадрата вокруг памятника.

Модель четвертая (остаточная). Место захоронения обнаружено, но часть исторической территории оказалась утрачена (например, ушла под застройку), на сохранившемся участке установлен памятник; в некоторых случаях участок выгорожен, в некоторых – нет: памятник «Жертвам Печорлага 1940–1957» на кладбище НИБ (Печора), крест с табличкой «Невинно убиенным» на бывшем лагерном кладбище Ветлосян (гора Ветлосян, Ухта).

Модель пятая («эстетический сдвиг»). Место захоронения известно, но для памятника или мемориального комплекса выбрано место по соседству – более привлекательное. Так, в Томске Поклонный крест с надписью «Вечная память невинно убиенным» установлен на вершине горы Каштанной, а место захоронений расстрелянных находится в овраге около здания тюрьмы, на расстоянии более километра. Так был создан мемориал немцам-трудармейцам в Краснотурьинске (Свердловская область). Кладбище трудармейцев в Краснотурьинске в 1940-е примыкало к старому городскому кладбищу. Здесь в 1941–1944 хоронили немцев-трудармейцев, умерших в лазарете Богословлага и в жилых зонах колонн. В 1970-е часть кладбища ушла под застройку, сохранился участок площадью 60 × 50 м. В 1995 на берегу Богословского пруда (левый берег р. Туры) около плотины открыт «Мемориал трудармейцам, строителям БАЗа и БТЭЦ» (в 700 м от бывшего кладбища) – памятник с надписью «Трудармейцам Богословлага НКВД – строителям города, алюминиевого завода и теплоэлектростанции. 1941–1945 / Никто не забыт – ничто не забыто» и табличками с именами погибших (на 2008 – 1309 имен). А в 1996 на месте кладбища трудармейцев установлен «Мемориал погибшим воинам срочной службы» (в 2006 дополнен табличками с фамилиями краснотурьинцев, погибших в горячих точках).

И последняя, шестая модель (кладбище в кладбище). Захоронения расстрелянных производились на городских кладбищах или лагерные/ спецпоселенческие кладбища со временем стали общими, гражданскими (на них в 1950-е – 1980-е поверх старых захоронений производились погребения местных жителей). В этих случаях памятники установлены на свободных местах в районе старых захоронений («где-то здесь»), – то есть они несут в себе символическую условность кенотафа, при этом максимально приближены к месту: памятный крест с надписью на плите «На этом участке кладбища захоронены жертвы политических репрессий 30-х, 40-х и начала 50-х годов» на Воскресенском кладбище (Саратов) и др.

Надо отметить, что во всех приведенных моделях могут встречаться отдельные памятники или памятные знаки на местах перезахоронений. Наиболее частые случаи – это перезахоронения отдельных костных останков с невыделенным ограждением территории (гора Шмидта, Норильск) или утраченных бывших кладбищ (Заозерное, Котлас). Приведу три особых случая.

Рязань. В 1993 при строительстве на территории, примыкающей к городскому (Лазаревскому) кладбищу, были обнаружены человеческие останки; по имевшимся свидетельствам, на этом месте в 1937–1938 захоранивали расстрелянных в находившейся рядом 1-й городской тюрьме Рязани, – всего было не менее 10 рвов. После обнаружения останков началась эксгумация: они были извлечены из двух рвов, но строительные работы остановить не удалось, и полная эксгумация проведена не была. Извлеченные останки 200 человек были перезахоронены в братской могиле на территории Мемориального кладбища военнопленных и интернированных при лагере НКВД № 178-454 («Рязань-Дягилево»). На братской могиле был установлен православный крест (украден в том же году). В 1994 Рязанский «Мемориал» установил камень с надписью: «Здесь похоронено 200 рязанцев, казненных в годы террора», впоследствии утраченный (украден в 1996, восстановлен, вновь украден в 2001). В 2003 силами «Мемориала» вновь был установлен камень с надписью: «Здесь похоронены 200 советских политзаключенных». На самой территории захоронений памятника нет. В данном случае, несмотря на ожесточенную борьбу «Мемориала» с городской администрацией и прокуратурой, не только произошел перенос локализации памяти с реального места захоронений на условное (при этом останки расстрелянных были оставлены под фундаментами новостроя), но изменились и облик и семантика уже существующего к тому времени мемориального комплекса.

Воронеж. Мемориальный комплекс «Дубовка» создан на месте массовых захоронений жертв Большого террора Воронежа и Воронежской области, обнаруженных в 1989. На территории при входе был установлен временный памятный знак – табличка, прикрепленная к дереву: «Товарищ! Ты стоишь на месте, где в 1937–38 гг. сталинские опричники проводили массовые расстрелы

наших земляков-воронежцев. Их тысячи! Вечная память погибшим!». В 1990 был поставлен сосновый крест с табличкой: «Товарищ! Ты стоишь на месте, где в 1937–38 гг. сталинские опричники проводили массовые расстрелы наших земляков-воронежцев. Их тысячи! Вечная память погибшим! Вечное проклятие палачам!», а в 1992 – дубовый крест «Невинно убиенным» и гранитный камень с табличкой: «Место расстрелов жертв массовых репрессий 30-х годов». На самой же территории устанавливаются надгробия с указанием числа захороненных в каждой могильной яме (подсчет расстрелянных осуществляется в ходе эксгумации); всего с 1989 по 2011 вскрыто более 40 расстрельных ям, останки сосчитаны и перезахоронены в те же ямы, на которых установлены надгробия.

Поселок Речной Омской области. В 1992 митрополит Омский и Тарский Феодосий (в миру – И.И. Процюк) на территории бывшей ИТК № 8 (пос. Речной Омской области) освятил памятный крест на месте бывшего лагерного кладбища и закладной крест будущего Ачайрского монастыря, совершил панихиду по убиенным и замученным и благословил строительство женского монастыря во имя Животворящего Креста Господня. Во времена молебна «На всякое благое дело» митрополит обратился к жителям поселка, чтобы они все останки, которые найдут в поселке (на огородах, при строительстве, при прокладке коммуникаций), относили в строящийся монастырь. Впоследствии собранные местными жителями на лагерном кладбище останки были захоронены под алтарем одного из монастырских храмов, нижний придел которого был открыт и освящен в 2011. С этого времени останки не приносили (больше не находили?!).

Челябинск. Символическая могила немцев-трудармейцев на ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 16а (в ограде храма Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии). С 1941 по 1944 на окраине Челябинска, в районе пос. Першино (ныне Металлургический район города), находились лагеря немцев-трудармейцев. Кладбище немцев-трудармейцев находится в 3 км на северо-восток от заводоуправления. Умерших хоронили во рвах без опознавательных знаков. Общая численность умерших и захороненных неизвестна. В 1970-е на территории кладбища было подсобное хозяйство ЧМЗ. В конце 1980-х по инициативе немецкого землячества и католической общины Челябинска кладбище (8 га) восстановили и благоустроили. В 1989–1990 было поставлено ограждение, вдоль ограды высажены тополя, оформлена центральная аллея, установлены деревянный крест и гранитный валун с памятной табличкой. В 2004 по инициативе настоятеля костела о. Вильгельма Палеша был открыт мемориальный комплекс в память немцев-трудармейцев. Под символическим алтарем памятника замурована капсула с останками, взятыми из братского захоронения трудармейцев.

Эти примеры усиливают «могильную» обоснованность памятников и дают нам ключ к пониманию всей совокупности их сакральных смыслов. Останки погибших жертв террора переводят этот памятник с уровня символического надгробия (кенотафа) на уровень жертвенника.

Что писать в графе «национальность»?

Национальная, конфессиональная, земляческая принадлежность памятника определяется замыслом и в дальнейшем определяет его бытование. Это этноконфессиональные знаки, установленные общинами в память погибших членов этих общин. Это памятники на чужбине умершим и погибшим в лагерях и ссылках. Это памятники на родине не вернувшимся ссылочным и угнанным. Память о мусульманах, евреях, католиках, членах общин, братств; память о земляках; память о членах профессиональных сообществ (об энергетиках, астрономах, профессорах и студентах Н-ского университета и др.).

«Казакам России, / жертвам политических / репрессий, безвинно / погибших в лагере – / пересылке Макариха / 1930–1934 г.г. / Вечная Вам память» (Мемориальное кладбище «Макариха», Котлас).

«Гражданам Литвы, погибшим в ссылке в Алтайском крае 1941–1955 гг.» (на литовском и русском языках; Бийск, Матищенское кладбище).

«Помните депортированных в период с 1945 по 1956 год и погибших в лагерях мужчин и женщин» (на немецком и русском языках; г. Прокопьевск, Кемеровская обл.).

«Заключенным и ссылочным Литвы, невинно здесь погибшим в 1941–1956 гг. Покойтесь с миром. Соотечественники» (на литовском языке); «Гражданам Литвы, безвинно погибшим здесь в лагерях и ссылке в 1941–1956 гг. Мир их праху. Соотечественники» (на русском языке; пос. Ревучий, Нижнеингашский район, Красноярский край).

«И если бы о них забыл, то Бог на Небе забыл бы обо мне. Памяти всех поляков, которые остались в этой земле. Пусть почивают в покое. Земляки» (на польском и русском языках; Норильск, комплекс «Норильская Голгофа»).

«Посвящается светлой памяти монголов, репрессированных в 1930–1940 гг. в Российской советской федеративной социалистической республике» (под табличкой с 34 фамилиями репрессированных; Коммунарка, Московская область).

«Жертвам сталинских репрессий 1943–1957 от калмыцкого народа. “Я знал, что мой народ в лесах Сибири нашел друзей и вновь душой окреп. Средь лучших русских, средь щедрейших в мире, деливших с нами судьбу, и хлеб...” Д. Кугультинов» (Омск).

«Российским немцам – жертвам политических репрессий» (на русском и немецком языках; Уфа).

«Насилием отторгнуты от земли родной, погибшие, но незабытые» (на литовском, русском, якутском и финском языках; пос. Тит-Ары, Республика Саха).

«Преподавателям и студентам Астраханского университета – жертвам политических репрессий» (Астрахань).

«1937–1952»; «Всем кто жил в этом доме, ушел и не вернулся»; «1941–1945» (памятный знак жителям дома, погибшим в 1937–1952; Москва, ул. Маросейка, 13).

«Пулковским астрономам – жертвам политических репрессий»; ниже – имена погибших: «Герасимович Б.П. 1889–1937 / Нумеров Б.В. 1891–1941 / Балановский И.А. 1885–19.. / Днепровский Н.И. 1887–19.. / Днепровская К.А. 1889–1943 / Еропкин Д.И. 1908–1938 / Комендантов 1895–19.. / Константинов А.П. 1895–1937 / Леман-Балановская И.Н. 1881–1945 / Мусселиус М.М. 1884–1938 / Перепелкин Е.Я. 1906–1938 / Яшнов П.И. / 1874–1940» (кладбище при Пулковской обсерватории, Санкт-Петербург).

«Памяти универсантов – жертв политических репрессий» (памятник универсантам «Скошенные»; Университетская наб., Санкт-Петербург).

«Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Своем» (памятник репрессированным староверам; пос. Охотничий Пожарского р-на на р. Улунга, Приморский край).

«Вам, испившим чашу несправедливости» (памятник репрессированным в 1930-е работникам ПМЭЗ поселка «Медный рудник»; г. Верхняя Пышма, Свердловская обл.).

«Светлая память глухонемым – жертвам политических репрессий» (памятник глухонемым; Мемориальное кладбище «Левашовская пустошь», Санкт-Петербург).

«Энергетикам Ленэнерго, павшим жертвой политических репрессий 1937–1938 гг. Вечная память» (Мемориальное кладбище «Левашовская пустошь», Санкт-Петербург).

Главное, что это память о «своих», четко и ясно прописанная на табличке. «Свои» в сознании всегда отделены от «чужих», и на первый взгляд кажется, что эти «чужие» могут быть наделены функцией «врагов» (в некоторых национально-патриотических движениях такая интерпретация действительно бывает, но она маргинальна, поэтому не будем на ней останавливаться подробно). Однако, при подробном рассмотрении эпитафий, мы видим, что в них фигурирует «чужая земля», все то же неопределенное понятие «жертвы» и те же невнятные «политические репрессии», хотя именно в текстах на национальных памятниках определение «политические» либо заменяется на «сталинские» («Памяти поляков, жертв сталинских репрессий на Томской земле» – вот и враг нашелся!), либо отсутствуют вовсе

(«Памяти эстонцев, погибших на Томской земле»); в ряде случаев текст гласит: здесь похоронены литовцы, эстонцы... На некоторых из этих памятников вместо эмоционально и политически окрашенных текстов – простое и четкое заверение о памяти: «Полякам – узникам Соловков. Соотечественники». «Свои» – это личное (корпоративное) приближение через принятие наследства определенных групп и сообществ. Определенно читать эти надписи следует с союзом «и»: и наши энергетики стали жертвами, и наши псковичи... и наши... и наши...

Никто из инициаторов таких корпоративных памятников не имел в виду, что жертвы политических репрессий – это именно энергетики, бухгалтеры, моряки, повара и т.д., которых зачем-то погубили. Чуть сложнее с национальной памятью: аресты, ссылки, депортации действительно проходили по национальному признаку (спецоперации), и этноконфессиональная память об этих событиях не только сохраняется, но и в некоторых случаях она включена в современную национальную идентичность. Трагедия своего народа, своих сограждан, погибших на чужой земле, – действительно трагедия «своих», виновниками которой были «чужие» (так для польской, литовской, латышской, эстонской памяти). Но для других народов (ингушей, балкарцев, греков, калмыков и др.) – это память народа-жертвы. Ведь «чужая земля» – это не земля врагов, формулой «чужая земля» определяется акт насилия. Не случайно многие ссылочные называют Сибирь своей второй родиной, и недаром после освобождения они создавали землячества – колымчан, воркутинцев и др.; в Польше есть Общество сибиряков, в Литве – лаптевцев. Таким образом, корпоративная и этноконфессиональная память оказывается связующей между личной (семейной) и коллективной (всех стран и народов советского наследия), – слабой, пунктирной, но все же связующей. Более того, именно эта память вызывает своего рода цепную реакцию, особенно на общих мемориальных кладбищах (комплексах): приходят люди, видят памятники и вдруг вспоминают: «А наши-то тоже тут...» (должны же быть какие-то свои, о которых надо вспомнить). И вот появляется памятник глухонемым – жертвам политических репрессий. И мечется по кладбищу старушка с цветами – свой памятник ищет. Мама – полька, папа – еврей... Куда букетик положить? А в следующий раз старушка уже припасет много букетиков, и про соседа-эстонца вспомнит, который из лагеря вернулся, и про дядю двоюродного из поволжских немцев, и про ссылочного инженера, – все свои, всем надо. А вот молодой посетитель читает надписи – и тем, и этим, и этим... – всем?

Важно отметить, что в основе практики установки памятников – цепная реакция: и для личной/семейной памяти («и моему деду надо поставить»), и для памяти «своих» («а моим-то где?»). То есть и в том, и в другом случае инициатива (идея, необходимость) опирается на личное сопреживание и проживание общего прошлого. Именно поэтому установка всех без исключения памятников имеет в качестве пускового механизма одного энтузиаста.

Внешний вид

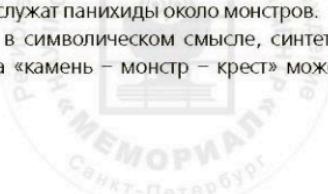
Художественные образы и визуальные решения для общих памятников (исключая этноконфессиональные), если говорить о памятниках в целом, находятся в образно-знаковой системе «камень – монстр – крест». В общественном сознании они не находятся в противоречии, а сливаются в единый образ. Посмотрим на каждый из них в отдельности.

Гранитные валуны (бесформенные глыбы из природного камня) можно трактовать как знак вопроса, растерянности, уязвленности этой проблемой, желания найти понимание сути произошедшей трагедии. Недаром чаще всего эти валуны были поставлены временно – как закладной камень, как помета «здесь будет памятник». (Устроители собирались заказать проект, собрать деньги, но... Большинство таких закладных камней, установленных в конце 1980 – начале 1990-х, так и остались на своих местах – похоже, навсегда.) Эти камни наиболее точно отражают общую ситуацию, – они символизируют отсутствие понимания.

Второй тип – «идолы Зла» – воплощает образ Гулага, сложившийся в масовой культуре: лицо безжалостного монстра, перемалывающего жизни и души миллионов своих жертв; символ политической системы, нацеленной на тотальное уничтожение всего человеческого. Любопытно, что в многочисленных конкурсах начала 1990-х символика торжества сил смерти и произвола над человеческой личностью превалировала: это замученные жертвы, груды черепов, гигантские Молохи, решетки, колючая проволока, птицы со сломанными крыльями. Но воплощение Зла и его жертв в бронзе оказалось делом дорогостоящим, и, за редким исключением («Молох тоталитаризма» в Петербурге, «Маска скорби» в Магадане), все они остались в архивах худсоветов.

Затем на смену образам победоносного Зла пришла другая, более экономичная форма памяти – православный крест. Русская Православная Церковь, претендующая на универсальность своей символики, настойчиво ее утверждает в атрибутике памятников, водружает памятники в виде крестов и православных часовен всюду (и в первую очередь, на общих могилах), – тем самым она символически объявляет своей собственностью память обо всех жертвах. Появление на общих могилах, в которых лежат люди разных национальностей и разных вероисповеданий, этноконфессиональных знаков – это всегда акт идеологического насилия над погибшими. Появление же православной символики, в данном случае, – это еще и акт идеологической агрессии. И то и другое свойственно РПЦ и соответствует современной церковной политике; важнее другое – православный крест в качестве общего памятника жертвам получил широкое распространение и во внецерковном мире, он не вызывает недоумения, не раздражает глаз, – крест, так крест (а что еще ставить?). А православные священники без колебаний освящают и камни, и служат панихиды около монстров.

Таким образом, в символическом смысле, синтетическая образная конфигурация памятника «камень – монстр – крест» может означать определен-

ный тупик в понимании прошлого и отложенный на будущее вопрос, а память о жертвах сообщает нам об успешности террора, о торжестве зла.

Бытование (жизнеописание)

Бытование памятника начинается с текста. Первые тексты памятника («пепринальный период») – это проектные записки, обоснования, обращения... Как правило, это тексты сводятся к утверждению, что жертвы были и что памятник нужен, а также могут содержать предложение по месту (местам) установки. Основной текст – это текст на самом памятнике, именно он является читаемым «посланием» памяти, связью между пониманием инициаторов и пониманием пришедшего к памятнику. Текст и визуальный образ памятника не только передают и фиксируют состояние общественной памяти о терроре и Гулаге, но и адресуют это понимание следующим поколениям, то есть участвуют в трансляции этой коллективной памяти. Выше я уже приводила некоторые тексты на памятниках⁹; для собирательной биографии памятника жертвам может быть сконструирован такой «универсальный» текст: «Жертвам политических репрессий. 1930-е – 1950-е. Помним».

Главная церемония около этих памятников проходит 30 октября, – это единственный день в году, когда памятник жертвам реально становится публичным и востребованным. Траурные митинги открывает представитель местной власти (городской, районной, поселковой администрации) – официальный день требует официального присутствия. У памятника собираются дети и внуки жертв террора, делегации от землячеств и национальных диаспор (в зависимости от регионов), в столицах – представители дипломатических миссий; учителя приводят своих учеников, обязательно присутствуют члены общественных организаций разных профилей. Возлагают венки и цветы, ставят свечи. Речи разные: кто-то приводит статистические данные о количестве жертв (в регионе, по категориям, в целом по СССР), кто-то сообщает отдельные исторические факты, кто-то вспоминает о конкретных людях... Обязательно произносятся речи о необходимости памяти о жертвах (иногда просто как призыв,

⁹ Приведу еще ряд примеров: «В память о жертвах политических репрессий» (г. Юбилейный, Московская область); «Памяти жертв политических репрессий» (Воркута); «Жертвам политических репрессий» (Миасс); «Жертвам политических репрессий» (Архангельск); «Жертвам сталинских репрессий» (Омск); «Жертвам политических репрессий» (Гальбштадт, Алтайский край); «Жертвам политических репрессий» (Боровичи, Новгородская обл.); «Жертвам политических репрессий» (Ханты-Мансийск); «Низко склоняем / головы / перед памятью / миллионы безвинно / пострадавших / в годы жестоких / сталинских / репрессий» (пос. Ягодный, Кондинский район, ХМАО); «Вам, / Великомученикам, / безвинно расстрелянным / в годы сталинских / репрессий / и погребенным здесь, – / вечная память!» (Мемориальное кладбище «Зауральная роща», Оренбург); «Вечная память / жертвам / массовых / репрессий» (г. Тайга, Кемеровская область); «1933 – 1937 – 1946 – 1953 гг. Жертвам сталинских репрессий» (с. Алексеевка, Камызякский р-н, Астраханская область); «Жертвам политических репрессий 1917–1990-х годов» (Курган); «Памяти пострадавших от незаконных репрессий» (г. Коломна, Московская область); «Жертвам и узникам сталинских лагерей» (пос. Красково, Люберецкий р-н, Московская область).

иногда с обоснованием – в адрес молодого поколения), звучат сетования о невнимании к этой памяти, о плохом социальном обеспечении реабилитированных... И наконец церковная панихида, как правило, православная (общая), но в некоторых случаях на церемонии присутствуют священнослужители различных конфессий (тогда религиозные обряды совершаются отдельно). Религиозная составляющая присутствовала в Днях памяти и в официальных церемониях с начала 1990-х (иногда с участием священника, чаще – нет), но постепенно и повсеместно к концу 2000-х православная панихида стала обязательным атрибутом церемонии, а в некоторых случаях и главным ее стержнем.

Помимо самой церемонии возле памятника, в программу Дня памяти бывают включены и сопутствующие мероприятия: администрация выделяет автобусы для посещения других мест памяти, которых в данной местности может быть и несколько (напомню: места памяти находятся, как правило, на периферии населенных пунктов), с возложением цветов и мини-экскурсией; участников церемонии приглашают в дом культуры или в зал приемов администрации на символические поминки (бутерброды и рюмка водки) и/или концерт; в некоторых регионах ответственными за проведения мероприятия оказывается местный музей, – тогда вечер памяти проходит в стенах музея с экспресс-выставкой и/или концертом. Надо сказать, что все 1990-е, когда день 30 октября был еще «бесхозным» (ни местные администрации, ни православная церковь еще не включили этот день в реестр обязательных обрядов), именно региональные музеи (наряду с библиотеками, общественными организациями и местными краеведами) становились центрами аккумуляции памяти о терроре и ГУЛАГе: собирали свидетельства, проводили вечера воспоминаний бывших заключенных и ссылочных, делали выставки и экспозиции. Зачастую эти музеи выступали и инициаторами установки памятника. В последние годы (примерно с 2005) все и чаще и чаще (отдельные случаи бывали и раньше, но на уровне единичных инициатив) 30 октября учителя в школах проводят тематический урок, посвященный истории политических репрессий, иногда с приглашением свидетелей. И уже совсем в недавнее время (впервые в 2007 в Москве) появился и сразу получил распространение (в Красноярске, в Петербурге, в Магадане) новый обряд: чтение имен жертв террора. Суть этой гражданской акции: к памятнику приходят люди и несут Вахту памяти – один за другим читают имена расстрелянных в годы террора (по Книгам памяти своего региона). Простое называние имен – это универсальное сакрально-символическое действие. И последний важный элемент – это освещение акции в СМИ: публикации в новостных лентах («30 октября в городе N-ске у памятника жертвам политических репрессий собрались почтить память...»), тематические публикации (история одной семьи, рассказ об одной судьбе, подборка исторических фрагментов) и т.д.

Помимо общероссийской церемонии 30 октября, в регионах существуют и дополнительные, назовем их условно «региональные Дни памяти». Некото-

рые даты возникли стихийно и никакого исторического обоснования не имеют: в Петербурге это первая суббота июня, когда проходит спуск венков в Неву в память о погибших во внутренней тюрьме НКВД; на Соловках – 7 августа; в Оренбурге – вторая суббота июля.

В большинстве случаев церемонии привязаны к датам спецопераций. Так, на Мемориальном кладбище «Сандормох» – 5 августа (начало операции «Большой террор»); в Ковалевском лесу (Ленинградская область) – 5 сентября (в память о начале «красного террора»). В Яренске (Ленский район, Архангельская область) – 15 июля (в этот день в 1930 в район поступила первая крупная партия спецпереселенцев), в этот день проводятся митинг и молебен у памятника. В Элисте, возле Мемориального комплекса «Исход и Возвращение», – 28 декабря (День депортации калмыцкого народа в 1943). В Нальчике, у мемориального комплекса, – 8 марта (День депортации балкарского народа в 1944). В Грозном, у памятника депортированным, – 23 февраля.

28 августа, в День памяти депортированных немцев (28 августа 1941 вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»), мемориальные акции проходят в Краснотурьинске (Свердловская область) возле «Мемориала трудармейцам, строителям БАЗа и БТЭЦ»; в Челябинске – возле Мемориального комплекса в память немцев-трудармейцев, и у других памятников депортированным российским немцам.

В Мемориальных комплексах Медного и Катыни – 2 сентября (День памяти и скорби).

Также у «своих» памятников собираются литовцы, латыши и эстонцы – 14 июня (в память о депортации 14 июня 1941); 15 декабря – греки (День памяти жертв «Греческой операции НКВД»); 25 октября – корейцы (25 октября 1937 была завершена депортация корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию)¹⁰.

В некоторых регионах у общих памятников жертвам, на мемориальных кладбищах проводятся несколько памятных дней, связанных со спецоперациями и национальными депортациями. Наиболее отмечаемые: 5 сентября – день начала «красного террора» (1918), 5 августа – начало операции «Большой террор» (1937), 28 августа – начало депортации российских немцев (1941), 14 июня – депортации народов Прибалтики (1941), 23 февраля – депортация чеченского и ингушского народов (1944).

Существуют только два примера бытования памятника жертвам в более широком контексте – это «Соловецкий камень», один из них в Москве, другой

¹⁰По прошениям прихожан и настоятелей храмов епархии, митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир издал распоряжение об установлении 25 октября каждого года Дня памяти невинно погибших христиан-корейцев в результате массовой депортации 1937 года и проведении панихиды во всех приходах епархии.

в Петербурге. И если в Петербурге этот контекст обозначен на грани: «Жертвам коммунистического террора», «Узникам Гулага», «Борцам за свободу», – то в Москве, на Лубянской площади, «Соловецкий камень» оказывается местом проведения митингов, протестных акций и траурных церемоний, связанных с событиями современности («свободу политзаключенным» – Михаилу Ходорковскому, Платону Лебедеву; «акция памяти» – Анны Политковской, Натальи Эстемировой, Стаса Маркелова, Анастасии Бабуриной).

Мы рассмотрели церемонии памяти как форму бытования памятника. Однако не менее интересны случаи, когда практики памяти оказываются «памятникообразующими». Как правило, это молодежные экспедиции по лагерным и спецпоселенческим местам, в ходе которых участники устанавливают памятные кресты на месте бывших кладбищ или, если таковые не обнаружены, на территориях бывших лагпунктов. Кресты, как правило, изготавливают на месте из подручного материала, иногда (как в Корткеросском районе Республики Коми) везут с собой и затем несут на себе десятки километров. Многие из таких экспедиций проводятся ежегодно, некоторые по организации ближе к молодежным летним школам или трудовым лагерям, тогда в программу еще включаются лекции или экскурсии.

Эти церемонии формировались постепенно.

В конце 1980-х – начале 1990-х организовывались (по общественной инициативе) поездки бывших заключенных и их родственников по местам лагерей и ссылок; постепенно сложились церемонии Дней памяти, главный импульс которых – свидетельства и память. В качестве примера приведу соловецкие Дни памяти как модельный вариант, включающий в себя все названные элементы. В июне 1989 Соловецкий музей и Общество «Мемориал» организовали первые Дни памяти, в которых приняли участие сами бывшие заключенные, их родные и близкие, журналисты, исследователи, члены «Мемориала». В программу Дней памяти вошло: открытие первой выставки по истории лагеря, установка Памятного камня на месте бывшего кладбища, съемка документального фильма, посещение бывших лагерных командировок Соловков (Секирная гора, Савватьевский политский, Исаково, Муксалма, Анзер и др.), записи свидетельств, гражданский митинг, а также первые панихиды по погибшим на Соловках. С этого времени НИЦ «Мемориал» (Петербург) вместе с Соловецким музеем ежегодно проводит Дни памяти на Соловках. Сменилось поколение – ушли из жизни все бывшие заключенные Соловецкого лагеря, затем их дети (а кто еще жив, уже ни по возрасту, ни по состоянию здоровья доехать до Соловков не может), но постепенно Дни памяти стали международными и межрегиональными: в них принимают участие делегации из разных стран, из различных регионов России. Все импульсы, заданные в 1989, впоследствии реализовались и получили развитие: на Соловках были проведены исследовательские поисковые экспедиции, организованы летние молодежные школы,

совершались гражданские акции памяти и богослужения (не только православные), были реализованы выставочные и дискуссионные проекты, установлены памятные знаки.

В те же годы возникли и поисковые экспедиции с целью обнаружения мест захоронений, а также лагпунктов и командировок, известных по воспоминаниям¹¹.

Позднее, в конце 1990-х – 2000-е, эти два импульса (поиска и памяти) совместились (вероятно, эта смена естественная: ушло поколение бывших заключенных и ссыльных, ушло поколение их детей – свидетелей и носителей личной памяти). Поисковые экспедиции трансформировались в «экспедиции памяти»¹². Задача поиска была переакцентирована с исследовательской на мемориальную (дань памяти), реализуемую в конкретных практиках: подготовка маршрута, изготовление памятных табличек (иногда памятников целиком), изготовление и установка памятных знаков на обнаруженных точках (бывших кладбищах, а при отсутствии таковых – где-то рядом или на фундаментах лагерных объектов) и обязательная фотография группы на фоне этого памятника. Последнее крайне важно для участников – фиксация итога действия, визуализация памяти. Не случайно в итоговых отчетах и презентациях подобных миссий эта финальная фотография («миссия выполнена!») нередко оказывается на обложке. Можно предположить, что фотография как визуальный документ (скорее сопричастности, чем самого памятника), собственно, и оказывается значимым «памятником», а не затерянные в тайге мемориальные знаки, которым не суждено стать местами памяти.

Интересно, что для национальной памяти (калмыков, литовцев и др.) эта модель – «экспедиции памяти» – существовала еще с конца 1980-х. Основными участниками их были дети бывших заключенных и ссыльных – свидетели. Они показывали памятные места – лагерные бараки, в которых жили, дороги, мосты, шахты, которые строили, и кладбища, на которых похоронены их товарищи. В этих поездках принимали активное участие и представители

¹¹ Например, экспедиции Ухто-Печорского «Мемориала» (Ухтинский район, Печорский район, Троицко-Печорский район, Инта, Абаза, Усть-Вымский район и др.) по поиску и обнаружению лагерных кладбищ. На Колыме в те же годы краеведческим музеем, «Мемориалом» и историками «Дальнстроя» были организованы экспедиции по лагерным командировкам на Колымской трассе с целью сбора экспонатов для готовящейся выставки «Колыма. Севвостлаг. 1932–1956 гг.». В 1991 была организована экспедиция на Васюган («Юные друзья Омского отдела Российской географической общества») с целью обнаружения бывших спецпоселков раскулаченных (вертолетом из Тары, потом – сплав на плотах по р. Чикапе).

¹² К подобным экспедициям относятся, например: поисковая экспедиция «По рекам памяти» (с 2000) – программа летних волонтерских проектов Пермского молодежного «Мемориала» (выявление, картографирование и фотография бывших спецпоселений, лагерей ГУЛАГа, кладбищ сопровождались установкой на них временных мемориальных знаков), а также гуманитарная экспедиция «Прощение и память» (муниципальный проект пос. Каргасок Томской области, июнь 2006), проходившая по территории Парабельского и Каргасокского районов речным путем (июнь 2006, встроющие экспедицию жителями поселений были установлены поминальные кресты с надписью: «Жертвам сталинских репрессий вечная память»).

национальной молодежи, именно они устанавливали памятники своим соотечественникам. Следует отметить, что эта традиция практически не трансформировалась со сменой поколений.

Перемена внешности

Для биографии памятника перемена внешности – реконструкция и/или композиционные дополнения – событие чрезвычайной значимости. Несмотря на то, что наименование и назначение памятника не меняется и текстовое послание остается как бы прежним, – меняются его визуальный образ и семантика «послания». Реконструкция и детализация декора для наших памятников не редкость. Это вызвано, как правило, совершенно pragматическими причинами. Во-первых, выполненные на скромные средства памятники быстро изнашиваются (дерево трескается, бетон крошится, краска облезает), а чтобы обеспечить поддержание памятника в надлежащем состоянии, его надо поставить кому-то на баланс, что очень непросто. Во-вторых, как уже говорилось, многие из них, по замыслу инициаторов и установщиков, – временные, поставленные «до лучших финансовых времен». Годы прошли, а эти времена так и не наступили, в результате либо своими силами, либо, опять-таки, на очень небольшие средства проводится обновление (новая доска, новая оградка)... В-третьих, со сменой поколений появляются новые инициативы (частные или общественные), новым энтузиастам кажется, что памятник недостаточно заметен, не очень внятен, или же им просто необходимо соучаствовать – лично «вложиться» в эту память, доматериализовать ее. Некоторые из этих обновлений влекут за собой и обретение статуса. Так, в 1989 в Горно-Алтайске (район Гардинно-юлевой фабрики) был установлен временный памятник, в 1992 – скульптурная композиция «Расколотый крест» на месте обнаруженных захоронений, а в 2007 (70-летняя годовщина Большого террора) Правительством Республики Алтай вокруг креста был построен и открыт (26 октября) мемориальный комплекс «Стена плача» и высажена кедровая аллея «Память отцов»; сам же памятник получил официальный статус и был внесен в республиканский реестр памятников. И, в-четвертых, памятники реконструируются после умышленных повреждений. Эти восстановления могут быть фрагментарными (если утрачен один элемент, например, табличка с эпитафией), а могут обернуться серьезной реконструкцией и изменением облика. Такова история памятника на братском перезахоронении останков в Рязани: реконструкции после периодических похищений привели к серьезной трансформации его семантики (см. об этом выше).

Место памяти, порожденное памятником, часто обретает самостоятельную логику бытования, что, в свою очередь, начинает влиять и на памятник, – его облик обрастает образными и смысловыми дополнениями, а значит и биография обогащается новыми семантическими коллизиями.

Памятник на Серпантинке (Колыма) был открыт в 1991, – камень, увитый колючей проволокой, на табличке надпись: «На этом месте в 30-х годах находилась следственная тюрьма Серпантинка. Здесь были казнены десятки тысяч репрессированных граждан, прах которых покоятся в этой долине». На следующий год площадка около памятника была дополнена простреленным камнем (здесь образ Зла реализован через вторичные элементы оформления – колючую проволоку и пулевое отверстие). Через несколько лет в непосредственной близости от памятника (но вне площадки) был установлен двухметровый металлический православный крест (личная инициатива, в память об отце), еще позднее в 30 метрах от памятника местным предпринимателем построена деревянная «поминальная беседка».

А вот история «Соловецкого камня» на Соловках. В 1989 был установлен гранитный валун (инициатива Соловецкого музея и Общества «Мемориал»). В 1998 – высажены березы (инициатива участников летней молодежной школы). В 1999 камень дополнен валуном поменьше (для возложения цветов) и табличкой «Соловецким заключенным» (инициатива Соловецкого музея, администрации г. Архангельска и Архангельской области, представителей Министерства культуры РФ, при участии Международного общества «Мемориал», мэрии г. Москвы, Архангельской областной думы и при поддержке Фонда Сороса). В том же году рядом установлен деревянный крест (инициатива предпринимателей Архангельска). В 2007 огорожена площадка (инициатива директора Соловецкого музея). В 2009 якутской делегацией в ограде установлен камень с текстом: «Помяни Господи во царствии Твоем души безвинно убиенных якутян в лагерях "СЛОН" и "Белбалтлага". От народа саха». В 2011 установлен еще один памятный камень: «Полякам – узникам Соловков. Соотечественники» (инициатива Генерального консульства Республики Польша в Петербурге).

Итак, перемена внешности находится в пределах той же знаковой системы «камень – монстр – крест»; наши памятники живут активной жизнью, меняют облик и содержание текстов, то есть находятся в поиске образа, в процессе диалога – какими им быть? Сохранив все свои основные семантические и репрезентативные качества (и не выходя при этом за границы названной образной конфигурации), памятники подверглись довольно сильному влиянию православной традиции – своего рода «крещению» и «воцерковлению» (особенно в 2000-е).

Вандализм и утраты (естественного характера)

Выше уже было сказано, что наши памятники разрушаются по естественным (природным) причинам и в силу недолговечности материалов, из которых они изготовлены. Так например, в 2003 был подмыт грунтовыми водами, вышедшими на поверхность, и упал под воду памятник в бывшем поселке Горный (Инта), установленный литовской экспедицией в 1990. Однако довольно часто не удается точно установить причину обрушения памятника, и тогда разгорается

бурная дискуссия. Так уже в течение нескольких лет не затухают споры в Медвежьегорске и Петрозаводске по поводу обрушения зимой 2006 года бронзового барельефа с памятника «Расстрел с ангелом-хранителем»: что это – вандализм или ошибка крепежа? Памятник был установлен в 1998 перед входом на мемориальное кладбище «Сандормох» (скульптор Г.Б. Салтуп, арх. Н.Н. Овчинников). Он представляет собой гранитную глыбу с бронзовым барельефом и надпись: «Люди, не убивайте друг друга».

К сожалению, вандализм – болезнь современного российского общества, он повсеместен: разрушают надгробья на городских и сельских кладбищах, портят любые памятники, выламывают из различных строений и конструкций цветной металл... Попробуем в этом контексте рассмотреть, как вандализм коснулся памятников жертв репрессий. Вот несколько примеров.

Ростов-на-Дону. Мемориал «Невинно убиенным» более 20 раз подвергался нападениям вандалов. В 2005 они выломали из стел мемориала 32 металлические плиты. В 2008 на стелах краской были написаны ругательства. Мемориал был реконструирован в середине 2000-х на средства администрации города. Мраморные облицовочные плиты были полностью заменены на металлические, у мемориальных стел установлены дополнительные информационные стенды.

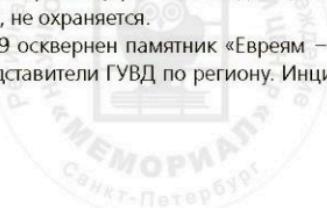
Уфа. В ноябре 2000 в Сквере памяти установлен памятник жертвам политических репрессий. Через несколько дней он был испорчен вандалами. По свидетельству автора проекта скульптора Юрия Солдатова, хулиганы безжалостно вырвали из постамента двухметровую мраморную свечу. Скульптурная композиция – мать с прижатым к ней ребенком – полностью разрушена. Как предполагает скульптор, вандалы охотились за цветным металлом. Однако композиция являлась сигнальным вариантом и была изготовлена из тонированного под бронзу гипса. Увидев «пустышку», хулиганы, видимо, рассвирепели и стали громить все подряд.

Тольятти. Памятник жертвам политических репрессий «Скорбящий ангел» открыт в 2005. В январе 2007 мемориальный комплекс подвергся нападению вандалов. Они разбили плафоны освещения и вывернули фонарные столбы.

Красноярск. В 2002 неизвестные разбили мемориальную доску на закладном камне, установленном на месте будущего памятника жертвам политических репрессий возле культурно-исторического и музеиного комплекса на Стрелке.

Нижний Новгород. В 2007 на городском кладбище вандалы осквернили мемориал жертвам репрессий. Памятник, представляющий собой бетонную стену длиной 10 метров с 74 табличками, был подожжен. «На табличках памятника и вокруг стены обнаружены следы сажи», – сообщили в ГУВД Нижегородской области. В ночное время Бугровское кладбище, на территории которого расположен памятник, не охраняется.

Норильск. В 2009 осквернен памятник «Евреям – узникам Норильлага». Об этом заявили представители ГУВД по региону. Инцидент произошел вече-

ром 5 мая. Злоумышленники разрисовали памятник краской, сломали памятную табличку, а также повредили постамент и стелу.

В нашем случае надо разделять вандализм бытовой (охота за металлом, хулиганство и т.д.) и вандализм идеологический. Далеко не всегда можно с достаточной уверенностью сказать, что порча памятников жертвам была совершена в связи с протестом против его содержания/послания, что злоумышленники осмысляют историю как-то иначе. В обществе же этот бытовой вандализм часто трактуют так: «попортили сталинисты». Возможно, подобная трактовка должна увеличить значимость памятника, повысить его роль в актуальном дискурсе о прошлом. Однако идеологический вандализм можно с уверенностью опознать только в случае оставления текстовых и/или знаковых посланий (встречаются звезды, свастика, перечеркивание и замалевывание надписей).

Приведу один пример акта вандализма, отчетливо проявленный в тексте. Безусловно, это исключительный случай: и вандалы попались грамотные, и материал для осмысления (содержание надписей) на самом памятнике – не столь часто встречающийся. Но именно это текстовое «послание» дает нам возможность определить поле идеологического неприятия подобных памятников в целом. В 2003 «Соловецкий камень» в Петербурге был расписан черной краской со всех сторон. Над гранью с надписью «жертвам коммунистического террора» – «мало стреляли», над гранью «борцам за свободу» – «иуды» и изображение звезды Давида, над ахматовской строкой «Хотелось бы всех поименно назвать...» – «да здравствует товарищ Сталин», а над надписью «узникам Гулага» – два изображения: пятиконечная звезда и свастика. Исходя из столь ясно выраженных в этих репликах и рисунках идеологических приоритетов вандалов, можно более-менее внятно прочитывать и другие послания сторонников террора и насилия.

Посыгательства на место и переезд

В целом памятники жертвам не обладают мобильностью, их не перетаскивают с места на место. Переезды редки, а в тех случаях, когда они происходят, – это не перестановка на новое место, а ликвидация старого памятника и установка нового. Так в Ханты-Мансийске в 1997 на центральной улице города (ул. Мира, 24) был установлен металлический крест с табличкой: «Вечная память жертвам политических репрессий, безвинно расстрелянным в 1937–1938 годах в городе Ханты-Мансийске и нашедшим упокоение в этой земле. На этом месте будет воздвигнута часовня». По обе стороны от креста – стенды с именами 598 человек. Через несколько лет, при строительстве домов на этой улице и реконструкции перекрестка, этот крест был демонтирован (предполагалось, временно). Но в 2006 в городе был открыт новый памятник на ул. Пионерская, на месте здания спецкомендатуры, – гранитная стела, на ней часть стены спецкомендатуры, выполненная из бронзы, перед стелой бронзовая фигура женщины, возлагающей цветы. Надпись: «Жертвам политических репрессий».

Памятники жертвам, в силу своей привязанности к местам захоронений (а на эти территории довольно часто претендуют строительные фирмы), выполняют еще и охранную роль могил и территорий в целом от посягательств. Одно дело – «свободный» пустырь в городе, про который говорят, что, вроде бы, здесь когда-то ли хоронили заключенных, то ли захоранивали трупы расстрелянных. Другое дело, если на этом пустыре стоит памятник. Тогда и начинается борьба за территорию.

Вот характерная история места памяти в г. Печора. Общая площадь лагерного кладбища, на месте которого возник городской микрорайон, составляла 9750 кв. м. В 1940–1942 на этом месте хоронили заключенных, умерших в лазарете № 5 САНО Печждорлага; с 1942 по 1946 здесь было детское кладбище при ОЛП № 25, где содержались «мамки» – женщины с детьми до двух лет. Захоронения производились индивидуально, на могилах устанавливали столбики с номерами. Кладбище использовалось и как место захоронения спецпоселенцев, иногда здесь же хоронили вольнонаемных. В 1949 кладбище было закрыто. В 1954 на территории бывшего кладбища была построена водонапорная башня; согласно легенде, бывший заключенный инженер В.С. Карев проектировал ее как памятник погибшим детям. В 1960-е жители Печоры использовали эту территорию под огороды. В 1973 здесь был построен жилой дом (Печорский пр., 9) и разбит сквер. В 2006 градостроительный комитет Печоры одобрил размещение на этой территории автостоянки; тогда же, несмотря на протесты местных общественных организаций, здесь был построен магазин. По инициативе о. Константина (К.И. Качур), настоятеля храма Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа, в сквере был поставлен памятный крест с надписью: «Крест установлен и освящен 18.07.2007 Преосвященнейшим Питиримом Епископом Сыктывкарским и Воркутинским на месте будущей часовни в память о пострадавших в годы репрессий» (резчик – С.А. Суровцев). Часовня Новомучеников и Исповедников Российских (архитектор – Н.С. Делибальтов) была построена на средства местных предпринимателей и прихожан. Освящена епископом Питиримом 19 июля 2009 (памятная доска на стенах часовни не установлена). Летом 2010 памятный крест упал во время урагана; на март 2011 он еще не восстановлен и хранится в храме Нерукотворного Образа.

Что интересно в этой истории? Жители города хранили легенду о башне-памятнике, но это не помешало им разбить на кладбище огороды, а городским властям строить дома и дороги. Борьба за размещение на этом месте автостоянки была выиграна хранителями памяти, но был проигран еще один участок кладбища – тот, на котором построен магазин. Окончательной победой в сохранении места памяти можно было бы считать установку креста в память о жертвах, но он был утрачен (стихийное бедствие) и не восстановлен, как выполнивший свою функцию. Часовня же, несмотря на панихиды по погибшим заключенным Печорлага, памятником не является. Получается, что память

о жертвах свернулась до отправления служб православными священнослужителями, а проходящий мимо часовни горожанин никак не может связать ее с местом памяти. И для нас остается вопрос – считать ли часовню еще одним элементом в истории постепенного утрачивания места памяти?

Итоги

Память о терроре в современном российском обществе, материализовавшаяся в памятниках «жертвам политических репрессий», несмотря на кажущееся разнообразие, представляет собой единый образ исторического понимания прошлого. Теперь мы можем с уверенностью ответить на заданный в начале вопрос: кому эти памятники – историческому событию или людям? Коллективная биография Памятника находится в соответствии с коллективной биографией Жертвы (в данном контексте – это совокупность региональных и национальных Книг памяти, Мартирологов). Памятник создает образ общей могилы всех жертв. Памятник (совокупность всех российских памятников) аккумулирует память – личную/семейную, групп и сообществ (профессиональную, территориальную, общинную), а также обеспечивает межнациональный диалог. Ни визуальные образы памятников, ни тексты на них не дают ответов на основные вопросы прошлого: кому и во имя чего были принесены эти жертвы? Попытки назвать «врага» (сделать уточнение к слову «репрессия»), выраженные в текстах, беспомощны: репрессии бывают «политические», «большевистские», «сталинские», а еще «красный террор». Памятник жертвам закрепляет в общественном сознании отказ от понимания и глубокого анализа прошлого, не предлагает интерпретаций, но закрепляет знание о том, что «были жертвы», был террор. Поэтому он тихо спит на окраине города, но раз в году – 30 октября – выходит на дневную поверхность, во исполнение Закона РФ от 18 октября 1991 (№1761-1) «О реабилитации жертв политических репрессий».

Севиль Векилова

Влияние политических репрессий на жизнь многопоколенной семьи

Севиль Афрасибовна ВЕКИЛОВА

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии человека
РГПУ им. А.И. Герцена

В рамках данной работы мы рассматриваем субъективный опыт человека, ставшего жертвой политических репрессий, как один из вариантов травматического опыта. Травматический опыт, в некоторых концепциях он называется кризисным¹, отличается от других видов человеческого опыта несколькими важными чертами. Он кардинальным образом меняет картину мира, так как суть этого опыта состоит в том, что с человеком в реальности происходит то, что в его субъективной картине мира с ним произойти не может. Наличие такого когнитивного конструкта объясняет первые реакции на травму – «замороженность, ступор» и «отрицание». Травматический опыт представляет реальную угрозу собственной жизни или/и жизни близких людей, поэтому он сопровождается психофизиологическим напряжением, переживаемым как непреходящая, изнурительная тревога. Он разрушает

vekilova@mail.ru

¹Ленник Л. Как справиться с кризисом. – М.: Педагогика-Пресс, 1995.

предполагаемую траекторию жизни – планируемое будущее, так как задуманные ранее действия становятся невозможными. По динамике протекания травматический кризис похож на первую половину «цикла горя»², но, если само понятие цикла предполагает выход из него, то травма в большинстве случаев приводит к серьезным безвозвратным изменениям психической организации человека. Кроме специфической траектории течения процесса, есть и другие отличия в симптоматике, к ним относятсяочные кошмары – «flash backs»; не контролируемые отреагирования гнева, как результат наличия «эмоционального контейнера»; неоправданная бдительность; ощущение потери контроля. Представленная феноменология описана применительно к опыту военных ветеранов³, но по своей сути близка к описаниям переживаний людей, прошедших через обыски, аресты, политические заключения, насилиственное отнятие собственности. Репрессивная травма – процесс, растянутый во времени на многие годы, она носит затяжной и изнуряющий характер, сопровождается тяжелым опытом неопределенности (незнания о судьбе близких) и ложными надеждами. Очевидно, она сопровождается и многими феноменами, отражающими внутреннюю психологическую связанность с человеком, которого ждут: эффект «присутствия», «видение в толпе», сны и внутренние диалоги. Еще одной особенностью репрессивной травмы является то, что этот опыт не является общим с окружающими с людьми (как, например, при военной травме), напротив, он сопровождается социальным изгойством – нарушает систему внешней социальной поддержки – поддержки друзей, сослуживцев, соседей, которая действует при всех других видах кризисных состояний (болезнях, утрутах, разводах). Обращение к социальной поддержке в случае политических репрессий становится опасным или невозможным.

Психическая травма, как результат репрессивного опыта является не только индивидуальным, но и семейным опытом. Семья меняется как целостность, так как кардинально меняется структура членства и сами люди. В первую очередь изменяется энергетика семьи, так называемый «эмоциональный котел»⁴, оскудевает потенциал свободно доступных эмоций, происходит оцепенение, замораживание семьи. Меняется структура, содержание коммуникаций и сама «карта» семьи. Тот, кто был реальным, присутствующим человеком, становится символической фигурой, и коммуникации с ним могут стать более насыщенными, чем реальные взаимоотношения с окружающими. В результате репрессий разрушается как

² Материалы 1-й Российско-Американской школы по работе с посттравматическим стрессом // Вестник РАТЭПП. – Вып. 2. – СПб., 1995. – С. 3-32.

³ Колодзин Б. Как жить после психической травмы. – <http://www.nedug.ru/lib/lit/psych/01dec/psych167/KOLODZIN.doc>

⁴ Сатир В. Как строить себя и свою семью. – М., 1992. – 192 с.

супружеская, так и родительская подсистемы, оставшийся супруг остается не просто без текущей поддержки, – возможно, он поставлен в ситуацию вынужденного отречения и переживает опыт морального разрушения. Эмоциональные перегрузки, которыми сопровождается подобный опыт, непременно проявляются в родительском поведении. Эмоциональные вклады, внимание и забота, которые жизненно необходимы детям в этой ситуации, не могут обеспечиваться в должном объеме, поскольку родительская система уменьшилась не только количественно, но и качественно. Дети теряют ощущение безопасности не только из-за «оскудения» родительской подсистемы, но из-за недоговоренности или лжи, которая возникает между ними и родными, поскольку вразумительного объяснения сути происходящего они, чаще всего, не получают. Разлитая тревога становится основным модусом их существования. Семья заболевает и приобретает черты травматической семьи.

Мы полагаем, что опыт репрессий оказывает свое негативное влияние на жизни оставшихся членов семьи, искажая процессы сепарации, супружества, репродукции и родительства в последующих поколениях родового сообщества. Он также проявится в низком уровне семейной интеграции, в большом количестве неидентифицированных членов генеалогического древа, так как забывание (диссоциация) – один из наиболее эффективных защитных механизмов против изнурительной тревоги. Суммарный эффект от описанных феноменов, в свою очередь, приводит к вторичным последствиям: негативному влиянию на социальную траекторию развития как отдельного человека, так и семейного сообщества в целом – к более низкому уровню образования и меньшей карьерной успешности потомков.

В данном исследовании анализируются генеалогические древа и сопровождающие их тексты – истории многопоколенных семей, переживших репрессии. Несмотря на то, что материал представляет собой субъективное повествование, есть достаточно оснований считать его достоверным. Так, межпоколенческий интервал в нашей выборке соответствует стандартному для генеалогических графов – 30–33 года. Численность рожденных мужчин превышает численность рожденных женщин, что соответствует фактам первичного соотношения полов в популяции. Поколенческая динамика сдвигов частот разводов, одиноко живущих взрослых и других форм немоногамных моделей семьи соответствует общей популяционной динамике. Наконец, суициdalная статистика в нашей выборке (19 суицидов на 3054 человека) соответствует статистическим данным по России: 60 на 10 тысяч населения.

Анализ конкретного материала семейных историй позволяет говорить о разных типах репрессивного опыта, пережитого членами исследуемых семей: опыт раскулачивания, раскулачивания и ссылок на спецпоселение и самый

жестокий опыт – расстрелов. Из общей выборки нисходящих генеалогических графов были выделены 11, в которых описаны опыты репрессий (общая численность группы – 804 человека), и 17 графов, в которых семьи не пережили данного опыта (общая численность группы 1364 человека).

На первом этапе было проведено сравнение двух групп многопоколенных семейных сообществ по трем общим генеалогическим показателям (см. таблицу 1). Несмотря на отличия в средних значениях, не было получено статистически значимых различий ни по одному из измеренных показателей. Многопоколенные семьи, пережившие опыт политических репрессий, хотя и имеют больший «возраст», но статистически значимо не отличаются от семей, не переживших репрессивный опыт.

Таблица 1

№	Показатель	Репрессированные семейные кланы n= 11	Не репрессированные n=17	Значимость t-критерий
1	Средняя численность людей в генеалогическом графе	80,40	79,37	0,07
2	Среднее количество поколений в графе	5,70	5,50	0,41
3	Средний хронологический возраст древа (годы)	141,10	128,43	1,24

На втором этапе анализ проводился не по целостному генеалогическому графу, а по поколенческим линиям графа. Очевидно, что репрессии более сильно влияют на семью-мишень: родителей и детей, а в поколениях внуков и правнуков проявление последствий репрессий будут более мягкими. Пять поколений, отраженных в таблице, включают предковую семью, не задетую репрессиями; 2-е и 3-е поколения, непосредственно пострадавшие от репрессий, и 4-е и 5-е поколения потомков. Были вычислены показатели, которые, по нашему мнению, должны быть наиболее «чувствительны» к фактору травматического стресса. К ним относятся: способность к супружеству как таковому и способность к поддержанию супружеских отношений, способность к репродукции и к родительскому поведению, собственное здоровье и долголетие, а также забвение – как общий индикатор нарушения целостности и полноты семейной памяти (речь идет о специфических элементах генеалогического графа, в которых фигура человека обозначена, но о его судьбе в семейной памяти не сохранилось никакой информации).

Таблица 2

№	Показатель	Номер поколения	Репрессированные семейные кланы n= 11 графов	Не репрессированные n= 17 графов	Значимость различий U-критерий
1	Средняя численность немоногамных семейных моделей	1	0	0,35	71
2		2	0,8	1,06	73,5
3		3	2,9	3,76	68
4		4	2,8	4,23	64
5		5	1,6	1,88	59
6	Среднее количество рожденных детей	1	6,1	6,59	85
7		2	11,7	12,94	76
8		3	11,0	14,7	56
9		4	9,8	14,58	47 *
10		5	2,9	4,53	56
11	Среднее количество безвременно умерших и больных взрослых	1	0,3	0,47	73
12		2	2,7	1,41	51 *
13		3	2,5	1,41	52 *
14		4	1,1	0,59	57
15		5	0,2	0,47	63
16	Среднее количество «забытых» членов семейного клана	1	0,4	1,71	59
17		2	3,3	3,41	83,5
18		3	2,3	5,41	49 *
19		4	2,8	7,0	59
20		5	3,0	6,35	61

* – отмечены статистически значимые различия.

Результаты показывают, что две группы семей значимо не различаются по числу немоногамных семейных моделей, которые они реализуют в своем супружеском поведении. Представители двух групп одинаково часто разводятся, женятся повторно, либо живут одиноко, хотя общая тенденция к росту немоногамных семейных моделей от начала XX века к его концу прослеживается отчетливо. Данные по репродукции показывают систематические более низкие значения для группы репрессированных. Возможно, речь идет о традиционных отличиях в нормах детности в разных слоях российского общества. Единственное значимое отличие в количестве рожденных детей отмечается в 4-м поколении. Возможно, что представители первой группы более оперативно реаги-

рут на переход от расширенной репродукции к дефицитарной. Третий блок показателей описывает статистику насильственных смертей и болезней взрослых – фактов преждевременного ухода из жизни и снижения жизнеспособности. Группы не отличаются по этому показателю в старшем поколении предковой семьи, но в двух последующих поколениях отличаются от сообществ, не пострадавших от репрессий значимо; речь при этом идет не только о гибели в результате репрессивных действий, но и о заболевших и умерших женах и детях, суицидах близких. Последний блок таблицы 2 содержит показатели так называемого «семейного забвения». Результаты полностью опровергают гипотезу о забвении как способе снизить травматическую тревогу. В репрессированных семейных кланах память об именах, датах и судьбах людей сохраняется лучше, а в 3-м поколении различия достигают уровня значимости. Осознание значимости семейной истории характерно для выборки семейных сообществ переживших трагедии.

Для проверки гипотезы о вторичных последствиях травматического опыта – снижении уровня социальной успешности как отдельного человека, так и целого семейного сообщества, – были проанализированы показатели социального восхождения/социального «падения»⁵ (таблица 3).

Таблица 3

№	Показатель	Номер поколения	Репрессированные семейные кланы n= 11 графов	Не репрессированные n=17 графов	Значимость U-критерий
1	Сред. кол. человек, демонстрирующих траекторию социального восхождения	1	5,5	2,17	39 *
2		2	14,0	10,53	65
3		3	26,2	16,17	51*
4		4	28,3	22,5	67
5		5	11,8	14,71	61
6	Сред. кол. человек, демонстрирующих траекторию социального «падения»	1	0,2	0,17	82
7		2	0	0,7	65
8		3	2,4	1,17	56
9		4	2,1	2,35	83
10		5	1,4	0,7	64

⁵ Векилова С.А. Социальное пространство жизни многопоколенной семьи // Проблемы психологии социального взаимодействия. – М.: НИИРРР, 2011. – С. 56-60.

Опровергая наши ожидания, данные говорят о большей мотивации социального восхождения (учебы, профессионального и карьерного роста) для 4-х поколений репрессированных семейных сообществ, а в 1-м и 3-м поколениях эти отличия достигают уровня статистической значимости. Динамика роста траектории восхождения, характерная для послевоенного времени, падает в 5-м поколении, – так как многие его представители являются молодыми людьми и только еще начинают свой жизненный путь. Результаты второго блока описывают феноменологию социального «падения», факты алкоголизации, безработицы, семейной неустроенности и жизненной маятки. Хотя цифры не показывают достоверных различий, практики социального «падения» также более характерны для членов репрессированных семейных сообществ, представляя теневую составляющую их общего жизненного успеха. Этот результат косвенно подтверждает предположение о том, что репрессивный стресс может иметь долгосрочные влияния на потомков, обучая их тактикам «беспомощности» через механизм межпоколенной передачи.

Особый интерес вызывают данные по эмиграционной активности (таблица 4). Логично было бы предположить, что семьи, имевшие негативный опыт взаимоотношений с властью, воспользуются возможностями эмиграции. Данные снова опровергают это предположение. Частоты эмиграций в семейных сообществах, переживших репрессии во втором и третьем поколениях генеалогического графа, ниже, чем в контрольной выборке, где частоты эмиграции приближаются к единице.

Таблица 4

№	Показатель	Номер поколения	Репрессированные семейные кланы n=11 графов	Не репрессированные n=17 графов	Значимость различий U-критерий
1	Среднее количество случаев эмиграции	1	0	0	
2		2	0,20	0,17	82
3		3	0,21	0,88	78
4		4	0,32	0,82	80
5		5	0,21	0,76	69

Подводя итог, можно говорить о том, что увеличение численности двух групп позволит получить более надежные результаты, пока же можно говорить скорее о надежде на них. Тем не менее, некоторые гипотезы нашли свое под-

тврждение уже на данном этапе работы, а некоторые были опровергнуты. В ре-прессырованных сообществах не разрушается способность вступать в супружеские отношения и поддерживать их, если эта тенденция и обнаруживается, то она соответствует общей тенденции изменения традиционной семейной модели, характерной для нашего времени. Это же может быть сказано и относительно репродукции и родительского поведения. Несмотря на то, что репрессированные семейные кланы понесли серьезные личностные и человеческие потери во 2-м и 3-м поколениях, но в последующих поколениях число безврременно умерших и хронически больных значительно уменьшилось и не отличается от контроля. Еще раз стоит повторить, что семейная память репрессированных сообществ сохраняет информацию о судьбах своих предков с большой полнотой, для нее не характерен феномен семейного забвения. Яркой чертой членов семей, переживших репрессии, является сильная мотивация социального восхождения, которая, однако, сопровождается своей негативной составляющей – случаями жизненной неустроенности и маяты.

Михаил Рогачев

Книги памяти жертв политических репрессий как биографический источник

Тезисы

Михаил Борисович РОГАЧЕВ

Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние»
(Сыктывкар)

Книги памяти жертв политических репрессий изданы более чем в 50 регионах России. Большинство из них содержат списки репрессированных по политическим основаниям в данном регионе. Возможности использования региональных Книг памяти как биографического источника рассматриваются на примере Коми республиканского мартиролога жертв политических репрессий «Покаяние». В 1998–2010 выпущено 9 томов (14 книг), издание продолжается. Каждый том включает статьи, документы, воспоминания и биографии. Общая база данных включает более 100 тысяч биографий.

Коми АО (Коми АССР) в 1920-е – 1950-е являлась одним из основных районов дислокации ИТЛ и размещения спецпоселенцев. Опубликованные тематические тома мартиролога «Покаяние» включают базы данных по различным категориям репрессированных: осужденным по политическим статьям в Коми (включая осужденных в лагерях), раскулаченным в Коми АО, спецпоселенцам-раскулаченным, депор-

rogachev-mb@yandex.ru

тированным из Западной Украины и Западной Белоруссии на спецпоселение в Коми АССР, политзаключенным Ухто-Печорского и Ухто-Ижемского ИТЛ.

Особенности категорий репрессированных позволяют использовать два вида биограмм: индивидуальные (осужденные, заключенные) и семейные (раскулаченные, спецпоселенцы). Набор признаков, составляющих биограмму, может меняться в зависимости от категории репрессированных, но должен включать, как минимум, сведения о году и месте рождения, проживания на момент применения репрессий, репрессивном решении (дате принятия решения, основании для репрессии, судебном или внесудебном органе, принявшем решение, приговоре), исполнении репрессивного решения.

Ценность баз данных (при условии, что биограммы включают указанный минимум сведений) в том, что они позволяют путем статистической обработки составить «коллективный портрет» (фрагмент «коллективной биографии») отдельных групп репрессированных.

Отдельные биограммы могут рассматриваться как «биографические знаки», обозначающие перелом в судьбе человека, позволяющие восстановить биографию репрессированного. Как правило, в Книгах памяти публикуются серии биографических очерков о персонах, упоминающихся в базах данных. Часто такие «биографические знаки» служат для родных и историков отправной точкой поиска по установлению неизвестных ранее сведений о судьбе человека.

Олег Николаев

Биография в зеркале бытовых письменных практик

Олег Рудольфович НИКОЛАЕВ

НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

Простой (не принадлежащий к профессиональной сфере Письма) человек XX века, и особенно в СССР, оказывался в океане разнообразных письменных практик. С одной стороны, лавина идеологической словесности, идущая через газеты, плакаты, разнообразную наглядную агитацию – официальное письмо, ориентированное на массовую аудиторию. С другой стороны, поток документации, окружавший со всех сторон частного человека; – он порождался гипертрофированной бюрократической машиной и без конца внутренне варьировался в поле изощренного советского «документотворчества». И то и другое Письмо обладало вездесущным массовым характером – следовательно, было императивным. Как бы ни был человек неграмотен или идеино не совместим с этими видами Письма, они все равно вторгались в его жизнь. Проблема «человек и документ» – одна из ключевых как для культурной истории XX века в целом, так и для биографии конкретного человека в частности. Собственно, эти два вида Письма

ornikolaev@yandex.ru

и оказываются основными источниками для реконструкции биографий людей советской эпохи и, к сожалению, во многом по методологической инерции, чуть ли не единственными формами репрезентации человека и его судьбы в истории.

Нетрудно предметом исследования стал письменный поток, исходящий от рядового советского гражданина и направленный в сферу власти и официальной словесности. С одной стороны, это особый эпистолярный феномен советской эпохи: от писем в газеты до «писем вождю» (писали не только известные писатели). С другой стороны, это массовое «документотворчество» – тексты со статусом документа: от заявлений и жалоб до кляуз и доносов¹. И письма, и документы, несмотря на явные признаки наивного Письма (что делает их уникальным антропологическим источником), ориентированы на включение в поле официальной письменности с попыткой воспроизведения ее идеологизированных дискурсов.

Но есть еще одна сфера письменности массового распространения. Как ее ни называть: народная письменность, эго-словесность, бытовая письменность, наивное письмо, – ее главная черта – неофициальность. Для советской эпохи с абсолютным господством Нормы письменного поведения, воплощенной в практиках цензуры и редактуры, – это почти онтологическое (бытийственное) свойство. Эти тексты сложно соотносимы с официальным Письмом. Это тексты не идеологизированные и не контридеологизированные. Они, действительно, просто другие.

Это огромный материк письменности: от повседневных бытовых записок и надписей на стенах до дневников (которые велись десятилетиями), жизнеописаний (написанных не для печати, а «для себя» или потомков) и огромных архивов. Вся народная письменность – это и есть наиболее отклоняющаяся от нормы документация. Повторю вопрос К.А. Богданова, заданный им на круглом столе, посвященном «наивной литературе»: «Какова степень социальной игнорации в оценке “наивности”?»². Думается, что она в советском изводе просто колоссальна. Целый материк словесности (а XX век в России – это век массового Письма) оказался не просто на периферии, а фактически – с точки зрения официальной Нормы – не существующим. Практические последствия этой игнорации: ни архивы, ни музеи не включали в свои собрания памятники народной письменности, а если они и оказывались в фондах, то практически не вводились в оборот (например, фронтовые письма)³. В массовом сознании

¹ См. например: Утехин И.В. Из наблюдений над поэтикой жалобы // *Studia etnologica: Труды факультета этнологии*. – Вып. 2. – СПб., 2004. – С. 274–305.

² «Наивная литература». Исследования и тексты – М., 2001. – С. 12.

³ Ситуация в досоветские времена была другая – в архивах сохранилось немалое количество памятников письменности, вышедших из среды крестьян, купцов, мещан и т.д. Мало того, эти тексты активно публиковались в периодике.

эта письменность также обесценилась (это усиливалось и страхом, нет ли там, в записях деда, чего лишнего), что привело к катастрофической утрате архивов.

Действительно, вся проблема состоит в необходимости осознания этой самой Нормы, которая, потеряв свою советскую идеологическую окраску, отнюдь не утратила позиции своего кодификационного господства. По сути, если вдуматься, народная письменность – это не отклонение, а норма, – норма, отражающая динамику массового сознания в ее словесной ипостаси, жизнь словесности как важнейшей формы культурных практик.

Кстати, если речь идет о Древней Руси, то наука (а вслед за ней и общая система культурных ценностей) не только включает народную письменность в поле своего внимания, но и рассматривает ее памятники как выдающиеся образцы литературы (северорусские жития, например, не говоря уже о «посадской литературе» XVII века). Но отношение другое, если речь идет о советском и постсоветском времени. «Величие» и монструность Нормы сложно переоценить. Норма создала множество образцовых текстов (своего рода «габитусов» Письма, используя термин П. Бурдье), касающихся всех видов практик словесности (перечислю лишь то, что имеет отношение к предмету статьи): «исторический текст», «искусствоведческий текст» «краеведческий текст», «экскурсионный текст», «биографический текст»... И эти образцовые модели давно работают на уровне массового подсознания. Применение их в качестве экспертных клише к народной письменности приводит или к отвержению последней (как выбрасываются на помойку рукописи – часто единственны! – «наивных поэтов» или краеведов-любителей, присланные на разные районные конкурсы и не прошедшие проверку Нормой) или к жесткому хирургическому вмешательству редактуры, превращающей наивных авторов в графоманов и эпигонов⁴.

Тексты народной письменности лишь совсем недавно (с 1990-х годов) стали предметом научного изучения и в своем массиве пока не осмыслены в достаточной мере как историко-культурный источник (хотя все чаще привлекаются в конкретных случаях). Но, собственно, не эта проблема станет предметом моих размышлений. В данном случае меня будет интересовать скорее не «биография в зеркале...», а письменные практики как часть биографии, письменное поведение как дискурс жизнетворчества. Для авторов в области народной письменности писать, по Ролану Барту, – это глагол непереходный. А значит, и Письмо становится не деятельность по производству продуктов, а собственно биографическим текстом – биографией. Позволю себе поделиться наблюдениями над некоторыми разновидностями подобных «биографий в письме», над распространенными стратегиями письменного поведения наивных авторов.

⁴ См. о господстве редактуры в отечественной издательской практике: Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо». Опыт лингво-культурологического чтения. – М., 1996.

Экскурс 1. Коллекционеры

«Как в песне, догорай моя
лучина... Зубы на полку, мысли
в засолку, язык на замок. При пожаре
дом настежь, перед смертью душу
наружу. Видно, так оно и бывает
в жизни человека»

К.М. Корепанов⁵

В народной письменности XX века отчетливо выделяется «коллекционный» пласт. Коллекционировались песни, афоризмы, пословицы, кулинарные рецепты, сведения по народной медицине, советы по приусадебному хозяйству и рукоделию, разного рода занимательные факты (под девизом распространенной в научно-популярной периодике формулы: «А знаете ли вы, что?»), и т.д. и т.п. Культурной подоплекой этого массового коллекционного бума было крайне малое количество специализированных изданий по этим сферам, да и вообще их периферийный статус в системе культурных ценностей советского времени. Простому человеку (конечно, тому, кто не был лишен любознательности и определенных культурных интересов) приходилось «переполачивать» горы периодических изданий (газет, журналов, отрывных календарей) для того, чтобы составлять для себя разного рода «подручные энциклопедии». Так, кстати, называлась первая записная книжка Н.В. Гоголя – «Книга всякой всячины, или Подручная энциклопедия». В официальных энциклопедиях и справочниках советского времени такого материала не было. Подобные «коллекции» отличались чрезвычайной «разносортицей»: выписки из книг соседствовали с вырезками из периодики, факты устного происхождения (будь то пословица или кулинарный рецепт) с листками отрывных календарей.

Пробиться сквозь толщу этих «сводов знаний» довольно непросто. Материал этот крайне сложен для анализа и интерпретации, хотя бы по причине его объемности. Наивные коллекционеры обрабатывали и систематизировали огромный, пугающий своей чудовищностью массив массового чтения, хотя у представителей большой нормативной культуры хватало смелости только на составление библиографических указателей газетных статей.

Принципы отбора, систематизации и подчас интерпретации материала у наивных коллекционеров были свои – далекие от официальных. В этом случае, как и в ситуации с глаголом «писать» (по Р. Барту), «коллекционировать» – тоже глагол непереходный. В отличие от коллекционера материальных ценностей (он создает коллекцию – то, чем он может манипулировать, в хорошем смысле слова, в своем сообществе – зарабатывать символический и реальный

⁵Здесь и далее в цитатах из текстов народной письменности сохраняются орфография и пунктуация подлинника.

капитал и т.д.), деятельность *наивного коллекционера* в области письменности явно отличается бескорыстностью. А в отличие от специализированного профессионала-гуманитария, собирающего всю жизнь выписки по какой-либо своей научной теме, наивным коллекционерам свойственно постоянное ощущение многомерного единства, – они заняты моделированием жизни и мира в целом, а не отдельного его фрагмента. По сути дела, коллекционное письмо является версией повседневного коллекционирования (разных значимых для жизни сведений, фактов, словечек, ситуаций, курьезов и проч.), которое проходит не в письменной форме, а в памяти, проявляясь в устном речевом обиходе, и которое тоже постоянно моделирует реальность.

Пример

Кузьма Матвеевич Корепанов, всю жизнь проживший в селе Самарово ХМАО⁶ и работавший в торговле, – *наивный коллекционер* классического образца. Долгие годы жизни (в основном на пенсии в 1960–1970-е) он составлял своеобразную энциклопедию; в ней насчитывается около 15 тетрадей, озаглавленных (с вариантами) таким образом: «Сборник №... народных пословиц, поговорок, афоризм-стихов, исторических цитат Корепанова Кузьмы Матвеевича». Записи пронумерованы сквозным образом через все «сборники». Кроме того, все записи расположены по хронологии. Дневниковый принцип расположения материала совмещается с коллекционным (в официально признанных практиках систематизации такого не найти). В составе корепановского свода: разнообразные паремии (афоризмы, пословицы, загадки и др.); статьи и стихи из газет, переписанные часто целиком (особенно Кузьма Матвеевич любил газету «Неделя»); нравоучительные рассуждения; стихи собственного сочинения; цитаты знаменитых людей и т.д.

Некоторые собираательские практики Корепанова выглядят довольно странно, опять же с точки зрения Нормы. Так например, он коллекционирует своих тезок – исторических и литературных персонажей с именем Кузьма. В их число попадают: «комендант» Льва Толстого; Кузьма в пословицах; председатель колхоза в Минской области; Кузьма Прутков и даже ефрейтор Кузьмич из какой-то пьесы, услышанной по радио. В этом же ряду и поэтические псевдонимы Корепанова: «бедной Кузьма», «дед Кузьма». При всей странности, подобное коллекционирование, по сути, основывается на существующей в повседневности практике – «собирать» в памяти (чаще неосознанно, чем целенаправленно) тезок⁷, а за этой практикой стоит,

⁶Здесь и далее: ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ.

⁷С именами связано множество культурных практик, зачастую выглядящих странно. Так, в одной из экспедиций в Тверской области мне встретился местный краевед-любитель, который подсчитал

в свою очередь, неизбытвенная тяга к семантизации имени – наделению имен устойчивыми смысловыми полями и культурными репутациями⁸.

В корепановской энциклопедии (и в её подобных собраниях) в изобилии обнаруживаются культурные практики и мыслительные приемы, которые явно не прошли бы проверку официальной советской Нормой. Они не окрашены идеологической оппозиционностью, но явно не легитимны по самим механизмам кодификации, нарушают официально признанные иерархические принципы. В записи под № 2540 у Корепанова читаем: «Американский Писатель Марк-Твен был большой Любитель Играть в бильярд». Конечно, ничего предсудительного в этом сообщении нет, но во вступлениях к изданиям произведений Марка Твена об этом точно не говорилось; в репутации классиков такие факты, как например пристрастие к игре в карты у Некрасова, не должны были входить. «Человеческим слабостям» великих людей в советское время предоставлялось лишь пространство маргинаций, озаглавленное пресловутым «А знаете ли вы, что?..», эта информация специально и фрагментировалась, чтобы не соединяться в сознании читателей.

Такая же, кстати, участь была уготована и этнографическому знанию в целом; советская стратегия деэтнографизации и поддерживалась тем, что сведения по народным обычаям подавались только в форме экзотических маргинаций (кстати, Корепанов постоянно выписывает из газет и календарей описания празднования Нового года, традиционных свадеб и т.д.). Только «наивные энциклопедии» и выстраивали ряды на подобных, официально не дозволенных классификациях: «2575. У нас в России Любимцы были блинов. Их любили Великий Полководец А.В. Суворов, Замечательный композитор, – Мусоргский М.П. и Завмаг Оранский Н.Н.». Для Корепанова нормативные границы преодолимы – и любовь к блинам оказывается непредсудительной, и завмаг из села Самарова встраивается в один ряд с великими людьми.

Сходным образом Корепанов подходит и к цитированию классических текстов, перекраивая их на свой лад, дополняя, продолжая и подчас опровергая. Вот Кузьма Матвеевич переписывает стихотворение Е.А. Баратынского «Осень», превращая «Прощай, прощай, сияние небес! / Прощай, прощай, краса природы!» в «Эх прощай сияние небес! / Прощай, Прощай, краса северной природы!» Корепанову, очевидно, эмоционально не хватило элегической медитативности тавтологии («Прощай, прощай...»), – и появилось междометие «Эх!», обозначающее, как в народной песне, сильный эмоциональный акцент

количества имен тезок среди погибших во время Великой Отечественной войны односельчан: сколько Иванов, Петров, Федоров и т.д.

⁸Современные оккультно-мистические трактовки имени («Имя и судьба», «Имя и характер» и т.п.) – фактически результат мифологизации непрерывно происходящей в культурной реальности работы.

на входе в текст. А «природа» определилась как «северная», так как проживал Кузьма Матвеевич на северо-западе Сибири.

Вступает Корепанов и в непосредственный диалог с великими, продолжая строки Пушкина:

«Вьюга мне спилает очи: всю дорогу занесло
Хоть убей, следа не видно:
Сбились мы, что делать нам!»
А то и делать, что ощущью отчаянно сигналя, карабкаться вперед, тратя
на каждую <пядь> пути не секунды а долгие минуты маршрутного времени.

Наивность вызывает смехотворную реакцию, но за подобными опусами скрывается весьма серьезная подоплека. Они отстаивают право саторчества с великими текстами, их житейского применения. Казалось бы, что в этом особенного, но в советское время тексты классиков мыслились «неприкасаемыми». Эта позиция сохранилась в школьном литературоведении до сих пор; еще несколько лет назад моего друга-учителя методисты обвиняли в том, что он слишком вольно (что не позволено! кем? именно той самой Нормой) обходится с классиками, прося учеников дописать финал к рассказу Бунина или вставить пропущенный эпитет в стихах Пушкина. Ценность коммуникации Корепанова с великими текстами, будь то народная пословица (см. эпиграф) или стихи русских поэтов-классиков, – именно в том, что он письменно фиксирует повседневное бытование литературных текстов, их жизнь в культурном и речевом обиходе.

Конечно, и с традиционной научной – фольклористической и этнографической – точки зрения в собраниях Корепанова и других наивных коллекционеров обнаруживается немалое количество ценных сведений: среди выписанных из календарей примет, обычаев, паремий могут затесаться и местные, пришедшие из локального сообщества, к которому принадлежал составитель. Но, кажется, главная их культурная ценность не в этом, а в тех стратегиях и тактиках отбора, систематизации, моделях риторического поведения, которые скрываются за этими огромными массивами обработанной информации. И это уникальный материал для того, чтобы реконструировать поле кодификационных привычек простых людей советской эпохи. В текстах официальной письменности воплотилась Норма кодификации, в советское время она была достаточно жесткой и замкнутой, а значит, и поле альтернативных моделей должно быть довольно широким. И сохранилось оно фактически только в таких странных памятниках, как собрания коллекционной письменности. Если какие-то воспоминания о неофициальных способах обработки информации у человека советской эпохи и всплынут в устных воспоминаниях, то они случайны и требуют верификации по причине большой временной дистанции. Материал же энциклопедий,

подобной корепановской, не подделаешь, в определенной степени он сам себя верифицирует – в наивных коллекциях почти всегда имплицитно присутствует и метапозиция – своеобразная теория риторического поведения. Чего стоит, например, термин Корепанова – «афоризм-стихи», который буквально просится в научный оборот.

Экскурс 2. Локальные бытописатели («наивные краеведы»)

«Мной ничего не выдумано и не сочинено. Считаю, что все, написанное здесь – правда».

Т. В. Ажгиков

Слово «наивный» в определении «наивные краеведы» звучит более чем относительно, так как практически лишено своего прямого лексического значения. Скорее, идеологически ангажированный дискурс советского краеведения на фоне изысканий краеведов-дилетантов обладает какой-то чудовищной наивностью, хотя бы в его фундаментальной установке: история существует только в официально документированной форме. Наивные краеведы, а, скорее, «локальные бытописатели», зачастую на несколько голов методологически переросли официальное краеведение (не слишком изменившееся с советской эпохи). Если не теоретически, то практически многие из краеведов-любителей используют в своих штудиях чуть ли не самые современные научные методики: «микроистория», история повседневности, история ландшафта, историческая антропология, социальная история локального сообщества, история ментальностей и т.д.

Принцип «тотального» описания локальной истории (скорее всего, интуитивно выбранный наивными краеведами) ведет к тому, что в собранных ими материалах можно найти немалое количество ценных (а иногда бесценных) исторических и этнографических сведений. К сожалению, эта область народной письменности слишком плохо выявлена и изучена: официально признанное краеведческое сообщество «локальных бытописателей» недолюбливает (они почти всегда аутсайдеры, что часто ведет к утрате уникальных архивов), а в экспедициях слишком сложно работать с огромными собраниями материалов, накопленными наивными краеведами.

Пример

Николай Леонидович Пластинин (1955 г.р., с. Реполово, ХМАО-Югра) с начала 1980-х живет в с. Локосово того же округа, но на Оби, а не на Иртыше. Около 15 лет назад Пластинин (образование – лесотехнический техникум) начал заниматься историей своего родного села Реполова. В 2006, когда

я познакомился с Николаем Леонидовичем в экспедиции, он еще ни разу (за почти 30 лет) на родине не был.

Пластинин разработал свою программу исследований, причем вполне квалифицированно. В ней – пятьдесят с лишним вопросов о Реполове. Программа была разослана односельчанам, жителям и уроженцам Реполова. В каждом письме Пластинин просил адресата поделиться с ним известными тому координатами реполовцев. Сейчас сеть корреспондентов Пластинина насчитывает более 50 человек, и ее географические рамки охватывают половину России. Параллельно Пластинин выявлял сведения по истории Реполова в местной периодике.

Понятно, что в результате возникло немалое количество материала, требующего обработки. Пластинин изобрел свои принципы систематизации (даже с шифрами!). Материалы сшивались в «блокноты», при этом к каждому письму обязательно прилагался конверт, в котором оно пришло. На следующем этапе материалы систематизировались тематически, тексты рукописей переписывались (обязательно с указанием источника, откуда взято сведение).

Пластинин неограничился созданием архива. Результаты своих изысканий он хочет свести в некие обобщающие, универсальные по содержанию Книги; эта тенденция вообще характерна для «наивных историков». Одну он уже закончил – «Родословную Пластинина Николая Леонидовича». Это исчерпывающий на настоящий момент (хотя материалы к автору продолжают поступать) свод сведений по истории старожильческого рода Пластининых. Вторая Книга – это «Энциклопедия села Реполова». Над ней сейчас и работает Николай Леонидович. Как оказалось, именно поэтому он и служит лесным пожарником: зимой он свободен и все время может отдавать Книге.

Пластинин, в отличие от краеведов стандартной вычки, вносит в свою энциклопедию не только официальные, но любые другие разнообразные сведения о Реполове. В ней есть статьи о каждом старом доме в Реполово, об инвентаре, утвари, праздниках, личных документах (например, паспорте). У локальной истории иное измерение, чем у мировой и государственной, и Пластинин, как будто изучив труды современных теоретиков «микроистории», вводит в свою энциклопедию статьи: «Перенесение останков борцов за установление Советской власти»; «Премии за истребление волков», «Массовая заготовка крысы» и т.д., и т.п. И в каждом случае информация сопровождается у Пластинина конкретными «историями» из жизни деревни. Кстати, Николай Леонидович дает в своей энциклопедии более 60 прозвищ (с объяснениями и байками) реполовских жителей, практически полностью восстанавливая систему уличных имен села на 1920–1930-е годы, а значит, и систему деревенских репутаций. Следующий замысел Пластинина – «Хроника села Реполова». В ней

собранный материал должен быть расположен в хронологическом порядке: со временем первого упоминания Реполова и по настоящий момент⁹.

Пока невозможно говорить о построении какой-либо серьезной типологии наивно-краеведческих практик. Альтернативные официальному краеведению методологические принципы локального бытописания отчетливо сформулированы Тимофеем Васильевичем Ажигбовым (1914–1994), учителем с. Верховажье Вологодской области: «Мой очерк составлен по рассказам воспоминаниям старожилов. Ничего не взято из книг, кроме двух справок <...>. Я не ставил себе задачи искать где-то в книгах о посаде и переписывать чужие исследования в свой очерк. Я расспрашивал людей, которые имели и имеют живые впечатления о посаде, о жизни и быте посада. Сведения собирались по крупицам. Я пытался их поставить в какую-то странную систему по соответствующим разделам. Но все равно получился очерк “мозаичный”. Мной ничего не выдумано и не сочинено. Считаю, что все, написанное здесь – правда» (из вступления к рукописи «Верховажье в конце XIX – начале XX вв.: социальный и культурно-бытовой очерк 22 года жизни 1895–1917»¹⁰. Ажигбов противопоставляет устную память локального сообщества официальной документальной. Именно она приобретает характеристики «живой» («живые впечатления»), соответственно, не может вызывать сомнений в правдивости. Красноречиво выглядят и его затруднения в структурировании материала: «странная система» и «мозаичность» – это те самые характеристики, которые неизбежно отсылают к идеям неких целостных и всеобъемлющих книг, как и в случае жанровых поисков Н.Л. Пластинина.

К сфере локального бытописания относятся и дневники: в последнее время жанр все больше привлекает к себе внимание науки, и не только в варианте так называемых «литературных дневников»¹¹. Тем не менее, исследуется прежде всего личный дневник рефлексивного типа, посвященный своей внутренней психологической жизни, близкий к литературному, ибо и восходит к той же эпохе открытия индивидуальности (сентиментализм, романтизм). Основной же массив дневниковой письменности – это тексты другого типа, фиксирующие события не внутренней, а внешней жизни. И наиболее частотны среди них дневники погоды, поденные хозяйственные записи, дневники огородников, охотников, рыболовов и т.д. Казалось бы, это слишком специализированные сферы практической деятельности, но почти всегда стихия Письма приводит

⁹ См. о Н.Л. Пластинине: Николаев О.Р. Философы из Локосова. Часть вторая: Леонидыч // Полярная сова: [Информационно-публицистический журнал]. – 2007. – № 3. – С. 54–59.

¹⁰ Власов А.Н., Ахметова М.В. Тимофей Васильевич Ажигбов: Портрет локального бытописателя // Живая старина. – 2010. – № 1. – С. 14.

¹¹ См., например: Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). – М., 2007; Савкина И. «Пишу себя». Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. – Тампere, 2001.

к тому, что в дневнике начинает фиксироваться не только температура и облачность, но и события деревенской жизни, повседневные занятия, цены в магазинах, слухи и мн. др. То есть дневник превращается в своего рода местную летопись, локальный бытописательский свод. Подобные – многочисленные! – своды пока не удостоились серьезного исследовательского внимания. Не могу оценить климатологическую ценность дневников погоды или лесоведческое значение скрупулезных (день за днем и метр за метром) описаний изменений таежного ландшафта вокруг охотничьей избушки (дневник 1998–2004 годов А.Я. Мошкина, жителя с. Алтай ХМАО-Югры)¹², но, в контексте нынешних размышлений, отчетливо предстает их «биографическая» ценность. Авторы, как и те, кто ведет личные психологические дневники, находятся в поисках своей идентичности, и она обретается ими в позиции наблюдателя за непредсказуемостью погоды или природной жизни. И выбор такого «биографического текста» тоже альтернативен – официальным гидрометеосводкам, унифицированной отчетности лесников и охотников, газетным отражениям сельской жизни, в конце концов, распространенным и престижным социальными моделями «жизненных траекторий» (ведение дневника vs автобиография из отдела кадров). Фактически они следуют принципу локальной «правды», сформулированному Ажигиковым («Мной ничего не выдумано и не сочинено»), отстаивая право локального мира быть самодостаточным, ибо он таков даже в своей природной ипостаси.

Экскурс 3. «Наивные архивариусы»

«Я не сомневаюсь, что семейный архив сможет сыграть большую воспитательную роль для внуков, а, может быть, и для правнуков, если этому придадут серьезное значение мои отпрыски и сохранят его».

Ф.А. Рочев

Культурная функция «хранителей» в советское время была полностью монополизирована государством. Рядовой гражданин – по умолчанию – скорее не имеет, чем имеет право на личные и семейные архивы (об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания бывших репрессированных, рассказывая об изъятии или уничтожении домашних архивов при аресте). Госхранению, соответственно, подлежит лишь небольшая часть архивов даже организаций и учреждений. Сейчас мы лицезреем чудовищный

¹² См. о «творческой биографии» А.Я. Мошкина: Николаев О.Р. Наивная фольклористика: типы, формы, функции // Живая старина. – 2010. – № 1. С. 2-5.

источниковедческий провал по истории XX века: архивы цехкомов, товарищеских судов, культурных комиссий, женских комитетов и прочих многочисленных институций советского времени канули в Лету, будучи выброшены на помойку.

Культура не терпит пустых мест, – функция, не реализуемая официально, начинает исполняться наивными архивариусами, самостоятельно принимающими ответственность за «хранение». В большинстве случаев такие хранители – аутсайдеры официально признанного краеведческого знания, их деятельность не соответствует Норме, их архивы не вводятся в оборот местными музеями, а, следовательно, обречены на исчезновение, если не будут замечены какой-нибудь научной экспедицией¹³. Подобные собрания не всегда лежат мертвым грузом, дождаясь столичных исследователей, они могут быть востребованы сферой неофициальных социальных практик, например, «народной юриспруденцией» (она имела и имеет большое распространение по причине дефицита государственных правовых практик, ориентированных на человека, а не государство).

Мой дед по материнской линии Федор Алексеевич Виноградов (1896–1987; образование ЦПШ и курсы счетоводов в госпитале) всю жизнь вел хозяйственные записи и архивировал все проходившие через него документы (вплоть до посыпочных квитанций). В конце жизни по моей просьбе он написал свое жизнеописание (фрагменты публиковались)¹⁴. После войны работал колхозным счетоводом. Колхоз закрылся, архив куда-то сгинул (обычная история!), но какая-то часть (дел или неофициальных документов) сохранилась у деда; на основании этих материалов он помогал односельчанам добиваться пенсий в 1970-е. (Я помню приходивших в наш дом неграмотных бабушек, которым дед составлял заявления и подбирал необходимые бумаги; иногда и ездил вместе с ними в райцентр.) Случай, наверное, не единственный. Тема антропологии «народных архивов» (как и вообще бытовой письменности), их бытования и функций в местной социальной жизни – пока «белое пятно» для исследователей.

Пример

Федор Алексеевич Рочев (1928 г.р.), житель с. Мужи Шурышкарского района, ЯНАО¹⁵ – классический «локальный архивариус». Им сформирован

¹³ См. работу, посвященную анализу материалов сельского товарищеского суда, сохраненных в домашнем архиве и найденных в экспедиции. Кушкова А.Н. «Прошу суд товарищески привлеч к ответственности». Сельские жители пишут в товарищеский суд (по материалам 1964–1982 гг. и современным полевым записям) // АБ-60: Сб. статей к 60-летию А.К. Байбурина. – СПб., 2007. – С.406–420.

¹⁴ См.: Виноградов Ф.А. «Ну теперь, барышни, пройдемте по гулянию...» / Публ. О.Р. Николаева // Живая старина. – 2000. – № 4. – С.4-7.

¹⁵ ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ.

огромный личный архив по истории села: систематизированный свод вырезок из местных газет, выписки из дореволюционных документов по истории родов и семей, большая коллекция фотографий. Ф.А. Рочев (в отличие от местного краеведческого музея, как и практически всех музеев России) сохранил в своем собрании полуофициальные (не подлежащие сдаче в государственные архивы) части архивов местных организаций и учреждений: профкома, партбюро, колхоза, местной школы, клуба и др. Как и локальные бытописатели, Ф.А. Рочев, признает не только официальную документацию, но и устную историю села. В его архиве список членов профкома за 40 лет, например, сочетается со списком (за эти же годы) бытовых имен и прозвищ жителей (в основном коми-зырян) села Мужи (около 70 единиц): перевод с зырянского, мотивировки номинации, «истории» и байки о носителях прозвищ¹⁶. Вообще же во внимании к локальной системе прозвищ как отражению системы репутаций жителей *наивные архивариусы* методологически опередили антропологов-профессионалов.

Федор Алексеевич тоже имеет свою метапозицию, сформулированную им в книге воспоминаний, которую он пишет: «...я всю сознательную жизнь собираю фотографии, материал по истории района, села; пытаюсь по крохам восстановить свою родословную, память моих самых дорогих и близких людей, чью жизнь по неписанному закону вечности я продолжаю; всю документацию, связанную с историей семьи, рода. И, как кажется, это будет не безынтересным моим, может быть, не всем, детям и внукам».

Александр Константинович Михайленко (1931–2003; род. в пос. Березово, ХМАО; всю жизнь служил офицером в воинских частях на территории Тверской области) является создателем и хранителем уникального личного архива. В 1980-е он стал заниматься краеведением родного пос. Березова, при этом живя в г. Западная Двина Тверской области. Только по переписке со старожилами и уроженцами Березова Михайленко накопил уникальный историко-культурный материал, стал одним из блестящих краеведов Югры. Он выступил в печати с идеей «коллективного» создания «Энциклопедии Березова»; идея, естественно, толком не была поддержана даже учеными, музеинными работниками, краеведами.

В составе архива А.К. Михайленко переписка с краеведами, старожилами и уроженцами Березова (она полностью каталогизирована, все его собственные письма представлены в копиях); систематизированная коллекция исторических материалов по истории Березова (выписки из книг, вырезки из газет, мемуарные записи, сведения из писем). Это, в общем, обычно для краеведов-любителей, а вот систематизированная коллекция личных документов за 44 года, кажется, не имеет аналогов в отечественной практике (по крайней мере, известных науке).

¹⁶ Потенциально архив Ф.А. Рочева является уникальным материалом для объемной реконструкции «биографических текстов» местных жителей.

Все документы, проходившие через руки А.К. Михайленко в течение каждого года, собраны, помещены в конверты (их тоже 44): справки, квитанции, грамоты, записные книжки, полученные письма – вплоть до железнодорожных и автобусных билетов. По сути, это готовая выставка «Человек и документ». Собственно говоря, Михайленко, не будучи профессионалом, создал свой «Музей народной письменности» и подготовил фактически исчерпывающий материал для реконструкции его биографии по разным источникам.

Предпринятое мной функциональное разделение субъектов народной письменности на коллекционеров, локальных бытописателей, архивариусов, конечно, условно. Все упомянутые мной авторы отнюдь не ограничивали свою деятельность какой-либо одной сферой или жанром. Они – мастера Письма, стихию которого вряд ли можно ограничить какими-нибудь пределами, так как еще раз напоминаю: в народной письменности «писать» – глагол непереходный. Ф.А. Рочев, кроме хранения и пополнения своего архива, вел дневник, фиксирующий историю повседневности села, а с 1989 стал писать книгу воспоминаний, в которой документальные сведения (извлеченные из личного архива!) сочетаются с этнографическими описаниями, фольклорными текстами, локальными «историями» и байками.

А.К. Михайленко оставил после себя личные дневники за 44 года (общие тетради по 96 листов, исписанные бисерным почерком). Это уникальный материал по истории советской и постсоветской повседневности, который может стать основой нескольких научных работ (в том числе диссертаций) по темам: «Повседневная жизнь советского офицера», «Бытовая любовная культура советского времени», «Субкультура автолюбителей 1980-х годов», «История повседневности провинциального города» и т.д. и т.п. В архиве Т.В. Ажгибкова, переданном им в конце жизни в Верховажский районный исторический музей, кроме бытописания своего родного посада, – дневники 1926–1934 годов, «Рассказы бабушки Варии» (запись устных воспоминаний), частная переписка, коллекционные тематические тетради («Пьянству – бой», «Мы слушаем радио», «Политический базар», подборка стихов на тему «Я против Сталина») и мн. др.¹⁷

Наивным авторам свойственна недюжинная и несомненная культурная отвага. Они делают то, что Нормой не признается, а иногда и откровенно отвергается. Они обрабатывают и систематизируют огромный, пугающий своей чудовищностью объем массового (советское время не очень-то увлекательного) чтения, составляя энциклопедии. Они пишут локальную историю – с байками, анекдотами, жизненными историями, а не только с официально признанными

¹⁷ См.: Власов А.Н., Ахметова М.В. Тимофей Васильевич Ажгибков... – С. 14-15.

фактами и цифрами по деятельности колхозов. Они составляют словари языка своей деревни, ничуть не пугаясь того, что словарь оказывается больше словаря Даля. А это, с точки зрения Нормы, не очень прилично. Они десятилетиями записывают наблюдения за погодой, вступая в конкуренцию с государственной Гидрометеослужбой. При всем этом их не печатают, а если и печатают, то в нормативной упаковке, пытаясь включить их в свое «писательское», «научное» или «краеведческое» сообщество. Кто-то соглашается на это, а кто-то предпочитает оставаться аутсайдером.

Собственно говоря, это герои. Их биографии – не в списке должностей и мест работы в их трудовых книжках (сельпо, пожарная часть, сельский узел связи, воинская часть, колхоз и т.д.), а в собранных ими уникальных сводах материалов. И место им среди заслуженных и выдающихся земляков. Они кажутся жертвами Письма, но они – герои. Жертвами, скорее, выглядят те, кто стал играть в признанную словесность Нормы, пусть даже они и ангажированы и удостоены всяческих наград.

Анна Баркова

Левашовский мемориал как биографический источник

Анна БАРКОВА

НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

В своем докладе я буду рассматривать в качестве исторического источника место захоронения – Левашовскую пустошь. И попытаюсь показать, что это место, куда люди приходят вспомнить своих родных и близких, ставших жертвами советского политического террора, в каком-то смысле способствует стиранию и искажению исторической памяти, является мощным «лжеинформатором».

Но для начала – что такое Левашовская пустошь? Это место захоронения людей, умерших и расстрелянных в тюрьмах Ленинграда с сентября 1937 по 1954. Могильник расположен в поселке Левашово, который до 1997 относился к Ленинградской области, а теперь относится к Петербургу. Пустошь была обнесена высоким деревянным забором, до 1 июня 1990 находилась под вооруженной охраной. В 1965 Управлением КГБ Ленинградской области была составлена схема захоронений – по опросам шоферов, которые отвозили тела на Левашовскую пустошь и хоронили их. По данным Управления

barkova.anna@gmail.com

ФСБ по СПб. и ЛО, здесь захоронено 19 450 человек, из них не более 8 тысяч человек в годы Большого террора (эту цифру я прокомментирую чуть позже); если же верить схеме расположения захоронений, составленной в УКГБ ЛО в 1965, то в Левашово погребены 24 100 человек.

Место массового захоронения на Левашовской пустоши было обнаружено весной 1989 поисковой группой Общества «Мемориал» и журналистов. В то время эта территория относилась к ведению УКГБ ССР по Ленинградской области. Летом 1989 начальник УКГБ ССР по ЛО А.А. Курков подтвердил, что это действительно место захоронения расстрелянных. 18 июля 1989 постановлением Исполкома Ленгорсовета № 544 Левашовская пустошь была провозглашена Мемориальным кладбищем жертв политических репрессий. 1 июня 1990 территория была передана области, доступ частных лиц на территорию могильника был облегчен. Таким образом, могильник в Левашово стал первым и на долгие годы последним признанным в Ленинграде и области местом массовых захоронений жертв политических репрессий.

Почему сейчас эта тема вновь стала актуальной?

В 2007 стартовал совместный проект НИЦ «Мемориал» с Университетом им. Людвига Максимилиана (г. Мюнхен)¹ с названием «Увидеть историю глазами другого». Целью проекта было провести сравнение форм памяти о жертвах коммунизма в Германии и России, в том числе сравнение мест массовых захоронений. В рамках этого проекта российской исследовательской группой был разработан метод описания мест массовых захоронений. Он был полностью применен к описанию Левашовского мемориального кладбища и, частично, к месту захоронения в урочище Сандромох в Медвежьегорском районе Карелии.

К февралю 2008 нами были зафиксированы все памятники, памятные знаки и отметки на территории Левашовского кладбища, они были нанесены на карту-схему и описаны. Каждому памятнику был присвоен номер, он наносился на карту, памятники были сфотографированы, измерены их габариты. При этом на карту наносились не только сохранные памятники, но и сгнившие, уже нечитаемые таблички, разрушенные плиты, а также условные памятные знаки: ленточки на дереве, четки, иконки, колючая проволока и т.п. В результате на февраль 2008 нами был обнаружен, описан и зафиксирован на карте 901 памятный знак. Кроме того, был проведен поиск биографий людей, чьи имена стоят на этих знаках. Работа проводилась по электронной Книге памяти репрессированных Центра «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке.

¹ Ludwig-Maximilians-Universität, München.

В 2010, в рамках стипендии Фонда имени Генриха Бёлля, мною с помощью волонтеров и сотрудников «Мемориала» была проведена работа по актуализации карты-схемы и описанию вновь поставленных памятных знаков. Нами было обнаружено около сотни новых памятных знаков, установленных в период между февралем 2008 и ноябрем 2010.

Кроме того, были разработаны анкеты для опроса посетителей личных памятных знаков в дни массовых акций на Левашовском мемориальном кладбище (первая суббота июня, 30 октября). Целью анкетирования было найти людей, которые приезжают к «своим» памятникам. Нашей задачей было получить контактные данные этих людей, чтобы потом провести мини-интервью и составить историю установки каждого отдельного памятника, определить мотивацию, собрать семейные легенды. Всего было собрано 114 анкет, из них 65 – от людей, которые посещают в том числе и личные памятники.

Важно отметить, что имена людей, захороненных на Левашовской пустоши, в большинстве своем неизвестны. Исключением является список из 6 человек, расстрелянных 1 октября 1950 по «Ленинградскому делу», и список из 4 человек, расстрелянных по делу Абакумова. То есть всего 10 человек.

В 1937–1938, в период Большого террора (напомню, что данные приводятся по карте, составленной Управлением КГБ по ЛО в 1965), здесь было захоронено не более 8 тысяч человек. А общее число захороненных – 19 450. Встает вопрос: кто же остальные, почти 12 тысяч человек?

При этом 95,6% памятных знаков на мемориальном кладбище установлены людям, погибшим именно в годы Большого террора. Почему так получилось?

Желая узнать судьбы родных и близких, люди обращались в официальные органы и получали справки, в которых сообщалось, что: а) их родственник расстрелян в Ленинграде и б) установлено, что расстрелянных в Ленинграде хоронили на Левашовской пустоши. При этом двусмысленность информации была совершенно неочевидна: введенные в заблуждение люди искренне полагали, что всех расстрелянных в Ленинграде хоронили в Левашово.

Постепенно Левашовская пустошь стала восприниматься как единственное место захоронения жертв политических репрессий в Ленинграде. После того, как появились данные, что в годы Большого террора в Ленинграде было расстреляно почти 45 тыс. человек, в общественном мнении эти жертвы прочно связались с захоронениями в Левашово. То есть, с одной стороны, происходило сужение временных рамок бытования этого кладбища до периода Большого террора (то есть 1937–1938 вместо 1937–1954, как это было на самом деле), а, с другой стороны, возникало неверное

представление о числе захороненных – оно резко возросло за счет неправильной трактовки архивных справок, выданных КГБ и ФСБ (с 19450 – до 45000 человек).

Кроме того, одно из основных заблуждений – то, что многие считают Левашовскую пустошь местом расстрелов. В действительности же здесь только захоранивали мертвых; приговоры приводились в исполнение в основном в Большом доме; кроме того, на Левашовской пустоши хоронили заключенных, умерших в тюрьме.

Если в первом случае можно говорить о намеренной фальсификации истории официальными властями, как-то: репрессии были, но они ограничиваются двумя годами, и есть только одно место, официально признанное местом массовых захоронений в Ленинграде и Ленинградской области – Левашовская пустошь; то во втором случае невольным фальсификатором выступает общественное мнение.

Начиная с 1989, еще до официальной передачи этой территории области, могильник стали посещать люди с целью почтить память жертв политических репрессий. С целью увековечить память о своих близких и родных, они устанавливали памятные знаки. Сначала это были различные самодельные таблички, прибитые к дереву (их было больше всего), иногда – символические знаки (крестики, четки, иконки, колючая проволока). Чуть позже появились однотипные варианты исполнения – металлическая стойка с ламинированным листом бумаги формата А4 или овальная эмалированная табличка, прибитая к дереву, с фотографией или без нее.

На ранних памятниках часто встречаются стихотворные тексты – обращение к погибшему, к следующим поколениям, к палачам; вообще же ранние памятные знаки более эмоциональны и разнообразны, и не только своими текстами, но и внешним видом.

С годами образовался устойчивый стереотип: Левашовская пустошь – место массовых захоронений жертв Большого террора, а жертва, в данном контексте, – человек, арестованный в Ленинграде в 1937–1938, расстрелянный и захороненный в Левашово.

Можно отметить, что памятников, которые не вписываются в эти рамки, считанные единицы, они составляют всего 4,4% от общего числа памятных знаков.

Приведу примеры памятников Левашовского мемориала, которые не вписываются описанный выше стереотип:

1. Арестованные не в 1937–1938 (например, сестры Цыпленковы, арестованы в 1942).

2. Арестованные не в Ленинграде, а в Карелии, Мурманске, Пскове, Новгороде и т.д. (например, Канев Гаврил Гаврилович, арестован в с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области 18.05.1938, расстрелян в Ленинграде 21.11.1938).

3. Захороненные не в Левашово.

Среди тех, кто установил в Левашово памятные знаки, кто приходит сюда помянуть своих родных и близких, совсем немногие отдают себе отчет в том, что их родные здесь не захоронены. Эти люди воспринимают Левашовскую пустошь как символ репрессий, иногда даже не только в Советском Союзе:

Вот пример надписи на одном из памятных знаков в Левашово:

Спите, родные, спокойно в земле,
Скудно солнцем согретой.
И навеки покинув свой дом
Вы остались желанны
И скорбящим потомством хранимы.
Здесь захоронена горсть земли
По отпетым засконо близким:
Отец: Медведовский Борис Семенович,
Узник Гулага, умер в г. Норильске,
16 марта 1952 г.
Мать: Медведовская Клавдия Львовна,
Умерла в г. Норильске, 8 ноября 1950 г.
Сестра: Медведовская Вероника Борисовна,
Умерла в Германии в г. Киле в ноябре 1943 г.
Бабушка: Зибровская Екатерина Палладиевна,
Умерла в г. Харькове осенью 1957 г.

Людям необходимо памятное место, и на Левашовской пустоши они реализуют свою потребность увековечить память о родителях, о близких, которых они, может быть, даже и не видели никогда в жизни.

Но что же происходит, когда люди, приходя в Левашово, устанавливают памятный знак не на месте захоронения своего родственника, действуя при этом либо осознанно, либо поддавшись фальсификации, не отдавая себе отчета?

В результате схождения двух источников биографии: личной, с памятного знака, и той, что исходит из общего контекста места захоронения, происходит стирание памяти. При этом личная биография подавляется общим контекстом, а не наоборот, общее становится сильнее личного. Чаще всего происходит искажение биографии, умолчание того, что не вписывается в создавшиеся рамки. Получается, что Левашовская пустошь как место памяти приводит к искажению, стиранию индивидуальной памяти. Через одно-два поколения будет забыто то сомнение, с которым в 1990-е годы устанавливала памятный знак своему отцу, и ее внуки будут приезжать в Левашово уже в полной уверенности, что это и есть место захоронения их прадеда, ведь их сюда водила бабушка.

Сегодня уже становится понятным, что даже если станут точно известны имена людей, похороненных на Левашовской пустоши, народную память будет уже невозможно изменить. Для многих людей Левашовский мемориал, с его более чем тысячью памятников и памятных знаков, останется местом захоронения их близких.

В заключение хотелось бы отметить, что проект по мониторингу и описанию памятных знаков на Левашовском мемориальном кладбище будет проводится регулярно, в ближайших планах – составление интерактивной карты памятных знаков. Кроме того, НИЦ «Мемориал» готовит материалы для включения этого кладбища в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры); часть документов основана на результатах нашей работы по описанию этого места массовых захоронений жертв советского политического террора.

Алина Захарова

Биография «фотографической династии» Тихоновых в контексте просопографического исследования

Алина Андреевна ЗАХАРОВА

СПбГУ, исторический факультет, студент
Музея-квартира Аллилуевых,
экскурсовод

История трех поколений фотографической династии Тихоновых охватывает период 1870-х – 1980-х и совпадает с первым столетием развития фотографии в России.

Трансформация структуры российского общества на рубеже XIX–XX вв., смена «научных элит» в 1920-е и обратная «реставрация» классической академической системы в 1930-е – вот тот исторический контекст, в котором разворачивается история этой семьи.

Династия Тихоновых включает в себя три поколения: деда – Петра Григорьевича, сына – Николая Петровича и孙 - Алексея Николаевича.

На первый взгляд, их биографии развиваются до определенной степени самостоятельно и независимо друг от друга. Однако, если рассмотреть каждого из них как особый социальный тип, востребованность которого имеет прямую связь с возникновением и развитием наиболее передовых направлений в художественной и научной фотографии, то можно заметить, что строятся они по схожей логике.

zakharova_alina@mail.ru

Основателем династии является **Петр Григорьевич Тихонов** (1852–1918), пожалуй, самый успешный из профессиональных фотографов г. Вятки на рубеже XIX–XX веков.

В фотографию Тихонов приходит в начале 1870-х. Обучившись у казанского фотографа основам фотографии, царевококшайский мещанин Петр Григорьевич Тихонов в 1881 переезжает в Вятку, где обзаводится семьей и открывает собственное фотоателье. Очень скоро оно становится самым посещаемым в городе (достаточно сказать, что в 1890-е в ателье Тихонова в среднем делалось около 100 снимков-портретов в месяц)¹.

К этому времени фотография получает в России массовое распространение, а сам фотограф становится заметным субъектом городской культуры. Для того, чтобы постоянно поддерживать свою профессиональную востребованность, фотограф-провинциал (каким и был П.Г. Тихонов) должен был обладать универсальными навыками, постоянно осваивая новые области приложения фотографии.

Направления, в которых работал Тихонов, разнообразны, но всегда – в числе наиболее востребованных: павильонная и пейзажная съемка, оказание различных фотоуслуг, промышленная и научно-исследовательская фотография и т.д.²

Своебразной вершиной признания профессионального мастерства Тихонова становится получение ряда наград на российских и зарубежных выставках (в том числе золотая медаль и членство в Национальной Академии сельского хозяйства, мануфактур и коммерции в Париже). Особого внимания заслуживает тот факт, что именно снимки Петра Григорьевича с видами Вятки в 1902 были отобраны для публикации в известном издании «Живописная Россия», вышедшем под редакцией русского географа и статистика П.П. Семенова-Тян-Шанского³.

Помимо этого, Тихонов стремился играть активную роль в общественной жизни города: долгие годы он был старостой Воскресенского храма, а также был одним из «наиболее активных» членов Вятской монархической партии⁴.

В 1893, на пике своей профессиональной карьеры, Тихонов получает звание купца 2-й гильдии⁵. Таким образом, за два десятилетия – с начала 1870-х

¹ См.: Любимов В.А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть. Начало (От Засоры до Раздерихинской). – Изд. 2-е, испр., доп. и перераб. – Киров (Вятка), 2007. – С. 16; Новокрещенова О.Г. История Вятской фотографии 1847–1917 гг. Дипломная работа. – СПб., 1993. – Научный архив РАХ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 4661. Л. 30.

² Там же.

³ См.: Приуральский край // Живописная Россия. – Т. 8. – Ч. 2. – М.; СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1901. См. об этом: Тихонов А.Н. Биография Петра Григорьевича Тихонова. Рукопись (машинопись с рукописными вставками). С. 2. – Собственность П.А. Тихонова.

⁴ См.: Любимов В.А. Старая Вятка. – С. 243; Судовиков М.С. Предприниматели и предпринимательство в Вятке: Страницы истории // Вятское предпринимательство: История и персоналии: Библиогр. указ. / Киров. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена; Сост. Г.Д. Скальная; Науч. ред. М.С. Судовиков; Ред. Н.П. Гурьянова. – Киров, 2003. – С. 14.

⁵ См.: Список лиц, избираемых в очередные и запасные присяжные заседатели на 1894 г. по Вятскому уезду на сентябрь месяц 1893 года // Вятские губернские ведомости. – 1893. – № 101, 18 декабря.

до начала 1890-х – Тихонову удается пройти путь от царевококшайского мещанина к вятскому 2-й гильдии купцу, заняв прочное положение в обществе.

К началу XX века Тихонов добивается максимально возможных для себя высот в социальном положении. Однако, с приходом нового поколения фотографов, он постепенно «сдает позиции» и в 1903 закрывает свое фотоателье. Он продолжает заниматься общественной деятельностью, и можно сказать, что именно его активность и заметное положение в городе становятся причиной гибели Тихонова в 1918, во время «красного террора»⁶.

Следуя формальной социальной типологии, мы можем отнести Петра Григорьевича Тихонова к типу фотографа-купца, для которого фотография становится не только основным профессиональным занятием, но и мощным средством социализации.

Становление научного мировоззрения старшего из детей Петра Григорьевича, **Николая Петровича Тихонова** (1884–1942), происходило уже в других условиях. Свой выбор, в отличие от отца, он останавливает не на художественной, а на научной фотографии. Для понимания стратегии действий Тихонов сына следует иметь в виду, что именно научная и техническая элита в до- и послереволюционный период получает, пожалуй, наибольшую государственную поддержку. Развитию же научной фотографии в России в это время придается исключительная важность

Сегодня имя этого человека широко известно, в первую очередь, как создателя Лаборатории консервации и реставрации документов при АН ССР.

В лице Н.П. Тихонова мы также имеем дело с уникальным примером научной биографии, развитие которой происходит в неразрывной связи с наиболее яркими моментами в истории не только фотографической науки, но и всей страны.

Первые шаги в фотографии Николай делает в мастерской отца. Конечно, отец возлагал на сына определенные надежды как на продолжателя семейного предприятия. Он даже отправил сына за границу для получения важного заказа. Однако после возвращения между отцом и сыном происходит конфликт, и мать Николая уговаривает мужа отправить сына в Екатеринбург, где Тихоновы собирались открыть фотографию⁷.

С 1907 начинается самостоятельная профессиональная деятельность Николая Петровича. В Екатеринбурге он поступает на службу помощником хранителя в музей Общества любителей естествознания, участвует в экспедициях музея и организовывает при музее фотолабораторию⁸. В том же году Николай Петрович

⁶ Тихонов А.Н. Биография Петра Григорьевича Тихонова. – С. 8.

⁷ Тихонов П.А. Николай Петрович Тихонов – организатор Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук ССР // Реликвия. – 2004. – № 4(7). – С. 46; Тихонов А.Н. Биография Петра Григорьевича Тихонова. – С. 8.

⁸ Эрастов Д.П., Тихонов П.А., Чернина Е.С. Николай Петрович Тихонов – основатель Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук // Теория и практика сохранения

женился, и в 1908 у него родился сын Алексей. Вскоре он открывает собственную фотолабораторию и при ней – небольшую типографию⁹.

И все же рост социальной успешности Тихонова начался несколько позже и связан с кинематографом, в котором его привлекают не столько художественные, сколько документальные, научные возможности. В 1913 в Екатеринбурге Тихонов начинает выпуск первого (и единственного до революции) журнала, специально посвященного научному кинематографу – «Разумный кинематограф и наглядные пособия». Однако уже с началом войны изздание журнала прекращается, и Тихонов переходит на государственную службу, в Ведомство почты и телеграфа¹⁰.

В дальнейшем научная карьера Николая Петровича переживает два пика социальной востребованности – в первой половине 1920-х и первой половине 1930-х.

Можно заметить, что всплески активности научной карьеры Тихонова совпадают с периодами наибольшей востребованности определенного социального типа – ученого-практика, или ученого самоучки.

Первый карьерный взлет продолжается с 1918 по 1922.

В это время Тихонова, по распоряжению А.В. Луначарского, спешно командируют в Москву, и там он сразу активно включается в общественную и научную деятельность¹¹.

Деятельность Николая Петровича до середины 1920-х с трудом укладывается в какую-то единую хронологическую схему, – кажется, что он пытается одновременно быть в разных местах: читает доклады по вопросам кино и фотографии в различных учреждениях; ездит с лекциями по стране; сотрудничает с периодическими изданиями; работает в качестве режиссера документальных, хроникальных и агитационных кинокартин; одним из первых в советской России занимается исследованиями трудовых движений¹², и т.д.

В 1922 ему было присвоено звание профессора по кино- и фототехнике¹³.

Таким образом, за короткий срок Тихонов проходит путь от провинциального интеллигента к профессиональному ученому, добиваясь успехов как в научном, так и в социальном плане.

памятников культуры: Сб. статей / Под ред. Э.Г. Вершининой, Е.С. Черниной – СПб: Изд-во РНБ, 1998. – С. 27.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Цыпкин Д.О. Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898–1963 гг. (Концепции, учреждения, ученые). Дис ... канд. ист. наук. – СПб., 2009. – С. 157.

¹² Тихонов Н.П. Изучение трудовых движений при помощи циклографического метода. // Исследования, I, 1: Сб. статей / Под ред. Б. Бабина, А. Гастева, К. Кекчеева. – М., Изд-во ЦИТ ВЦСПС, 1923. – С. 6.

¹³ Эрастов Д.П., Тихонов П.А., Чернина Е.С Указ. соч. – С. 28.

С середины 1920-х в карьере Тихонова намечается спад, начало которого совпадает со сворачиванием в стране курса новой экономической политики. В это время в деятельности Николая Петровича появляется новое, консервационно-реставрационное направление. Он, одним из первых в Советской России, занимается фотографическим исследованием археологических объектов и восстановлением документов¹⁴.

С 1926 начинается вхождение Тихонова в академическую среду. Вместе с семьей он переезжает в Ленинград, где начинает читать лекции по научной фотографии и операторскому делу в Ленинградском фотокинотехникуме (бывший Высший институт фотографии и фототехники)¹⁵. В 1929 он переходит на работу в Институт археологической технологии Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), возглавив там лабораторию фотоанализа¹⁶.

В последующие пять лет – с 1929 по 1934 – научная карьера Николая Петровича переживает новый взлет, совпавший с переломным этапом в судьбе отечественной науки (так наз. «Академическое дело»). В ГАИМК в это время разворачивается борьба с «чуждыми» научными взглядами и их носителями. В результате руководство института было заменено, на базе Института археологической технологии возникает Институт исторической технологии (ИИТ), – и возглавил его в 1932 именно Николай Петрович¹⁷. В этот период он проходит путь от научного сотрудника до директора ИИТ и члена президиума ГАИМК.

С середины 1930-х происходит реставрация классической академической системы, и, чтобы сохранить прежний уровень социальной востребованности, у Николая Петровича возникает необходимость интегрироваться в систему Академии наук СССР. В 1934 Тихонов уходит с поста директора ИИТ и вскоре становится инициатором создания (а позже и директором) Лаборатории консервации и реставрации документов (ЛКРД) в составе АН СССР. Исследования, проводимые в этом учреждении, имели большое значение для развития реставрационного дела в нашей стране. Важнейшей же задачей работы лаборатории являлось создание «документа вечного хранения»¹⁸.

¹⁴ Эрастов Д.П., Тихонов П.А., Чернина Е.С. Указ. соч. – С. 28.

¹⁵ Там же. – С. 27.

¹⁶ Там же. – С. 27-28.

¹⁷ Цыпкин Д.О. Формирование историко-документной экспертизы в России. – С. 159. Стоит отметить, что, хотя на период руководства Тихоновым институтом (1932–1934) приходится время наибольшей «марксистской» идеологизации, данные протоколов совещаний ГАИМК свидетельствуют, что сам Тихонов не принимал участия ни в каких показательных процессах над сотрудниками ГАИМК и бывшего руководства ИАта.

¹⁸ Цыпкин Д.О. Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898–1963 гг.: (Концепции, учреждения, ученые): Автoref. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: специальность 07.00.02 <Отечеств. история> / Цыпкин Денис Олегович; Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2009. – С. 24-25, Эрастов Д.П., Тихонов П.А., Чернина Е.С. Указ. соч. – С. 28-29.

Дальнейшее развитие ЛКРД и реализация Тихонова как академического ученого были прерваны начавшейся войной.

Николай Петрович Тихонов умер от голода в феврале 1942 в блокадном Ленинграде.

Сына Николая Петровича, **Алексея Николаевича Тихонова** (1908–1988), можно считать продолжателем фотографической династии, хотя его научные интересы и были направлены преимущественно на решение научно-технических задач и оказались связаны с одной из наиболее передовых на тот момент областей фотографической техники – оптикой.

Кроме того, именно его можно считать первым биографом династии Тихоновых. Он оставил ряд рукописей, одну из которых, «Биография Петра Григорьевича Тихонова», посвященную в большей степени деду, можно в то же время считать своеобразной «биографией» всей семьи, т.к. она основана и на воспоминаниях отца, а также на личных воспоминаниях.

Становление личности Алексея Николаевича происходит во второй половине 1920-х – начале 1930-х, в период, когда из представителей первого послереволюционного поколения формируется новая техническая и научная элита российского общества.

По окончании Ленинградского фотокинотехникума, где преподавал отец, в 1930 Алексей поступает на Государственный оптико-механический завод (ГОМЗ), в лабораторию шкал и сеток. Здесь, в составе группы инженеров и техников, Алексей Николаевич участвует в разработке фотометодов по изготовлению шкал и сеток для оптических приборов. На счету Алексея Николаевича есть и личные разработки в этой области¹⁹.

В 1936 Алексей Николаевич женился на Веронике Васильевне Кононовой, дочери известного химика-реставратора Василия Николаевича Кононова, друга и коллеги своего отца, Н.П. Тихонова. В 1939 у них родился сын Петр²⁰.

С началом войны, когда ряд предприятий эвакуируют в Казань, Тихонов, в составе инженеров-техников ГОМЗа, участвует в выпуске дальномеров и прицелов для нужд фронта²¹.

В 1942 Алексей Николаевич получает известие о смерти Николая Петровича и гибели лаборатории. Вскоре после начала наступления советских войск по всему фронту Алексей Николаевич пишет письмо С.И. Вавилову, в то время Президенту АН СССР, прося оказать помощь в спасении лаборатории. И в даль-

¹⁹ Тихонов А.Н. Биографические даты из жизни А.Н. Тихонова. Рукопись, без даты (конец 1970-х). Л. 3-5. – Собственность П.А. Тихонова; Тихонов А.Н. Точная фотограмметка на металле // Вестник металлопромышленности. – 1940. – № 10. – С. 51-52.

²⁰ Тихонов А.Н. Биографические даты из жизни А.Н. Тихонова. – Л. 5-6.

²¹ Там же. – Л. 6; Тихонов А.Н. Наука и производство. Рукопись, без даты. Л. 10. – Собственность П.А. Тихонова.

нейшем, вплоть до начала 1950-х, он участвует в восстановлении ЛКРД – главного детища своего отца²².

В начале 1950-х Алексей Николаевич перешел на работу в Государственный оптический институт, где и работал сначала в должности старшего инженера, а затем ведущего конструктора, – вплоть до своего выхода на пенсию в 1968²³. Подобно отцу и деду, Тихонов-младший никогда не ограничивался только одним направлением в своей деятельности, – он работал в ряде смежных направлений (например, стереофотография и стереокинематограф), на его счету есть ряд изобретений в области оптики.

В конце жизни Алексей Николаевич сотрудничает с ленинградским Музеем революции, занимается историей семьи, пишет воспоминания.

Алексея Николаевича Тихонова не стало в 1988.

Младшего представителя этой уникальной династии можно отнести к числу представителей советской научно-технической интелигенции. В отличие от отца, Алексей Николаевич представляет собой тип «новатора-производственника» периода первых пятилеток, возникший в условиях реализации масштабной программы государственного заказа по формированию «новой интелигенции». В последующие десятилетия в структуре советского общества он будет занимать устойчиво стабильное положение.

Таким образом, последовательно реализуя модель совмещения профессиональной и социальной успешности, Тихоновым удается, в пределах трех поколений, совершить переход из среды провинциальной интелигенции небольшого уездного города Российской империи в академическую среду одного из двух столичных центров новой, Советской империи.

Просопографический метод, вынесенный в заглавие данной статьи, обычно применяется для изучения общностей людей одного поколения, позволяет выявить социальные типы, актуальные в ту или иную эпоху. В то же время, как нам кажется, применение просопографического метода возможно и при изучении биографии отдельной семьи, разные поколения которой оказались включенными в единое профессиональное сообщество. Рассматривая каждого из них как особый социальный тип, мы получаем возможность, с одной стороны, сравнив их жизненные модели, выявить общую логику поведения представителей одной семьи; с другой – изучить механизмы «наследования», преемственности социальных типов от одной эпохи к другой.

²² Тихонов А.Н. Наука и производство. – Л. 11. См. также. Тихонов П.А. Николай Петрович Тихонов – организатор Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук СССР // Реликвия. – 2004. – № 4(7). – С. 49.

²³ Тихонов А.Н. Наука и производство. – Л. 2.

Максим Скороходов

Литературная критика как источник биографических сведений

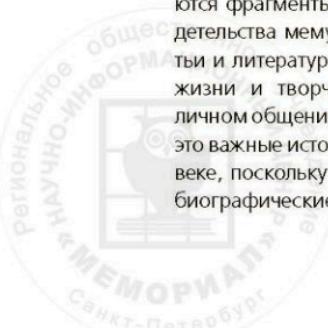
Максим Владимирович СКОРОХОДОВ

старший научный сотрудник
ИМЛИ им. А.М. Горького РАН,
ученый секретарь Есенинской группы

Литературная критика – это не только важный фактор литературного процесса, но и источник биографических сведений. Во-первых, создание и публикация статей и рецензий, а также книг, включающих в себя критические статьи разного времени, – это важнейший факт биографии критика.

Во-вторых, в критических статьях и рецензиях часто содержатся сведения, характеризующие биографию как самого писателя, которому они посвящены, так и представителей его окружения. Это может быть описание литературных вечеров, дискуссий, характеристика взаимоотношений людей, оказывающих влияние на литературную и культурную жизнь эпохи. В критические статьи нередко включаются фрагменты диалогов, бесед, свидетельства мемуарного характера. Статьи и литературно-критические очерки жизни и творчества, основанные на личном общении с биографируемым, – это важные источники сведений о человеке, поскольку они нередко содержат биографические факты, которые могут

msk2002@rambler.ru

быть не документированы, и потому их описание в статье или очерке становится единственным свидетельством о событии.

В-третьих, любой писатель, как бы он лично ни относился к тому или иному критику, знакомится с откликами на свои произведения, – соответственно, мнение критиков, хотя и опосредованно, оказывает влияние на творческую биографию писателя.

В связи с этим актуальной задачей, решать которую необходимо при научном изучении биографии писателя, становится выявление, систематизация и анализ прижизненных откликов критиков о нем (в том числе внутренних рецензий). Именно на рассмотрении подобных рецензий и остановимся подробнее в первой части этой статьи.

Согласно толкованию одного из словарей, «внутренняя рецензия – вид рецензии, обычно не предназначенный для печати, которая преследует цели издательства по объективной оценке достоинств произведения»¹.

Внутренние рецензии или, как они нередко назывались, отзывы на книги и отдельные произведения в советское время играли существенную роль в литературной жизни, они могли способствовать их публикации или же, напротив, преграждали им путь к читателям.

Достаточно обратиться, например, к данным, недавно обнародованным в книге «Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг. (Путеводитель по фонду Госиздата)», вышедшей в серии «Культура и власть от Сталина до Горбачева». Здесь приводятся десятки подобных документов. Некоторые из них открывали путь к печатанию произведений и книг, другие чинили препятствия. Понятно, что мнения критиков о творчестве своих современников бывают крайне субъективными. Как верно отметил В. Брюсов, «критики оценивают в литературе то, что кажется им более важным, и естественно, что это более важное усматриваем мы у наших единомышленников»².

Нельзя не отметить, что многие из поступавших в Госиздат и другие издательства произведений были откровенно слабыми, поэтому авторы рецензий были совершенно правы, не допуская их к публикации большими тиражами, да еще и за государственный счет. Впрочем, и для печати книг в частных издательствах, которые еще существовали в первые годы советской власти, даже при наличии бумаги для изготовления тиража, надо было обязательно получить официальное разрешение.

В качестве примера можно привести книгу Федора Иванова «Красный Парнас (Литературно-критические очерки)», впервые изданную Русским универсальным издательством в Берлине в 1922, а потом поступившую на отзыв в Госиздат. Книга была посвящена рассмотрению современной поэзии.

¹ Приводится по: <http://www.e-slovar.ru/dictionary/18/17710>.

² Брюсов В. Защиту одной похвалы: Открытое письмо Андрею Белому // Весы. – 1905. – № 5. – С. 38.

Р.Б. Гуль в рецензии на нее, опубликованной в журнале «Новая русская книга» (1922, № 5), отмечает: «Подход автора к творчеству разбираемых им поэтов и прозаиков не всегда обычен. Ф. Иванов часто берет их не в плоскости “литературы”, а в плоскости живой жизни, как “человека”, и поэтому, может быть, многие не согласятся с его характеристиками»³.

Берлинский журнал «Сполохи» (1922, № 10) в рецензии за подписью «А. Книголюб» констатирует: «Ф. Иванов поставил себе задачей дать ряд характеристик творчества поэтов, распевающих в революционной России: здесь Блок, Есенин, Эренбург, Шершеневич, Маяковский и др. Задачу эту он смял, выполнил наспех, вместо общей картины получился ряд мыслей, нанизанных одна на одну нехотя и зачастую лживо. <...> Со всем тем последняя глава книги: “Итоги” – содержит в себе очень четкие и верные мысли об оздоровлении русской литературы»⁴. Рецензент харбинской газеты «Свет» Б. Бродский менее критичен по отношению к автору книги⁵.

В этом контексте отзыв о книге «Красный Парнас», подготовленный для Государственного издательства М. Столяровым, который резюмирует, что «в России книга г. Иванова является вполне ненужной»⁶, можно считать достаточно объективным.

Отметим, что даже принятые к печати книги разделялись на группы, число которых варьировалось и доходило порой до пяти. Соответственно, книги, которые попадали в последние группы, могли не выйти в свет, поскольку они подлежали «печатанию в зависимости от финансовых возможностей»⁷ и при наличии свободных типографских мощностей. Так например, книги организованного Вадимом Шершеневичем издательства «Плеяды» разрешено было печатать в четвертую очередь. Типография была свободна, однако ждала «наряда 3-й очереди», не пропуская книг «Плеяд». И В. Шершеневичу в апреле 1920 пришлось обращаться в Госиздат с ходатайством о «перемене очереди»⁸. А очереди на печатание книг были огромными. Л. Юниверг, ссылаясь на М. Осоргина, пишет, что в начале 1921 в одной лишь Москве у членов Всероссийского союза писателей «скопилось до 1500 печатных листов готовых к изданию и переизданию произведений. При этом за предыдущие два года увидели свет только 200 печатных листов»⁹.

³ Цит. по: Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. – Т. 3. – Кн. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 74.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ См.: Свет (Харбин). – 1922. – № 950, 28 июля.

⁶ Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг. (Путеводитель по фонду Госиздата). – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 238.

⁷ Там же. С. 431.

⁸ Там же. С. 105.

⁹ Юниверг Л. Евреи-издатели «русского Берлина» // Лехаим. – 2008. – № 5. – <http://www.lechaim.ru/ARHIV/193/univerg.htm>.

Кстати, показательны тиражи изданий. В документах Госиздата называются планируемые тиражи. Например, «Бронепоезд 14-69» и «Партизаны» Вс. Иванова планировалось выпустить тиражами по 40 000 экземпляров, тома собрания сочинений Демьяна Бедного тиражом 25 000, «На облачном берегу» Александра Грина – 5000, есенинский сборник «Березовый ситец» – 3000, а юбилейный сборник «Пушкин», книгу Б. Пастернака «Сестра моя жизнь» и сборник пролетарского поэта В. Александровского – тиражом 2000 экземпляров.

Чтобы продемонстрировать, сколько проблем вызывало отступление от разрешенного к печатанию образца, приведем только один, но весьма показательный пример. В марте 1921 часть заседания Главного политико-просветительного комитета республики была посвящена рассмотрению отзыва В.П. Максимовского «о сборнике порнографических стихотворений» «Золотой кипяток», изданном тиражом 1500 экземпляров. Сборник вышел двумя месяцами раньше в издательстве «Имажинисты» и включал в себя маленькую поэму Сергея Есенина «Исповедь хулигана», поэму Анатолия Мариенгофа «Развратнича с вдохновением» и стихотворение Вадима Шершеневича «Перемирье с машинами». В постановлении отмечалось: «Просить Госиздат произвести срочное расследование, с привлечением к строжайшей ответственности всех виновных в даче разрешения, печатания и распространения этого сборника»¹⁰. Расследование было проведено сотрудниками Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, которые подготовили доклад о результатах обследования издательской и книготорговой деятельности имажинистов и Всероссийского союза поэтов, а также эффективности контроля за выходом их изданий со стороны Госиздата.

«Имажинисты», – отмечалось в докладе, – получали разрешение на напечатание своих сборников довольно щедро. Как выяснилось: 1) все напечатанные ими книги в Москве имеют соответствующие разрешения; 2) вне-московские издания имажинистов напечатаны хотя и без разрешения, но не московскими издательствами и не в Москве; 3) однако из 6 провинциальных изданий имажинисты имеют неиспользованные разрешения на пять таких изданий; 4) печатание всех книг разрешалось имажинистам «на бумаге издательства» <...> и 5) на некоторых сборниках, разрешенных к печати, было изменено во время печатания одно только заглавие, как например, разрешенный сборник «Втроем» был назван «Золотой кипяток»; «Телячья радость» получил название «Исповедь хулигана»; кроме того, из разрешенного к печати сборника издавались оттиски¹¹. Госиздат подвергся критике за то, что «не руководствовался затруднениями текущего момента» и разрешил издательству имажинистов использовать для выпуска их книг значительное

¹⁰ Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. – Т. 3. – Кн. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 77.

¹¹ Там же. С. 128.

количество бумаги: «При бедности Республики в смысле бумаги возможность изъять из рынка такое количество бумаги, данная Гизом, является небольшим и неправильной»¹².

Выводы из обсуждения этого случая делаются далеко идущие. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции рекомендует «пересмотреть зарегистрированные издательства, вновь зарегистрировать имеющие значение для республики, пересмотреть их издательские планы и выработать хотя бы в общих чертах будущую программу издательской деятельности... Издания преимущественно надлежит разрешать профсоюзам и кооперативам, а не отдельным лицам или их неофициальным группам, вроде группы имажинистов»¹³.

А в апреле 1921 в «Известиях ЦИК ССР и ВЦИК» публикуется письмо А.В. Луначарского: «Довольно давно уже я согласился быть почетным председателем Всероссийского союза поэтов, но только совсем недавно смог познакомиться с некоторыми книгами, выпускаемыми членами этого союза. Между прочим, с «Золотым кипятком» Есенина, Мариенгофа и Шершеневича»¹⁴. Эту книгу А.В. Луначарский посчитал злостным надругательством авторов и над собственным дарованием, и над человечеством, и над современной Россией. Он заявил о том, что слагает с себя звание председателя Всероссийского союза поэтов. Вот к таким значительным последствиям привело издание полуторатысячным тиражом небольшой по объему книги.

Естественно, что на подобные «сигналы» не могли не отреагировать критики разных городов страны. Так например, в июле 1921 омская газета «Рабочий путь» за подписью «Ю.Б.» печатает статью «Поэтическая яма» с резкой критикой имажинистов. Упомянув процитированное выше письмо А.В. Луначарского, скрывшийся под псевдонимом автор пишет: «позволительно спросить господ имажинистов: кто же они в самом деле – нелицемерные искатели новых путей или литературные авантюристы, спекулирующие на издании «сенсационных» книжек по вольным ценам для услаждения скучающих буржуа...»¹⁵.

Много отзывов на книги разных авторов написал в первые советские годы В. Брюсов. Например, о книге стихов Пимена Карпова «Цветень» он заявил: «автор заслуживает поощрения, но вряд ли есть основание издавать его книгу»¹⁶. О сборнике стихов Надежды Павлович «Заревые кочевья» он пишет в отзыве от 6 февраля 1920: «[автору] удаются темы, разработанные поэтами-символистами, имеющими склонность к строгости форм. <...> Гораздо слабее все

¹² Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. – Т. 3. – Кн. 1. – С. 77.

¹³ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. – Т. 1. – Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 85.

¹⁴ Известия ВЦИК ССР и ЦИК Советов. – 1921. – № 80, 14 апреля.

¹⁵ Рабочий путь (Омск). – 1921. – № 29, 19 июля.

¹⁶ Издание художественной литературы в РСФСР. – С. 79.

попытки т. Павлович дать поэзию сегодняшнего дня. Ее стихи о революции, о фабрике, о рабочих – надуманны и фальшивы. Это – явный пример насилия над своим талантом, ибо т. Павлович, бесспорно, талантлива»¹⁷. На основе этой рецензии автору было рекомендовано представить новый сборник стихов. Отметим, что и сама Н. Павлович под псевдонимом «М. Павлов» выступала как литературный критик.

Подготовка отзывов шла в Госиздате довольно медленно. Уже одно это задерживало выход многих книг. О неспешной работе свидетельствует, например, справка о деятельности литературно-художественной секции Госиздата, в которой отмечено: «Из портфеля Госиздата выбраны наиболее ценные рукописи и книги, которые частью уже просмотрены, частью просматриваются в настоящее время»¹⁸; «Даны отзывы и написаны рецензии-заключения на целый ряд книг, хранившихся в портфеле Государственного издательства и вновь поступивших в Государственное изд-во»¹⁹. Среди этих книг была, например, и книга Б. Пастернака.

Часто печатание произведений напрямую увязывается с наличием бумаги. Так, отзыв на рассказ А. Платонова «Ерик» заканчивается следующим предложением: «полагаю, что по миновании бумажного голода «Ерик» можно напечатать в сборнике других произведений Платонова, у которого несомненно имеется литературное дарование»²⁰. Сходная рекомендация и по поводу другого рассказа писателя – «Волчек». А вот чрезвычайно краткий отзыв на другой рассказ А. Платонова – «Апалитыч»: «Достоинства: В художественном отношении рассказ безусловно хорош. Недостатки: Мало агитационен. Заключение: Напечатать при благоприятных технических обстоятельствах»²¹.

Более критично оценен платоновский рассказ «Христос». В качестве недостатков отмечено, что «элемент божественного мало разрушен». И в заключение предлагается: «Переработать, сообразуясь с требованиями Агитационно-Пропагандистского отдела»²².

Естественно, что подобные «рекомендации» противоречили замыслам авторов и фактически являлись запретом на публикацию произведений в том виде, в котором они были написаны.

¹⁷ Издание художественной литературы в РСФСР – С. 81-82.

¹⁸ Там же. С. 244.

¹⁹ Там же. С. 245.

²⁰ Там же. С. 239.

²¹ Там же. В публикации неверно указано название произведения. Отметим, что эта книга не лишена и других неточностей. Подробно они охарактеризованы в статье: Субботин С.И. Навигатор к путеводителю. Заметки на полях одной книги // Текстологический временник. (В печати.)

²² Издание художественной литературы в РСФСР – С. 240.

Следующий пример свидетельствует о том, что критики часто негативно воспринимают новаторские, экспериментаторские произведения. Так, Андрея Белого в начале его творческого пути называли «апостолом и провозвестником всем надеющихся и ожидавших „новейших“ направлений», «исступленным, фанатическим юродивым», для которого «не существует ни смысла, ни логики, ни грамматики»; полагали, что от его сочинений «разит таким сногшибательным амбрэ нового стиля, нюхивать какого нам давно не приходилось – сколько ни копаемся в той литературной свалке, что именуется декадентством!..»²³. Один из критиков причислял рассказ Андрея Белого «Адам» к числу тех произведений «наших молодых писателей, в которых и психиатр не сразу разберется». Доктор Петровский заявлял, что понять произведения Андрея Белого и Алексея Ремизова может только человек, страдающий психоневрозом²⁴.

Лишь во второй половине 1900-х символизм стал постепенно завоевывать общественное признание. А в 1909 И. Симановский в газете «Речь» назвал Белого предтечей Царства будущей русской литературы.

Надо сказать, что и сейчас критика продолжает играть весьма существенную роль в жизни писателей. Здесь можно сослаться на недавно вышедшую книгу участницы Биографических чтений памяти В. Иофе Зины Гимпелевич «Василь Быков: Книги и судьба». В ней автор выступает и как критик, и как исследователь. Поскольку Зина Гимпелевич встречалась с В. Быковым в последние годы его жизни, брала у него обширные и весьма содержательные интервью, то ее книга напитана личным отношением к биографируемому. Здесь содержатся впервые воспроизведимые высказывания писателя о современных ему событиях, о сложном периоде, который переживает белорусская государственность. Этот очерк жизни и творчества писателя – важный источник биографических сведений о нем, а полностью приведенное интервью с писателем, записанное во Франкфурте-на-Майне в феврале 2001, – это, по существу, материалы к биографии писателя, представляющие огромный интерес для будущих исследователей его творчества и биографов.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что литературная критика является не только важным источником биографических сведений, но и, более того, – оказывает порой, особенно в переломные исторические моменты, непосредственное влияние на биографию писателей, на их доступ к читателям (запрет на выход книг, сокращение издательских тиражей и др.).

²³ Подробнее см.: Лавров А. В. Андрей Белый в критических отражениях // Андрей Белый: Pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и определениях современников: Антология. – СПб., 2004.

²⁴ Там же.

Вероника Жобер

Жизненный и творческий путь Наталии Иосифовны Ильиной: Штрихи к биографии репатриантки

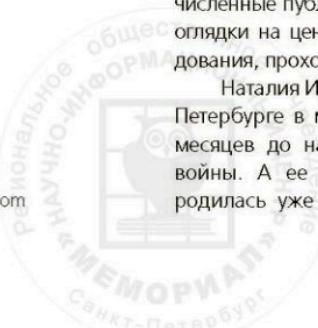
Вероника Петровна ЖОБЕР
(Véronique Jobert)

профессор Университета
Париж-Сорбонна (Париж 4), Франция

Имя Наталии Ильиной было хорошо известно советскому читателю последних трех десятилетий существования Советского Союза, причем людям самых разных возрастов. Каждая ее публикация вызывала многочисленные отклики. Об этом свидетельствуют сотни писем, отправленных писательнице со всех концов страны. Нынешнего читателя, особенно «племя молодое», выросшее уже в новой России, стоит познакомить с ее удивительной судьбой. Наталия Ильина умерла 19 января 1994, уже после распада СССР. Менее 20 лет прошло, но как все изменилось в России. В свое время Наталия Ильина была чуть ли не первой, затронувшей тему русской эмиграции в Китае. В новой же России этой теме посвящены многочисленные публикации, без какой-либо оглядки на цензуру; проводятся исследования, проходят конференции.

Наталия Ильина родилась в Санкт-Петербурге в мае 1914, за несколько месяцев до начала Первой мировой войны. А ее младшая сестра Ольга родилась уже в Петрограде в самый

veronique.jobert@gmail.com

разгар Февральской революции 1917 года. Их родители, симбирские дворяне, сочувствовавшие кадетской партии, приветствовали Февральскую революцию. Дальнейший ход событий, увы, не оправдал их надежд. Бабушка, Ольга Александровна Войкова, с дочерьми Катей и Марой и четырьмя малолетними внуками встретила Октябрьскую революцию в родовом имении Самайкине Симбирской губернии. Отец Наталии Иосифовны, Иосиф Сергеевич Ильин, офицер царской армии, в трудных и весьма опасных условиях, царивших в разлагавшейся армии, покинул свою часть в Житомире на Юго-Западном фронте, где работал инструктором в школе для прапорщиков, и сумел воссоединиться с семьей. В июне 1918 И.С. Ильин, вовремя и остро осознавший опасность, грозившую семье, да и всем дворянам и помещикам, принял решение срочно уехать с семьей в Самару, где в это время обосновался Комуч (Комитет членов Учредительного собрания). Там собирались силы, пытавшиеся противостоять большевикам.

Настояв на немедленном отъезде своей семьи, вопреки мнению и желанию многих родных, И.С. Ильин ее спас. Оставшиеся же в соседнем имении Репьевка родственники из семьи Мертваго были убиты на следующий день после отъезда Ильиных.

Сохранились весьма интересные и подробные воспоминания Иосифа Сергеевича Ильина. Он, видимо, написал их на основе сохранившихся у него дневников того времени и передал в 1938 в Русский заграничный исторический архив в Праге (Пражский архив). Теперь они хранятся в ГАРФе в Москве¹.

А осенью 1918 семья Ильиных, вслед за армией Колчака, двинулась на восток. Начались долгие скитания по Сибири. Жили в вагонах, в случайно снятых квартирах. В Омске мать Наталии Иосифовны заболела тифом и чудом спаслась, – она была эвакуирована в вагоне американского Красного Креста. После окончательного разгрома Белой армии и казни Колчака в Иркутске Ильины бежали дальше на восток и в конце концов обосновались в Китае, в Маньчжурии, в Харбине – уникальном русском городе Китая, возникшем в конце XIX века в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). З февраля 1920 в 5 часов пополудни И.С. и Е.Д. Ильины с дочерьми и няней прибыли на вокзал в Харбине. На этом кончаются воспоминания Иосифа Сергеевича, начатые в 1914. Отныне начинается новая жизнь в эмиграции, в далеком Китае.

В Харбине прошли детство и юность Наталии Ильиной, в русской среде, в русском окружении. Училась она в русской школе, программа которой была такой же, как в России. В Харбине издавались русские газеты и журналы, сюда на гастроли приезжали знаменитые русские певцы и актеры. Харбин считался рус-

¹ Воспоминания И.С. Ильина биографического характера с 1914 до 1920 (с приложением документов и газетных вырезок). Машинопись. – ГАРФ. Ф. Р 6599. Д. 16.

ской столицей Азии, так много в нем было русских. И не только бесспортные белоэмигранты, к числу которых принадлежала семья Ильиных, но и многочисленные русские, приехавшие в конце XIX века строить КВЖД, торговцы, предприниматели, поселившиеся там до революции. Казалось, что это уголок той России, куда в 1920-е еще надеялись вернуться многие белоэмигранты.

В 1930-е обстановка резко изменилась. Во-первых, из-за развода родителей в 1930 жизнь девочек Ильиных, Наталии и ее сестры Ольги, становилась все труднее. Отец не помогал семье, непрактичная мать выбивалась из сил, зарабатывая переводами, давая уроки, чтобы вырастить своих дочек, но вечное бедненежье угнетало. Во-вторых, вторжение японских войск в Маньчжурию и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го серьезно осложнило жизнь русских в Харбине. Остро чувствовались бездомность, безнадежность этой эмигрантской жизни.

В конце 1936 Наталия Ильина навсегда покинула Маньчжурию. Как и многие ее русские сверстники, в том числе и ее друг Олег Лундстрем, Наталия поехала в Шанхай, где тоже была многочисленная русская колония, а главное, было больше возможностей найти работу.

Здесь ей сначала пришлось перебиваться случайными заработками. Затем она начинает сотрудничать в различных русскоязычных изданиях, в газетах, в том числе в «Шанхайской заре», где будущая писательница публикует короткие очерки и фельетоны под разными псевдонимами, в том числе «Мисс Пэн». Постепенно она приобретает известность. Но именно в Шанхае не только она, но и ее близкие друзья – братья Олег и Игорь Лундстремы, Виталий Серебряков, Юра Сдобников – по-настоящему ощутили всю безнадежность эмигрантского существования.

Гражданская война в Китае, а затем нападение Японии на Китай, война, разразившаяся между этими странами, безусловно, усугубила жизненные трудности для русских, не имевших надежного тыла, в отличие от французов и англичан, живших в иностранных концессиях Шанхая и всегда имевших возможность вернуться на родину.

С началом Второй мировой войны в 1939 в Европе, и особенно после нападения Германии на СССР, русское население Шанхая разделилось на два лагеря. Наталия Ильина и ее близкие друзья, осознавшие, что Родина в опасности, стремятся ее защитить и охотно внимают пропаганде советского консульства в Шанхае. Многие принимают советское подданство. В 1946 создаются Общество граждан СССР в Шанхае, Союз возвращенцев, Советский спортивный клуб. Наталия Ильина и ее мать принимают советское гражданство.

В эти годы Наталия Ильина активно работает как журналист. Она является членом Объединения советских журналистов и литературных работников при Обществе граждан СССР, сотрудничает с газетой «Новая жизнь», служит в 1944–1945 в шанхайском отделении ТАСС. В 1946 в Шанхае выходит в свет

ее книга «Иными глазами», в которой собраны фельетоны, опубликованные Н.И. Ильиной в просоветски настроенных газетах, начиная с 1942.

30 ноября 1947, вслед за своими друзьями, Наталия Ильина с четвертой и последней группой репатриантов отправляется в СССР на советском пароходе «Гоголь», который идет в Находку. Оттуда ей посчастливилось попасть в Казань, где ее уже ждали друзья – братья Лундстремы. Там Наталия работает стенографисткой в разных советских учреждениях, одновременно готовясь к вступительным экзаменам в Литературный институт им. Горького. Поступив в институт в 1948, первый год она училась на заочном отделении, затем переехала в Москву. 14 ноября 1953 Наталия получила диплом, ей была присвоена квалификация «литературный работник».

В первые годы жизни в столице она пишет фельетоны для журнала «Крокодил» и одновременно – роман на «заданную тему» под названием «Возвращение» (первая часть опубликована в 1957²). Этой же теме была посвящена и ее дипломная работа в Литературном институте, за которую Н. Ильина получила «отлично». Это позволило ей 15 января 1958 вступить в Союз писателей, без которого путь в советскую литературу был бы закрыт, да и закрепиться в Москве, куда в 1954 вернулась из Шанхая ее мать, Екатерина Дмитриевна Ильина.

Только в 1961 в Советский Союз впервые приехала из Парижа сестра Наталии Ольга с дочерьми Вероникой и Катей. Сестры расстались в 1942, и только теперь Наталия познакомилась со своими племянницами.

В 1960-е Наталия Ильина – популярный очеркист, автор острых фельетонов, высмеивающих советский быт. Но после смерти матери в 1965 писательница переходит к новому жанру – автобиографической прозе. Материалом для ее рассказов, публиковавшихся в «толстых» литературных журналах, таких как «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», становится ее встречи, знакомство и дружба с незаурядными личностями, благодаря которым она по-новому смотрит на окружающую ее действительность. Семейный архив, унаследованный от матери, с которым Н. Ильина постепенно знакомится, также становится источником тем для ее новых публикаций.

После книг «Судьбы» (1980) и «Дороги» (1983), в 1985 была издана вся автобиографическая проза Наталии Ильиной «Дороги и судьбы» (дополнена и переиздана в 1991).

«Дороги и судьбы» – это не мемуары (Наталия Иосифовна вообще не жаловала этот термин), а автобиографическая, в какой-то мере исповедальная проза, которая позволяет лучше понять трагическую судьбу русских эмигрантов. В этом я недавно получила еще одно подтверждение, читая копию письма Наталии Иосифовны, пересланную мне по электронной почте из Казахстана, из

² Ильина Н.И. Возвращение: Роман. – [Ч. 1]. – М.: Советский писатель, 1957.

города Астаны. В своем письме бывшему харбинцу Арсению Сергеевичу Уманскому Н. Ильина пишет:

Рада, что «Дороги» Вам понравились. Это жанр особый, я не считаю это мемуарами; это именно автобиографическая проза. Я пришла к этому странному жанру после многих лет писания фельетонов и рада, что нашла его. Роман – дело не мое³. Я не беллетрист, выше среднего уровня мне в этом жанре было не подняться! Поняв это, я ушла в сатиру⁴, пока в 1970-е годы из-за архива матери не стала писать эту вот прозу.

Писательница, встретившая с большой надеждой крах коммунизма и развал Советского Союза в 1991, готовилась написать продолжение своей автобиографической прозы. Планировалось, что эта книга под названием «Второе возвращение» будет обращена к молодому поколению, которому трудно разобраться в хитросплетениях исторических потрясений XX века. Не успела.

Что побудило Наталию Ильину вернуться на родину в конце 1947? Несомненно, свою роль тут сыграла безнадежность эмигрантского беспаспортного существования. Но нельзя забывать и о литературном призвании. На вопрос «С чего начинается родина?» она твердо отвечала – «С языка». Этим и объясняется твердое решение Н.И. Ильиной во что бы то ни стало поступить в Литературный институт.

Поехала она в Советский Союз полная надежд, как и ее друзья, готовая все воспринимать через «розовые очки». Позднее Н.И. Ильина сама говорила о тогдашнем своем «лучезарном отношении к окружающему». Понадобилось немало лет, чтобы отрезветь и вникнуть в суть происходящего. В этом писательнице помогли незаурядные личности, с которыми она познакомилась уже в Советском Союзе, – в своей автобиографической прозе она посвятит им отдельные главы. Среди этих людей был профессор А.А. Реформатский, ставший ее мужем. Сменя на убеждений проходила долго и мучительно. «В душе моей шла переоценка ценностей», – пишет Н.И. Ильина. Она вспоминает, что продолжала думать, что Ахматова и Пастернак «оторвались от жизни, их стихи эпохе не созвучны»; но смущал тот факт, что Реформатский их считал лучшими поэтами России. Наталия многому удивлялась, была наивна, ее товарищи по Литинституту даже ее сторонились, настолько она себя порой неосторожно вела. В группе репатриантов, с которой она оказалась на пароходе из Шанхая, Наталия, со свойственной ей энергией и резкостью, активно занималась политигитацией среди тех, кто впал в уныние и критически относился к суровой действительности, – а они с этим столкнулись, как только высадились с корабля в Находке. Вместе со своими

³Речь идет о романе «Возвращение».

⁴См.: Ильина Н. Светящиеся табло. Фельетоны разных лет. – М.: Советский писатель, 1974.

друзьями она старалась вписаться в окружающий ее новый мир. Все они отказывались «хныкать», но, правда, до фанатизма Юрия Сдобникова не все доходили⁵. В сборнике воспоминаний о Н.И. Ильиной, изданном в 2004 к десятилетию ее смерти⁶, очерк О.Л. Лундстрема был назван «Почему мы не стали нытиками...».

Перечитывая свои письма к матери из Советского Союза в Шанхай, где Е.Д. Ильина оставалась до 1954, Наталия Иосифовна искренне удивлялась своему тогдашнему идиотизму, ей даже не верилось, что это она могла писать такие восторженные письма. Видимо, она не столько оглядывалась на цензуру, сколько сама себя убеждала, да еще надо было успокоить мать. Ведь надо было за что-то держаться, дабы не потерять надежду окончательно, и надо было выписать мать из Шанхая.

На самом деле к 1957, когда вышла первая часть ее романа «Возвращение», Н.И. Ильина уже многое поняла. В ее архиве нашлись записи, сделанные ровно через 10 лет после депатриации в Советский Союз. Именно эти записи послужили канвой для одного из автобиографических текстов, который Н.И. Ильина писала незадолго до смерти. Этот текст под названием «Тихий океан» был опубликован в журнале «Вопросы литературы» уже после смерти писательницы в январе 1994. Скорее всего, этот фрагмент мог стать первой главой нового цикла автобиографической прозы, которую Н.И. Ильина хотела назвать «Второе возвращение».

Перестройка, новая Россия, внезапная возможность говорить всю правду оказались мощным толчком для переосмысливания пройденного пути. Поводом для написания «Тихого океана» стала поездка Н.И. Ильиной в Америку, куда ее пригласили читать лекции в одном из университетов. Очнувшись на другом, американском, берегу океана, с которого началось ее возвращение на родину почти 50 лет назад, писательница возвращается в те годы, и, в частности, обращается к своим записям 1957 года.

Вот ее тогдашние записи первых впечатлений в Находке:

Штаб депатриантов. Прокуренная холодная комната, я там стучала на машинке приказы штаба и ходила развещивать их в бараках. В декабре выборы. Приехал какой-то блондин и диктовал мне свою предвыборную речь. Увидев, как я печатаю, начал уговаривать остаться в Находке машинисткой. Я отказалась и испугалась. А вдруг оставят насильно? Испуг был и жил в глубине души. Какое-то недоверие к Советскому Союзу было, чего уж тут говорить!

⁵ См.: «Юра Сдобников считал, что интеллигенту, да еще прибывшему из-за границы, следует переселиться в здоровом рабочем коллективе. Его взяли в бухгалтеры на кирпичный завод где-то на окраине Казани, Юра жил при нем» (Ильина Н.И. Из последней папки: Записи разных лет (1957–1993) / Публ. В.Жобер; Пред., подг. текста, прим. М. Тимофеевой // Октябрь. – 2000. – № 6. – <http://magazines.russ.ru/october/2000/6/ilina.html>). – Прим. ред.

⁶ «И только память обо всем об этом...»: Наталия Ильина в воспоминаниях друзей / Сост. В. Жобер, Ред. Л.П. Касаткин, М.В. Тимофеева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 256 с., ил.

Я все ждала России, а ее, мне казалось, не было. Эти снега и просторы, это холодное море, эти бараки, страшная уборная – уж очень неуютно.⁷

Уже попав в Казань, чтобы начать новую, советскую жизнь, необходимо было не впадать в отчаяние, самой себя убеждать каждую минуту в правильности сделанного выбора. В книге «Дороги и судьбы» в главе «Моя неведомая земля» Н.И. Ильина приводит свои первые впечатления в Казани:

Вокруг говорят по-русски. Русские буквы вывесок. И полицейские здесь русские или татары (но все равно, свои, свои!), а не аннамиты⁸ в шлемах, как на Французской концессии Шанхая, и не чернобородые индусы в чалмах, как на септименте... Впрочем, полицейские оказывается тут «милиционеры», не забыть бы! Я шла и улыбалась. Я в своем отечестве.⁹

Это чувство причастности к своему народу, этот патриотизм сыграли, конечно, огромную роль в ее судьбе и объясняют избранную ею дорогу.

Не случайно, как мне кажется, именно эту главу выбрала профессор Адэль Баркер, чтобы включить ее в недавно вышедшую в Америке антологию русских текстов «The Russia Reader»¹⁰. Патриотизм русского человека, воспитанного на русской литературе, неизбежно побуждает его найти свое место среди своих, а не чужих. Этим и объясняется возвращение многих эмигрантов в Советский Союз.

⁷Личный архив В. Жобер.

⁸Аннамиты (устар.) - название вьетнамцев, происходящее от употреблявшегося в прошлом наименования части их страны – Аннам. – Прим. ред.

⁹Ильина Н.И. Дороги и судьбы. – М., Московский рабочий. 1991. – С. 245.

¹⁰ The Russia Reader: History, Culture, Politics / Pub. A.M. Barker, B. Grant, etc. – Duke University Press, 2010.

Наталья Крук

Зеки – лауреаты Сталинской премии

Наталья Семеновна КРУК

НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

В системе ГУЛАГа существовали так называемые «шарашки». Это различные ОКБ, ОТБ, ОКТБ и другие технические бюро ОГПУ-НКВД-МВД, в которых заключенные инженеры, научные сотрудники занимались в основном проблемами оборонной промышленности. В период с конца 1920-х до середины 1950-х секретные научно-исследовательские и проектные институты, конструкторские бюро ОГПУ-НКВД-МВД были созданы в Москве, Ленинграде, Таганроге, Ростове, на Селигере и в других местах Советского Союза. Через «шарашки» прошли А.Н. Туполов, С.П. Королев, В.М. Петраков, В.П. Глушко, В.М. Мясищев, А.Л. Минц, Б.С. Стекин и многие другие известнейшие ученые и конструкторы.

И в Ленинграде, как было отмечено выше, существовали такие «шарашки». Их главным профилем были проектно-конструкторские и технологические разработки для Военно-Морского флота. ОКБ-172, которое размещалось в «Крестах», занималось морской артиллерией; ОКБ-5, нахо-

gulagmuseum@gmail.com

дившееся на территории нынешнего завода «Алмаз», занималось пограничными торпедными катерами; ОКБ-196, располагавшееся на территории современного Адмиралтейского объединения, работало над проблемами создания новых подводных лодок. Все эти ОКБ были отмечены Сталинскими премиями за большие успехи в создании новых систем в Военно-Морском флоте. Этих успехов добились выдающиеся инженеры-конструкторы, учёные, находившиеся в заключении.

I.

20 апреля 1938 появился приказ народного комиссара внутренних дел об организации Особого технического бюро (ОТБ) УНКВД по Ленинградской области. В положении о создании этого подразделения говорилось: «ОТБ УНКВД Ленинградской области организовано в целях всемерного использования заключенных специалистов для выполнения специальных конструкторских работ оборонного значения. Основной задачей ОТБ является устранение выявленных конструкторских дефектов в морских и береговых артиллерийских системах, изготовленных по чертежам ленинградского завода «Большевик», а также разработка проектов и рабочих чертежей новых артиллерийских систем и модернизации систем, состоящих на вооружении флота и береговой обороны»¹.

ОТБ было размещено на территории тюрьмы «Кресты» и имело штаты обычного конструкторского бюро, а также все положенные подразделения, включая техническую библиотеку, архив и т.п. Работало в бюро 150–200 заключенных одновременно и 15–20 вольнонаемных сотрудников. Под бюро было выделено два корпуса: один жилой трехэтажный и один рабочий четырехэтажный, – они до сих пор стоят на территории тюрьмы, прилегающей к улицам Комсомола и Михайлова. В самом ОТБ имелся большой зал для проектировщиков, под которым располагалась мастерская. Там был изготовлен деревянный макет двухорудийной артиллерийской установки Б-2-ЛМ в натуральную величину. Конструктор мог сесть в кресло, вращать рукоятки управления, чтобы почувствовать себя в положении наводящего или командира башни.

На специалистов ОТБ оформлялся допуск к секретной работе. Когда заключенные руководители проектов и старшие инженеры выезжали на заводы, производственные совещания или на полигонные испытания, их сопровождали конвоиры в штатском. Охрану при этом ни на секретные совещания, ни в цеха, ни на стрельбище не допускали, она оставалась в проходной или в 1-м отделе. У охранников не было допуска к секретной работе! Чтобы никому не пришло в голову, что специалисты являются заключенными, они всегда должны были быть хорошо одеты, подстрижены у парикмахера и побриты.

¹ Приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00240 от 20.04.1938. Москва. – Архив СПб. НИЦ «Мемориал». Копийный фонд.

Специалисты ОТБ неплохо питались, их обеспечивали по определенным нормам питания, в зависимости от ранга. Но даже и последний, так называемый «четвертый стол», был намного лучше того, что получали заключенные на общих работах в лагерях.

Первыми сотрудниками ОТБ были арестованные инженеры завода «Большевик» (разгром, устроенный на «Большевике», по-видимому, инициировал создание бюро). Позже коллектив «шарашки» пополнялся арестованными математиками, механиками, инженерами, среди которых было много крупных специалистов, таких как конструкторы Виктор Леонидович Бродский (строитель крейсера «Киров»), Эдуард Эдуардович Папмель, Антоний Северинович Точинский, Александр Лазаревич Константинов, математики Андрей Митрофанович Журавский и Николай Сергеевич Кошляков, арестованные по известному блокадному делу № 555², и др.

Кроме того был и другой способ пополнения кадрами ОКБ – через заявки НКВД (МГБ). К примеру: требуется для работы в ОТБ, позднее получившем название ОКБ-172, квалифицированный специалист-математик. Эти сведения поступают в Управления МГБ крупных городов, и через несколько месяцев в ОТБ прибывает профессор Саратовского университета Монастырский, которому «оформили» 10 лет по статье 58-10³.

Наиболее успешной, значительной работой ОТБ (ОКБ-172) было создание двухорудийной 130-мм башенной артиллерийской установки (Б-2-ЛМ) главного калибра для вооружения лидеров и эскадренных миноносцев. С 1938 главным конструктором, руководителем эскизного и технического проектов Б-2-ЛМ стал Сергей Иванович Лодкин. В проекте также участвовали Георгий Nikolaевич Рафалович, Евгений Павлович Иконников, Александр Федорович Смирнов и др.

Опытный образец был изготовлен на заводе «Большевик» и Ленинградском металлическом заводе. Полигонные испытания опытного образца проводились с декабря 1940 по май 1941 на Ржевском полигоне, корабельные испытания – во второй половине 1941 в Севастополе. Башенные установки Б-2-ЛМ были установлены на лидере «Ташкент» и использованы в морских сражениях Великой Отечественной войны. В современной книге по истории Российского флота написано: «В 30-е годы <...> для нового поколения эскадренных миноносцев проекта 30 была создана 130-мм двухорудийная башенная установка, которая не имела себе равных по дальности стрельбы»⁴.

² Зимой 1941/42 года в Ленинграде было арестовано несколько сот ученых, профессоров и преподавателей ленинградских вузов по обвинению в оказании помощи немецко-фашистским захватчикам. Они проходили по нескольким сфабрикованным делам, из которых наиболее известно «Дело № 555».

³ См. об этом в воспоминаниях В.К Акулова, который работал с Монастырским в ОКБ-172. – Архив СПб. НИЦ «Мемориал».

⁴ Три века Российского флота (1696–1996): История Российского флота в морских походах, сражениях и боях. – Т. 2. – СПб., 1996. – С. 354.

В начале войны ОТБ подлежало эвакуации: сначала в Томск, затем в Молотов (совр. Пермь). Сразу по прибытии из Томска в Молотов пятеро заключенных, среди которых был С.И. Лодкин, были отправлены в Молотовск (совр. Северодвинск), где стали работать в 20-м отделе СТБ при судостроительном заводе № 402.

В Молотове ОТБ из ленинградских «Крестов» вошло в состав завода № 172 (Мотовилиха). С этого момента за ним закрепилось название «ОКБ-172». Одним из важнейших достижений инженеров ОКБ-172 в Перми было их участие в разработке малокалиберной противотанковой пушки М-42, знаменитой сорокопятки «Анушка», ставшей одним из самых популярных орудий Великой Отечественной войны.

В декабре 1944 началась реэвакуация ОКБ-172 в Ленинград. Разместилось бюро в старых корпусах «Крестов».

Четыре сотрудника ОКБ-172 (С.И. Лодкин, Е.П. Иконников, Г.Н. Рафалович, А.Ф. Смирнов) 5 марта 1946 за разработку башенной установки Б-2-ЛМ были удостоены звания лауреатов Сталинской премии 3-й степени.

Сергей Иванович Лодкин родился 27 октября 1902 в городе Ливны Орловской губернии в семье служащего (бухгалтера). По социальному происхождению из мещан. Работать по найму начал с 16 лет, совмещая службу с учебой в средней школе, а затем в институте. В 1924–1925 служил в Красной армии. Последняя должность – командир взвода во 2-м автомотополку. Окончил Ленинградский кораблестроительный институт 18 марта 1931, инженер-кораблестроитель, специальность – корпусостроение. Во время учебы в институте был на практике в Германии – на судостроительной верфи в Гамбурге, а также в Англии – в Глазго. Работал в Ленинграде на Балтийском судостроительном и Механическом заводах.

Перед арестом – начальник алкорпсной секции (секции по алюминиевому корпусостроению) конструкторского бюро Балтийского судостроительного завода, одновременно – преподаватель ЛВВМИУ им. Дзержинского, Ленинградского судостроительного и механического техникумов. Арестован 8 декабря 1933, до марта 1934 находился под следствием. Обвинялся в том, что, «являясь членом контрреволюционной эсеровской ячейки, занимался военным шпионажем по Балтийскому заводу, собирая сведения, составляющие военную тайну, для передачи чешской разведке...». Следует обратить внимание на абсурдность обвинения: абсолютно сухопутная Чехословакия интересуется военно-морскими секретами СССР!

С.И. Лодкин был приговорен постановлением Коллегии ОГПУ от 29.03.1934 по ст. 58-6, 11 к 10 годам исправительно-трудовых работ. Несколько лет, с 1934 по 1936, провел в Белбалтлаге, находился на общих работах на Пиндушской судоверфи. Начались проблемы со здоровьем. Жена

Сергея Ивановича обратилась с просьбой к Е.П. Пешковой, писала, что было бы разумно использовать его, человека с высшим образованием, на работе по специальности. В 1937 С.И. Лодкин был переведен в ОТБ УНКВД («Кресты»)⁵ и с 1938 стал его главным конструктором, руководителем эскизного и технического проектов двухорудийной 130-мм башенной артиллерийской установки Б-2-ЛМ главного калибра для вооружения лидеров и эскадренных миноносцев. 20 июля 1941 вместе с ОТБ эвакуирован этапом из Ленинграда. До лета 1942 находился в Томской тюрьме, затем был переведен в Молотов, через несколько дней направлен в Молотовск Архангельской области в 20-й отдел СТБ Судостроительного завода № 402. В Молотовске специальным постановлением Государственного комитета обороны было решено организовать строительство сконструированной еще в Ленинграде техники. С.И. Лодкин был досрочно освобожден в июне 1943 постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 25.06.1943 со снятием судимости, оставлен вольнонаемным при 20-м отделе СТБ завода № 402. 15 февраля 1944 награжден орденом Красной Звезды. Реэвакуирован, с мая 1945 в Ленинграде, главный инженер ОКБ-172. В 1946 – лауреат Сталинской премии 3-й степени за башенные установки (Б-2-ЛМ), созданные для лидера «Ташкент» и эсминцев 30 бис. С.И. Лодкин принимал активное участие в других разработках ОКБ, в том числе в разработке панорамного прицела зенитной установки – для кругового преследования самолетов. Лодкин работал в ОКБ-172 вплоть до его ликвидации в апреле 1953. Затем – начальник конструкторского отдела в ОКБ-43.

С.И. Лодкин был награжден орденом Отечественной войны II степени (1944), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945); в его трудовой книжке зафиксированы многочисленные благодарности, поощрения, награды, премии, которыми он был отмечен за большие заслуги в своей трудовой деятельности.

С.И. Лодкин был широко образованным человеком, он знал наизусть «Евгения Онегина» и «Горе от ума» и мог цитировать с любого места. Хорошо знал и любил Николая Гумилева. В стенах ОКБ-172 им была написана «Пиратская поэма», подражание Гумилеву (илюстрации к поэме были выполнены заключенным инженером Александром Куном).

Сергей Иванович страстью любил цветы, он мечтал иметь свой сад. Получив Сталинскую премию, он построил дом в Токсово и превратил свой участок буквально в ботанический сад. Умер Сергей Иванович 19 августа 1955.

29 июля 1957 родственники С.И. Лодкина получили справку о его реабилитации: дело по обвинению гражданина Лодкина С.И. пересмотрено Военным

⁵ Имеются сведения (в воспоминаниях бывших заключенных – сотрудников ОТБ), что ОТБ УНКВД Ленинградской области (впоследствии ОКБ-172) функционировало уже в 1937, хотя приказ о его организации появился только в следующем году.

трибуналом Ленинградского военного округа 29 апреля 1957. Постановление Коллегии ОГПУ от 29 марта 1934 года в отношении Лодкина Сергея Ивановича отменено, и он полностью реабилитирован.

Евгений Павлович Иконников родился 5 января 1893 в Санкт-Петербурге. Православный, сын мещанина. В 1911 окончил Петербургское Коммерческое училище в Лесном, в том же году поступил на механический факультет Политехнического института. Он был признанным авторитетом в футбольном мире: игроком сборной Студенческой лиги (одновременно секретарем ее комитета), членом комитетов Петроградской футбол-лиги и Лиги любителей легкой атлетики⁶. Личный почетный гражданин Санкт-Петербурга. С декабря 1914 – на военной службе, подпоручик 1-го армейского воздухоплавательного отряда. В марте 1918 демобилизован, в том же году восстановлен в институте. Окончив четыре курса, работал конструктором на заводе «Большевик». До ареста – старший конструктор завода.

С 1929 по 1935 семья Иконниковых (отец, мать, дочь и сын) жили в районе нынешней станции метро «Площадь Мужества». Чтобы добраться на завод, Е.П. Иконникову нужно было ехать на двух трамваях два с половиной часа в один конец. Он говорил, шутя, что за шесть лет проехал на трамвае от дома до работы и обратно расстояние, равное трем с половиной экваторам Земли.

Характер у Е.П. Иконникова был жесткий, он был требователен к себе и к своим подчиненным. Он часто бывал на заводе, следил за тем, как идет работа по его чертежам. Дважды он останавливал производство, так как в проект были внесены изменения без его ведома и согласия, хотя и за подписью директора. «Проект мой, отвечаю за него я», – заявлял военпреду Иконников.

В 1935 семья Иконниковых переехала в заводской дом на Троицком поле, им выделили две комнаты в коммунальной квартире. Но здесь семья прожила недолго. Е.П. Иконников был арестован 31 августа 1936. Обвинялся в том, что, «являясь участником троцкистско-зиновьевской террористической группы на заводе “Большевик”, проводил вредительскую деятельность по проектированию новых артиллерийских систем». 5 мая 1937 Е.П. Иконников был приговорен Военной коллегией ВС СССР по ст. 58-7, 8, 11 к 10 годам тюремного заключения с конфискацией личного имущества и 5 годам поражения в правах.

В 1939 его направили на работу в ОТБ УНКВД в «Крестах». Сначала он был старшим инженером-конструктором, впоследствии руководителем группы, а затем и руководителем проектов.

По воскресеньям на свидания к нему приходила семья. Сначала свидания проходили через две сетки, между которыми ходил часовой. Потом сняли

⁶ См. об этом публикации в газете «Петербург спортивный и туристский» за 1988, № 14 (98), и в ежедневнике «Футбол», № 16 (2026).

одну сетку, затем – вторую. Однажды семьи Смирнова, Рафаловича, Лодкина и Иконникова вызвали первыми. Всех привели в отдельную комнату, где в четырех углах сидели их «враги народа». С тех пор, вплоть до начала войны, так и проходили их семейные свидания.

Евгений Павлович очень любил цветы, он разбил цветник во дворе «Крестов», и в летний сезон его семья уходила со свидания с огромным букетом.

После ареста Е.П. Иконникова некоторые из его коллег и знакомых при встречах с членами его семьи стали переходить на другую сторону улицы. Но были и другие, те, кто спешил рассказать, что видел Евгения Павловича, когда он приезжал на завод (это часто было необходимо по работе), как он выглядит... Когда дочери Иконникова пришло время вступать в комсомол, ей сказали, что она должна публично отказаться от отца. А брата Е.П. Иконникова – Бориса Павловича Иконникова, главного инженера автомобильного завода в Брянске, попросили освободить место, и он был вынужден уехать с семьей в Иваново, где преподавал в одном из институтов.

20 июля 1941 Е.П. Иконников был эвакуирован вместе с ОТБ из Ленинграда. До лета 1942 находился в Томской тюрьме, затем переведен в Молотов, где продолжил работать в ОТБ, которое стало называться ОКБ-172.

В 1943 Е.П. Иконников был освобожден досрочно со снятием судимости. Его дело было прекращено постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25.06.1943. Он был оставлен в ОКБ-172 вольнонаемным сотрудником. В феврале 1944 Е.П. Иконников был награжден орденом Красной Звезды. 20 февраля 1945 он умер в Молотове, диагноз – сердечная астма. 5 марта 1946 Евгений Павлович был посмертно награжден Сталинской премией 3-й степени – за разработку башенных установок (Б-2-ЛМ) на лиdere «Ташкент» и эсминцах 30 бис.

29 июня 1957 Военная коллегия Верховного Суда СССР пересмотрела дело Е.П. Иконникова, приговор Военной коллегии от 5 мая 1937 по вновь открывшимся обстоятельствам был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Георгий Николаевич Рафалович родился в 1895 в Санкт-Петербурге. После окончания в 1922 Артиллерийской академии РККА работал старшим инженером-конструктором на заводе «Большевик». С 1934 – руководитель проекта палубных артиллерийских установок для различных типов кораблей, занимался модернизацией военных кораблей и береговых укреплений. Арестован 22 сентября 1936. Обвинялся в том, что, «являясь участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации на заводе „Большевик“, проводил подрывную вредительскую деятельность, направленную на срыв конструирования наиболее совершенных артиллерийских образцов и на затяжку модернизации военных кораблей и береговых укреплений».

Г.Н. Рафалович был приговорен 06.05.1937 Военной коллегией ВС СССР по ст. ст. 17-58-8, 58-7, 11 к 10 годам тюремного заключения.

С 1937 находился в ОТБ УНКВД в «Крестах» (впоследствии ОКБ-172), участвовал в разработке эскизного и технического проектов двухорудийной 130-мм башенной артиллерийской установки Б-2-ЛМ главного калибра для вооружения лидеров и эскадренных миноносцев. За эту работу удостоен 5 марта 1946 Сталинской премии 3-й степени.

Определением Военной коллегии ВС СССР от 29 июня 1957 приговор от 6 мая 1937 отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления, Г.Н. Рафалович реабилитирован.

Об Александре Федоровиче Смирнове, четвертом сотруднике ОКБ-172, также лауреате Сталинской премии 1946 года, сведениями не располагаем.

Возвращаясь к истории ОКБ-172, следует отметить, что в 1940-е – 1950-е ОКБ занималось разработкой трехорудийных башен, которые могли вести огонь как по надводным, так и по воздушным целям. Эти разработки не нашли своего воплощения. Тем не менее, опыт ОКБ-172 в конструировании морской артиллерии, разработка новых технических решений обеспечивали технический прогресс отрасли и развитие ее теоретических основ.

К 1948 в ОКБ-172 было разработано 33 крупных проекта и выполнено свыше 60 научно-исследовательских работ. В связи с 10-летием со дня основания и организации конструкторское бюро было представлено к награждению орденом Трудового Красного Знамени. Тридцать наиболее отличившихся оперативных сотрудников МВД СССР и вольнонаемных работников были рекомендованы к награждению орденами и медалями СССР. Десять особо отличившихся специалистов, работавших после отбытия наказания в ОКБ-172 по вольному найму, были представлены к снятию судимости.

В апреле 1953 ОКБ-172 было расформировано. Специалисты с неоконченными сроками заключения были этапированы в лагерную зону Металлостроя и работали в конструкторском бюро на базе института Гипронинеруд, выполнявшем гражданские заказы. Освобожденные из заключения сотрудники, работавшие в ОКБ-172 как вольнонаемные, были переведены в конструкторское бюро ОКБ-43 Министерства оборонной промышленности, с которым в период своего существования тесно сотрудничало ОКБ-172.

II.

Другое ОКБ НКВД-МВД – ОКБ-5 – было образовано сразу после войны, в 1946. Оно находилось на территории завода № 5 Министерства судостроительной промышленности. История его создания началась с разработки в 1945 проекта торпедного катера № 183 в ОКБ-340 НКВД в Зеленодольске

под Казанью. Поскольку катер разрабатывался в деревянном корпусе, производственной базой для его постройки был выбран завод № 5 Наркомата судостроительной промышленности. На этот завод перевели группу конструкторов ОКБ-340 во главе с П.Г. Гойникисом. В 1946 на базе этой группы, первоначально состоявшей из 10 человек, было образовано ОКБ-5.

Созданный в ОКБ-5 торпедный катер проекта № 183 на долгие годы стал основным типом советского торпедного катера. Он отличался высокой мореходностью, дальностью плавания, автономностью и скоростью хода, а также эффективным вооружением, в том числе средствами самообороны.

Головной катер проекта № 183 был заложен в апреле 1948, сошел на воду в ноябре 1948. После испытаний в ноябре 1949 вошел в состав ВМФ.

В 1950 П.Г. Гойникис, Е.А. Попов и еще 30 заключенных – сотрудников ОКБ-5 были досрочно освобождены. Вместе с проектом торпедного катера № 183 они были переведены в открытое СКБ-5 в качестве вольнонаемных сотрудников.

Согласно постановлению Совета министров СССР от 28 апреля 1950 № 1737-678, за разработку проекта 183 главный конструктор Павел Густавович Гойникис, сотрудник Евгений Апполинариевич Попов и вольнонаемный сотрудник завода Георгий Иванович Китаенко были удостоены звания лауреатов Сталинской премии 2-й степени. Заместители П.Г. Гойникиса по этому проекту – Б.П. Соколов и В.А. Скворцов, с 1947 работавшие в ОКБ-5 уже как вольнонаемные, в 1949 были вновь арестованы и сосланы на вечное поселение в Красноярский край, поэтому звания лауреатов они не были удостоены. Позднее Б.П. Соколову была выплачена денежная часть премии.

Павел Густавович Гойникис родился 1 ноября 1889 в Польше (г. Сосновицы Петраковской губернии). По национальности немец. Окончил реальное училище в Варшаве в 1907, затем, в 1911, кораблестроительное отделение Кронштадтского морского инженерного училища. Работал младшим судостроителем в Кронштадтском порту, а с 1912 – на Николаевском судостроительном заводе «Руссуд». Участвовал в постройке линкоров типа «Императрица Мария». С 1913 – курсант Морской академии. С 1914 – старший помощник судостроителя в Свеаборгском порту (Гельсингфорс), а с 1915 занимался вооружением, артиллерией гражданских судов в Архангельске. В 1918 П.Г. Гойникис окончил Морскую академию. Он был назначен деканом кораблестроительного отделения Морского инженерного училища, затем работал главным корабельным инженером Балтийского завода, техническим директором завода им. Андре Марти.

В 1919 П.Г. Гойникис был арестован Петроградской ЧК по подозрению в принадлежности к организации, «ставившей своей целью восстановление Учредительного собрания», но вскоре был освобожден под поручительство Коллегии по управлению Балтийским заводом.

Занимаясь практической деятельностью, П.Г. Гойнкис не прекращал учебно-преподавательской работы. В 1918 он преподавал на курсах комсостава флота, с 1920 – в Военно-морской академии, а также в Морском инженерном училище. За это время им было написано несколько руководств: «Устройство корабля», «Качка корабля», «Гребные винты», «Парусность. Конспект лекций по сопротивлению воды».

П.Г. Гойнкис был арестован 2 октября 1930 ПП ОГПУ в ЛВО, проходил по «делу Промпартии». Приговорен постановлением КОГПУ от 30.04.1931 по ст. 58-6, 7, 11 («шпионаж», «вредительство», «группа») к высшей мере наказания с заменой на 10 лет лишения свободы. По пересмотру дела (постановление КОГПУ от 02.01.1932) освобожден. В течение двух лет отбывал срок в «шарашике» – ОКТБ-2 при Балтийском заводе.

В 1930-е П.Г. Гойнкис – технический директор Адмиралтейского завода в Ленинграде, Дальзавода во Владивостоке, Амурского завода в Комсомольске-на-Амуре, Тюменского судостроительного завода; главный инженер и главный конструктор ряда научно-проектных судостроительных организаций. Руководил проектированием боевых кораблей (крейсеров, торпедных катеров, подводных лодок), первых советских пассажирских теплоходов, рефрижераторов, лесовозов, танкеров и морских буксиров.

5 мая 1937 Народным комиссариатом высшего образования П.Г. Гойнкису была присвоена учченая степень кандидата технических наук.

11 июля 1938 он был вновь арестован, приговорен Военной коллегией ВС СССР 28.05.1940 к 10 годам лишения свободы.

В заключении работал в ОТБ в Большево (ЦКБ-29), ОКБ-196, ОКБ-340 в Зеленодольске под Казанью, в ОКБ-5. Занимался разработкой легкого крейсера, опытного стального торпедного катера дальнего действия. 11 июля 1948 П.Г. Гойнкис был освобожден со снятием судимости, остался работать в ОКБ-5 в качестве вольнонаемного. После расформирования ОКБ-5 назначен главным конструктором, затем главным инженером проектов ЦКБ Министерства судостроительной промышленности, руководил проектированием и постройкой судов нового типа. Одновременно – преподаватель в Военно-морском инженерном училище им Ф.Э. Дзержинского, в Военно-морской академии. 28 апреля 1950 за разработку торпедного катера проекта № 183 удостоен Сталинской премии 2-й степени.

В начале 1960 учений совет ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова подготовил документы на присвоение П.Г. Гойнкису учченой степени доктора технических наук без представления диссертации, по совокупности выполненных работ. Это решение не было реализовано, – П.Г. Гойнкис умер 21 марта 1960.

О Евгении Апполинариевиче Попове известно немного. Родился он в 1893. Находясь в заключении, работал в ОКБ-5 с 1946 по 3.03.1949, руководитель корпусной группы. Затем переведен в открытое СКБ-5, также

руководителем корпусной группы. В 1950 назначен начальником корпусного отдела СКБ-5. В 1956, после того, как СКБ-5 было преобразовано в ЦКБ-5, Е.А. Попов был оставлен в той же должности.

Е.А. Попова упоминает в своих воспоминаниях Борис Павлович Соколов (1907(?) – 1994). Как уже говорилось выше, Б.П. Соколов, находясь в заключении, работал в ОКБ-5 в должности начальника корпусного отдела и заместителя главного конструктора по проекту № 183. 8 июля 1947 он был освобожден по окончании срока, работал в ОКБ-5 вольнонаемным. 16 апреля 1949 Б.П. Соколов был снова арестован и по решению Особого совещания от 08.06.1949 сослан на бессрочное поселение в Красноярский край.

В своих воспоминаниях Б.П. Соколов писал: «В Красноярском крае жил я в поселке Придивиная, работал на Придивинской верфи. Туда ко мне приехала жена. Евгений Апполинариевич Попов, инженер из ОКБ-5, начал писать нам письма в Сибирь. Сообщал, что дело о премии за проект торпедного катера № 183, над которым мы работали, развивается успешно, скоро будет премия, которая не обойдет и меня. В одном из писем я спросил его, на чье имя мне лучше написать письмо в Министерство судостроительной промышленности, чтобы показать, что я существую и где я нахожусь. На это письмо он без промедления ответил, что этого делать не надо, они и так все знают.

Что-то осенью перестали приходить письма от Попова. <...> А вот 17 марта 1951 года в газетах появилось сообщение [о Сталинской премии], но вместо меня там был Попов. Пропали мигом все наши надежды на скорое освобождение и возвращение. <...> Дальше от меня пошли заявления и протесты. В результате Министерство судостроительной промышленности выполнило возврат денег, но лауреатом Сталинской премии я так и не стал»⁷.

III.

В 1936–1939 в Ленинграде, Москве, Подмосковье, Николаеве и в других городах развернулись активные работы по созданию новых энергетических установок для подводных лодок, называвшихся «единым двигателем». Над его созданием с успехом работала группа инженеров, арестованных в Москве и Николаеве в 1937–1938. Начав свою работу в ОТБ НКВД в Большево (ЦКБ-29), они были переведены в ленинградское ОКБ-196, организованное в 1939 также в системе НКВД. Располагалось ОКБ-196 на четвертом этаже административного здания завода «Судомех» (с января 1937 – завод № 196). Технический проект подводной лодки с единственным двигателем внутреннего сгорания, работающим в подводном положении по схеме ЕД-ХПИ, разрабатывался под руководством главного конструктора ОКБ-196 А.С. Кассациера. Авто-

⁷ Соколов Б.П. Воспоминания. – Архив СПб. НИЦ «Мемориал», см. также: [Соколов Б.П.] Два ареста: Из воспоминаний // Нева. – 2001. – № 4.

ром проекта был В.С. Дмитриевский (до ареста – офицер, сотрудник Главного управления кораблестроения ВМФ), в разработке проекта деятельное участие принимали инженеры-конструкторы Л.К. Назаров (заместитель главного конструктора), К.В. Трофимов, Г. С. Манишер, Н.С. Иссерлис и др. Главное отличие этого двигателя от предшествующих РЕДО и ВВД заключалось в использовании специального химического поглотителя для углекислого газа, выделяемого двигателем при работе.

В начале 1939 разработанный ОКБ-196 проект утвердили, а 16 июня было принято постановление Комитета обороны при Совете народных комиссаров СССР о постройке опытной подводной лодки с единым двигателем. Во исполнение этого постановления 16 ноября 1939 на заводе № 196 заложили подводную лодку с литерно-цифровым обозначением М-401 (заводской номер С-135) с единым двигателем ЕД-ХПИ. С апреля по ноябрь 1940 на заводском стенде проверялась возможность работы энергоустановки по замкнутому циклу ЕД-ХПИ. 1 июня 1941 М-401 спустили на воду в высокой степени готовности. С началом Великой Отечественной войны, когда фронт приблизился к Ленинграду, было решено эвакуировать экспериментальную лодку вглубь страны для продолжения достроочных работ и проведения последних испытаний. 1 августа 1941 лодку погрузили на баржу и по Волго-Балтийскому каналу отправили в Горький на судостроительный завод № 112 («Красное Сормово»). В связи с наступлением холодов, в ноябре лодку перевели на Каспийское море, в Баку, где и проходили заводские ходовые испытания. В 1942 группа Дмитриевского-Кассациера была отправлена на испытания двигателя в Каспийск. 23 ноября 1942, во время испытаний, на подводной лодке случился пожар, в результате которого погиб В.С. Дмитриевский.

Государственные испытания подводной лодки М-401 начались сразу же после окончания заводских – 10 июня 1945 и продолжались до конца года. В 1946 подводную лодку М-401 включили в состав ВМФ.

Всего М-401 совершила 74 выхода в море, 68 погружений, прошла 2800 миль, из которых 360 под водой под дизелями, работавшими по замкнутому циклу.

На период Великой Отечественной войны ОКБ-196 было эвакуировано из Ленинграда и размещалось на заводе № 340 в городе Зеленодольске под Казанью. После войны ОКБ-196 было реэвакуировано в Ленинград, на завод «Судомех».

В 1946 работы, связанные с подводной лодкой проекта № 95, прекратили и всю документацию передали в ЦКБ-18. В ноябре 1948 туда же перенесли группу конструкторов ОКБ-196 – авторов проекта единого двигателя РЕДО-ХПИ – Абрама Самуиловича Кассациера, Григория Семеновича Манишера, Александра Карповича Назарова и Константина Васильевича Трофимова. Этих конструкторов досрочно освободили из заключения. 2 июня 1948 они

были награждены Сталинской премией 2-й степени. Премии посмертно был удостоен **Валериан Станиславович Дмитриевский**.

В 1948 ОКБ-196 в техническом и плановом отношениях становится филиалом ЦКБ-18. В апреле 1953 ОКБ-196 было расформировано.

Абрам Самуилович (Самойлович) Кассациер родился 18 (31 н.ст.) октября 1900 в г. Ржеве Тверской губернии. В 1926 он окончил кораблестроительный факультет Ленинградского политехнического института. Работал в Ленинграде на Северной судостроительной верфи, затем в Народном комиссариате судостроительной промышленности. Был главным конструктором проекта восстановления английской подводной лодки «Л-55» (до 10 декабря 1932 – «L-55»), затем – главный конструктор Балтийского завода. С 1936 – уполномоченный Главморпрома в Италии и наблюдающий за постройкой кораблей, заказанных для ВМФ СССР. В 1937 переведен в Москву на должность начальника кораблестроительного отдела Наркомата оборонной промышленности.

Арестован 23.04.1938, приговорен 29.05.1940 Военной коллегией ВС СССР по ст. 58-6, 7, 11 к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах.

Работал в ОТБ НКВД в Большево под Москвой. С 1939 – в ОКБ-196, главный конструктор. В 1946 переведен на работу в ЦКБ-18 на должность и.о. главного конструктора. С 1949 – главный конструктор ЦКБ-18. С 1953 по 1955 работал в ЦКБ-16 главным конструктором. Затем снова вернулся в ЦКБ-18.

Реабилитирован 17 ноября 1954 Военной коллегией ВС СССР.

За создание «единого двигателя» типа ЕД-ХПИ для подводных лодок в 1948 удостоен Сталинской премии 2-й степени.

В ЦКБ-18 А.С. Кассациер руководил разработкой, а затем постройкой малых подводных лодок проектов 615 и А615 с единственным двигателем для надводного и подводного хода с использованием дизеля. В подводном положении в качестве окислителя топлива применялся жидкий кислород, хранившийся в цистерне на подводной лодке. Также руководил разработкой проекта 651 – дизель-электрической крейсерской подводной лодки, вооруженной крылатыми ракетами «П-5» для поражения морских движущихся целей. Всего по проектам, которыми руководил А.С. Кассациер, построено 47 подводных лодок проекта 615 и 16 лодок проекта 651.

А.С. Кассациер был награжден орденом Трудового Красного Знамени (1963) и медалями. Умер в 1965.

Григорий Семенович Манишер родился 8 марта (н. ст.) 1901 в г. Николаеве, Украина. Его отец был рабочим, котельным мастером в Адмиралтействе, судовым механиком, служил в торговом порту переводчиком и производителем работ по судоремонту. В 1905 из-за начавшихся в России еврейских по-

громов семья уехала в Англию, в город Ньюкастл. Старшие члены семьи работали на фабриках, Григорий посещал школу. В 1907 семья вернулась в Россию. Г.С. Манишер окончил в 1923 Николаевский политехнический институт, получил диплом инженера-конструктора кораблестроения. Работал на Николаевском заводе им. Андре Марти конструктором, старшим инженером-конструктором, начальником секции и начальником группы специальных устройств. Арестован в июле 1938, приговорен 29.05.1940 постановлением Военной коллегии ВС СССР по ст. 54-7, 11 УК УССР к 10 годам исправительно-трудовых работ. Работал в «шарашиках» в Большево, в ОКБ-196, занимался разработкой двигателей для подводных лодок.

29 ноября 1946 досрочно освобожден со снятием поражения в правах. После освобождения работал в ЦКБ №18, ЦКБ №16 МПС. Занимал должности: старшего конструктора, начальника сектора, ведущего конструктора, руководителя группы, и.о. начальника сектора, начальника сектора. Занимался проектированием валопроводов. Под его руководством и при непосредственном участии были спроектированы валопроводы для подводных лодок проектов 611, 613, 641, А615.

2 июня 1948 в составе группы конструкторов награжден Сталинской премией 2-й степени. За время работы многократно награждался почетными грамотами за успехи в производственной деятельности, получил несколько авторских удостоверений и свидетельств за изобретательскую деятельность.

Реабилитирован Главной военной прокуратурой 26 апреля 1955. Умер 01.10.1963.

Константин Васильевич Трофимов родился в 1899 в Полтаве. Окончил в 1924 Запорожский машиностроительный институт, был направлен на Николаевский завод им. А. Марти, где занимал должности конструктора, помощника начальника котельного цеха, начальника котельного цеха.

Арестован 3 января 1938, обвинялся в участии «в антисоветской диверсионно-вредительской организации, действовавшей на заводе № 198, и в проведении вредительских работ на объектах военного судостроения». Приговорен Военной коллегией ВС СССР 30 мая 1940 «по совокупности преступлений» (формулировка ВК ВС СССР), предусмотренных ст.ст. 58-7, 9, 11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. В заключении работал в ОКБ НКВД в Большево под Москвой, затем в ОКБ-196 на заводе № 196 («Судомех»); конструктор, затем начальник механического отдела.

Досрочно освобожден постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1946. Направлен на работу в ЦКБ-18, где занимал должность начальника сектора, в 1956–1970 – начальник отдела дизельных установок, с 1970 – ведущий конструктор.

2 июня 1948 в составе группы конструкторов награжден Сталинской премией 2-й степени.

Определением Военной коллегии ВС СССР от 2 марта 1955 приговор отменен, дело за отсутствием состава преступления закрыто.

Второй раз стал лауреатом Государственной премии в 1971 – за участие в создании и внедрении на подводных лодках нового ряда дизелей размерностью 30/38 на Коломенском машиностроительном заводе им. В.В. Куйбышева. Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1969) и медалями. Умер в 1973.

Александр Карпович Назаров родился в 1910 в с. Авдотьевка Николаевской области. Перед арестом – помощник военного представителя отдела кораблестроения Управления морских сил НКО при заводе № 202, военинженер 3-го ранга.

Арестован 2 января 1938 во Владивостоке⁸. Обвинялся в участии «в анти советской диверсионно-вредительской организации, входившей в состав антисоветского военно-фашистского заговора, и в проведении работы, направленной к срыву строительства военных кораблей для Тихоокеанского флота». Приговорен 28 мая 1940 Военной коллегией ВС СССР «по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-16, 58-7, 11 УК РСФСР» к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет, конфискацией имущества и лишением военного звания.

Направлен на работу сначала в ОТБ НКВД Большево Московской области. Затем был переведен в ОКБ-196 НКВД на завод № 196 («Судомех»). С 30 октября 1946 – старший конструктор в ЦКБ-18.

2 июня 1948 в составе группы конструкторов награжден Сталинской премией 2-й степени.

В 1949 назначен заместителем главного конструктора подводных лодок проектов 615 и А615 с единственным двигателем для надводного и подводного ходов. В 1953 переведен в ЦКБ-16, где работал над проектом А615. В 1956 переведен в СКБ-143, где под его руководством был разработан проект атомной подводной лодки с жидкокометаллическим теплоносителем первого контура – проект 645ЖМТ. За это проект А.К. Назарову в 1964 была присуждена Ленинская премия. Награжден Орденом Ленина и медалями. Умер в 1997.

⁸Согласно архивной справке Управления СБ Украины в Николаевской области (№ 64/20-1221 от 1.03.2011), постоянное место жительства А.К. Назарова – г. Владивосток. – Архив СПб. НИЦ «Мемориал».

Надежда Слепкова

Из частной жизни академика Ф.Д. Плеске

Надежда Валентиновна СЛЕПКОВА

Зоологический институт РАН
(Санкт-Петербург)

Экстраординарный академик Федор Дмитриевич Плеске (1858–1932) – третий по счету директор, возглавлявший Зоологический музей Академии наук в XIX столетии. Его биография до последнего времени не была написана даже вчerne¹.

Попытаемся предположить, почему так произошло.

Во-первых, уход Ф.Д. Плеске из Академии по болезни в 1896 был отягчен конфликтом с А.П. Семеновым, в котором участвовали академик А.О. Ковалевский и ряд других сотрудников Академии. Помимо противоречий между «русской» и «немецкой» партиями (представителем последней и был Плеске), конфликт с Ковалевским содержал в себе научное противостояние «систематиков» и «морфологов»², в котором

¹ Слепкова Н.В. Материалы к биографии Ф.Д. Плеске (1858–1932) // Энтомологическое обозрение – 2007. – Т. 86. – №. 1. – С. 218–233 (далее – Слепкова, 2007, с указ. страницы).

² Слепкова Н.В. Становление Зоологического института Академии наук как ведущего центра

выразился процесс смены научных парадигм в биологии того времени. Возможно, эти обстоятельства, сопровождавшие отставку, послужили причиной того, что Плеске не подал сведений о себе в юбилейное издание к 25-летию пребывания во главе Академии великого князя Константина Константиновича³.

Вторая причина могла быть связана с тем, что Плеске, вернувшийся в музей в 1918, был отчислен в 1930 с формулировкой «по возрасту» в результате «чистки» Академии, производившейся комиссией Фигатнера в 1929. По решению этой комиссии был снят со своего поста директор музея А.А. Бялыницкий-Бируля (позже он был арестован и проходил по «Академическому делу»); отчислен заведующий герпетологическим отделением С.Ф. Царевский, имевший сан диакона⁴. Отчисление Плеске, которому в это время было уже 72 года, как представляется, было также следствием работы комиссии.

В-третьих, 1930-е были крайне неподходящим временем для того, чтобы заниматься написанием биографии человека, имевшего близкие связи с высокопоставленными представителями свергнутого строя.

Вместе с тем, Ф.Д. Плеске оставил значительный след в истории Зоологического музея. Он начал работать почти сразу после окончания университета, в 1883, сначала безвозмездно, потом в штате, возглавив отделение орнитологии. В 1890 Плеске был избран адъюнктом ИАН, а в 1893 – экстраординарным академиком. После смерти А.А. Штрауха в 1893 он стал директором музея и работал до 1896. Главным подвигом его академической карьеры стала подготовка музея к переезду в новое здание⁵. Он составлял сметы, добывал деньги, занимался сравнительным изучением западноевропейских музеев, планировал новую экспозицию⁶. Во всех заседаниях Физико-математического отделения (ФМО) он активно отстаивал линию развития музея как учреждения, нацеленного на изучение классической систематики. Объем выполненных Плеске работ был таков, что привел его к нервному истощению. Великий князь Константин Константинович готов был искать разные возможности для того, чтобы удержать Плеске в Академии, но ученый подал в отставку, не желая своей болезнью задерживать работы по развертыванию

исследований по систематике. Конец XIX в. // Труды объединенного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. – 2006. – СПб: Наука, 2007. – С. 101–117.

³ Императорская Академия наук. 1889–1914. I. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. – Ч. 2; М-Я. – Пр., 1917. – С. 72.

⁴ Слепкова Н.В. Васильевский остров у Дворцового моста: Академия, таможня, ЗИН. Летопись трех столетий. (По материалам двух выставок в Зоологическом институте РАН) // Материалы XXIV годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российской нац. комитета по истории и философии науки и техники «Санкт-Петербург и мировая наука» (23–27 июня 2003). – СПб: СПБФ ИИЕТ, 2003. – С. 215–218.

⁵ С 1896 по настоящее время музей занимает здание на Университетской набережной, 1.

⁶ Слепкова Н.В. На Васильевском острове у Дворцового моста. – СПб: ЗИН РАН, 2001. – 84 с.

музея в новом здании. Уход из музея был настоящей трагедией для Плеске, поскольку, как он писал великому князю, у него не было никаких серьезных интересов помимо музея⁷.

Много позже, в 1918, в письме в Академию Плеске отмечал: «Нисколько не умаляя крупных заслуг перед музеем моих почтенных предшественников, академиков Ф.Ф. Брандта и А.А. Штрауха, собравших с ничтожными средствами неоценимые научные сокровища, я вправе сказать, что превращение этого музея из склада научных предметов в культурное научное учреждение, исходатайствование ему обширного помещения, необходимых на перестройку здания и внутреннюю отделку средств и, наконец, проведение нового штата этого учреждения, без моего участия едва ли вообще состоялось»⁸.

Считается, что успехом в решении организационных и финансовых проблем музея Плеске был обязан своему брату-финансисту⁹. Однако круг общения Федора Дмитриевича, социальный статус его семьи до сих пор не были предметом изучения. В настоящем исследовании внимание уделено преимущественно этой стороне биографии академика. В работе проанализированы весьма скупые материалы личного дела Плеске из Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук (ПФА РАН). Также использованы воспоминания некоторых членов его семьи. Основу сведений о семейных связях Плеске составляет генеалогическая база Дитриха Оберга¹⁰.

Родители Ф.Д. Плеске – Эдуард Людвиг Плеске (1817–1873) и Маргарита Елизавета Оом (1822–1880) – происходили из дворян. Про отца из личного дела Плеске известно, что он был полковником¹¹. Мать Плеске, урожденная Оом, имела саксонские¹² и голландские корни. В словаре Брокгауза упомянут прямой предок Плеске – Ганс Оом, бывший в 1631 ревельским бургомистром; его сын, пррапрапрадед Плеске, Адольф Оом (+1753)¹³, бывший ревельским бургомистром; а также дядя Плеске, брат матери, Федор Адольфович Оом (1826–1898)¹⁴, бывший сначала секретарем императрицы Марии Феодоровны, а позже – ее почетным опекуном¹⁵. Благодаря воспоминаниям

⁷Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (ПФА РАН). Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 15-20.

⁸Протоколы заседаний ФМО. 1918. § 48. – Академическое собрание БАН.

⁹См.: Танасийчук В.Н. Alma mater отечественной зоологии. 170 лет Зоологическому институту РАН. От Кунсткамеры... // Природа. – 2002. – № 8. – С. 12-16.

¹⁰<http://www.oberg-forchheim.de/ahnen/index.htm>.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1087. Л. 1об.

¹² Ее отец – приглашенный из Саксонии агроном, надворный советник Федор Андреевич Фурман происходил из дворян Киевской губернии. Первая супруга – Елизавета Каспаровна Энгель, вторая – Софья Любимовна Гильденбант.

¹³http://www.oberg-forchheim.de/ahnen/f_10.htm#7.

¹⁴http://www.oberg-forchheim.de/ahnen/f_13.htm#9.

¹⁵http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biology/95586/%D0%9E%D0%BE%D0%BC.

последнего¹⁶, мы имеем возможность узнать о происхождении и занятиях предков Плеске по материнской линии.

В воспоминаниях Федор Адольфович уделяет большое внимание своей матери – бабушке нашего академика – Анне Федоровне Оом, урожденной Фурман (1791–1850). Сначала под руководством родителей, затем, после смерти матери, под руководством бабки, Е.К. Энгель, и наконец в доме известного мецената А.Н. Оленина Анна Фурман получила прекрасное воспитание и образование. Пребыванию в семье Олениных она была обязана счастливейшими днями своей жизни. У Олениных она «имела случай познакомиться с лучшими нашими писателями», – сказано в словаре Половцева¹⁷. Красота и прекрасные качества ее ума и сердца снискали ей немало поклонников. В нее был влюблена К.Н. Батюшков и даже сделал ей предложение, которое не было принято. Не было принято ею и предложение Н.И. Гнедича. Батюшков не раз обращался к ней в своих стихотворениях и письмах¹⁸. Ей был адресовано стихотворение «Память сердца», положенное на музыку М.И. Глинкой. В Русском музее можно видеть портрет Анны Фурман этого периода работы О.А. Кипренского.

Семейство Олениных – одно из самых блестательных семейств «золотого века» России, где, по воспоминаниям Оома, его мать с детьми, стало быть, и с матерью Плеске до ее лет 16, обедали каждое воскресенье, пока была жива хозяйка дома, Елизавета Марковна. Отблеск этого образованнейшего семейства, надо думать, сохранялся не только на матери академика, но и на самом Плеске.

На 25-м году жизни Анне пришлось покинуть дом Олениных и ехать в Дерпт, где некоторым напоминанием литературной атмосферы салона Олениных служило ей общество В.А. Жуковского. Из Дерпта Фурманы переехали в Ревель, где в 1822¹⁹ Анна вышла замуж за богатого коммерсанта Вильгельма Адольфа Оома²⁰, который скоро разорился, вследствие чего семейство Оомов переехало в Петербург. В Петербурге по протекции Олениных дед Плеске получил место воспитателя в Академии художеств и в Кадетском корпусе. В 1827 дед Плеске умер, оставив на попечении жены четверых детей. В тот же год Оленины выхлопотали ей место главной надзирательницы Санкт-Петербургского воспитательного дома (с 30 апреля 1827).

¹⁶ Воспоминания Федора Адольфовича Оома. 1826–1865 / Ф.А. Оом. – М., 1896. – 140 с.

¹⁷ Оом, Анна Федоровна. – http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/95585/%D0%9E%D0%BE%D0%BC.

¹⁸ Майков Л.Н. О жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова // Батюшков К.Н. Сочинения. – СПб., 1887. – Т. I. – С. 190–193.

¹⁹ http://www.oberg-forchheim.de/ahnen/f_13.htm#9.

²⁰ До отъезда в Петербург в 1824 был старшиной большой гильдии.

«Руководительницею ея в новых обязанностях была сама Императрица Мария Федоровна²¹», – пишет в своих воспоминаниях Ф.А. Оом.

Маргарет Элизабет Оом, будущей матери Плеске, исполнилось в этот год всего 5 лет. В здании Воспитательного дома (теперешнем Герценовском университете), в казенной квартире она выросла вместе с сестрами и братом. Анну Федоровну звали воспитывать царских детей, но она предпочла вырастить своих. Ф.А. Оом вспоминает, что государь из-за этого год не посещал заведения, но потом сменил гнев на милость. В Воспитательном доме Анну Федоровну называли «госпожа Ум». В должности главной надзирательницы она оставалась и после переименования Воспитательного дома в Сиротский институт. Скончалась она в 1850, прослужив, таким образом, около 25 лет.

Должность, которую с успехом исполняла бабушка Плеске, ввела эту знатную, но небогатую женщину в круг лиц, близко знакомых с царствующей фамилией. Это определило карьеру ее младшего сына Федора, бывшего сначала секретарем цесаревича Александра Александровича (в 1865–1867), а потом и императрицы Марии Федоровны²² (в 1867–1898). Впоследствии, когда его племянник осиротел (отец Ф.Д. Плеске умер, когда юноше было 15 лет, мать – когда ему было 22 года), дядя Федор Адольфович был тем представителем старшего поколения, который стал свидетелем успехов будущего академика, а, возможно, и его высоким покровителем.

Маргарет Элизабет Оом вышла замуж за Эдуарда Людвига Плеске в 1851²³. В семье было двое сыновей: старший Эдуард и младший Теодор, он же Федор, герой нашего очерка. Эдуард Дмитриевич Плеске (1852–1904) – исторический деятель, более известный, чем Плеске-академик, благодаря тому, что какое-то время он был министром финансов. Он окончил Александровский лицей. Вся его служебная карьера проходила в финансовых учреждениях²⁴. Эдуард Дмитриевич был управляющим Государственного банка в 1894–1903. В 1903 – уже смертельно больным – он был назначен вместо Витте на должность министра финансов. Этот пост Э.Д. Плеске занимал до 1904, когда его назначили членом Государственного Совета. В том же году он умер.

Теодор/Федор был младше брата на 6 лет. Он родился в Петергофе 11 июля 1858. Воспитывался сначала во 2-й классической гимназии, а с 1873 (год смерти отца) по 1878 – в знаменитой Петершule. В 1878 он поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, который закончил в 1882. Первый период своей жизни он был

²¹ В данном случае – супруга Павла I.

²² В данном случае – супруга Александра III.

²³ http://www.oberg-forchheim.de/ahnen/f_af.htm#4.

²⁴ См. о нем на сайте Центробанка: <http://www.cbr.ru/today/history/print.asp?file=Pleske.htm>.

орнитологом²⁵. Шесть лет Плеске трудился над созданием библиографии по птицам «Ornithographia Rossica» («Орнитологическая фауна Российской Империи»)²⁶, работал с коллекциями Н.М. Пржевальского. Однако, став директором Зоологического музея, должен был отдать все свои силы на переезд и переоборудование музея. Считается, что значительную роль в разрешении проблем музея сыграла помощь брата, но у Плеске были и другие влиятельные и опытные в финансовых делах родственники. Сведения о них есть в личном деле Плеске.

Как служащий Академии, Ф.Д. Плеске был обязан сообщать в Академию об изменениях своего семейного положения²⁷. В формулярном списке указано, что Плеске был женат первым браком на дочери статского советника девице Ольге Александровне Аменицкой²⁸. Детей у них было четверо. Про первого, Михаила, известно, что он родился 14 августа 1889²⁹ и умер 22 декабря 1893³⁰. Второй сын, Владимир, родился 31 декабря 1891³¹ и был крещен 8 марта 1892 в церкви при Императорском университете. Выписка из метрического свидетельства № 12171 гласит: «у адъюнкта Императорской Академии наук надворного советника Федора Эдуардовича³² Плеске и законной жены его Ольги Александровны, обоих первоврачальных, его лютеранского, а ее православного вероисповедания, сын Владимир родился 31 декабря 1891 года и крещен 8 марта 1892 г. Восприемниками были статс-секретарь Государственного Совета, действительный статский советник Владимир Николаевич Коковцев и жена действительного статского советника Мария Ильинична Плеске»³³. Третьего сына – Георгия, рожденного 15 августа 1895³⁴, крестил 21 октября в церкви при Императорском университете протоиерей Рождественский³⁵. Восприемниками были капитан флота 2-го ранга Николай Михайлович Лушков, отставной гвардии поручик лекарь Александр Андреевич

²⁵ В те годы шкурки птиц обрабатывали мышьяком, и со временем врачи запретили Плеске работать с ними. Значительную часть своей жизни он работал как систематик двукрылых насекомых.

²⁶ Слепкова, 2007. – С. 220.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1087.

²⁸ Там же. Л. 2.

²⁹ Там же. См. также метрическое свидетельство № 2925. – Там же. Л. 41.

³⁰ См. заявление Плеске: «Прошу исключить из моего формулярного списка сына Михаила, скончавшегося 22 декабря 1893 г.» – Там же. Л. 75.

³¹ Там же. Л. 2, 68.

³² В официальных документах Академии отчество Плеске – Дмитриевич.

³³ Там же. Л. 72.

³⁴ Там же. Л. 124, 125 (метрическое свидетельство № 489).

³⁵ Там же. Л. 124. Василий Гаврилович Рождественский (1839–1918) был настоятелем университетского храма с 1880, то есть со времени студенчества Плеске, и почти до самой революции 1917 года, и, стало быть, преподавал ему в университетские годы.

Жандр и дочь статского советника Лариса Александровна Аменицкая³⁶. Дочь Марию, родившуюся 27 ноября 1898, крестили в храме Рождества Богородицы при Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе. Крестил ее священник Александр Рождественский³⁷ с диаконом Иоанном Дьячковым. Восприемниками были приват-доцент Императорской Военно-медицинской академии, доктор медицины Александр Андреевич Жандр и жена лейтенанта Лариса Александровна Свешникова³⁸.

Упомянутый в одной из метрик Владимир Николаевич Коковцев (1853–1943) в 1896–1902 был товарищем министра финансов, в 1904–1914 – министром финансов, а с 1911 по 1915 одновременно и председателем Совета министров. В 1890–1896 он занимал в Государственной канцелярии по Департаменту государственной экономики должности от помощника статс-секретаря до товарища государственного секретаря³⁹. Он получил, также как и брат Плеске, Эдуард Дмитриевич, элитное образование в Александровском (Царскосельском) лицее, который окончил в 1872. Коковцев в своих воспоминаниях⁴⁰ во многих местах с большой теплотой упоминает Э.Д. Плеске, с которым он был не только лицейским товарищем, другом, сослуживцем, но и родственником, с семьей которого он был знаком «еще с лицейских лет, с первой встречи с семьею Сафоновых и Плеске в приемном зале Лицея»⁴¹. Жена его, Анна Федоровна Коковцева (1860–1950)⁴² – в девичестве Оом. Судя по материалам генеалогической базы Дитриха Оберга, она была дочерью Федора Адольфовича Оома – автора воспоминаний, внучкой Анны Фурман, и нашему герою доводилась двоюродной сестрой.

В метриках упомянута жена брата – Мария Ильинична Плеске – родная сестра знаменитого музыканта Василия Ильича Сафонова (1852–1918), знакомство с семьей которого в Лицее вспоминает Коковцев. Сафонов в это время возглавлял Московскую консерваторию⁴³. В его биографии указывается, что

³⁶ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1087. Л. 137.

³⁷Священник Александр Васильевич Рождественский (1878–1907), отец поэта Всеволода Рождественского.

³⁸Там же. Л. 138, 138об, 139.

³⁹См., например, биографические сведения, составленные по материалами воспоминаний Коковцева (Коковцова): <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/authord5b4-2.html?id=278>.

⁴⁰Воспоминания Коковцева неоднократно издавались и переиздавались, см., напр.: Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919 гг. – В 2 т. – Париж: Изд. журн. «Ил. Россия», 1933. – Т. 1. – 512 с., Т. 2. – 509 с.; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1911–1919 / Сост., авт. вступ. ст., коммент., имен. указ. С.С. Волк. – М.: Современник, 1991. – 592 с.

⁴¹Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. – Париж, 1933. – Т. I. – Часть четвертая: От открытия Государственной Думы третьего созыва до убийства Столыпина. – Гл. II.

⁴²Умерла в эмиграции в Париже.

⁴³См.: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/muzyka/SAFONOV_VASILI_ILICH.html

Сафонов добился значительного улучшения финансирования этого заведения, поскольку его жена – Варвара Ивановна, урожд. Вышнеградская (1863–1921), была дочерью министра финансов⁴⁴; при Сафонове было перестроено здание консерватории, в 1901 открыт Большой зал.

Как видим, Плеске связывали с финансовой элитой страны самые разнообразные родственные узы. Следует, впрочем, отметить, что помочь их Плеске была опосредованная, поскольку в момент переезда музея решения принимал С.Ю. Витте.

В круге общения академика Плеске было еще несколько лиц, упомянутых в метриках. Александр Андреевич Жандр (1855–1920)⁴⁵, сын сенатора Андрея Андреевича Жандра (1789–1873), учился вместе с Плеске в университете и закончил его в один год с ним (1882). Впоследствии он дважды был восприемником его детей, что позволяет предположить его близкую дружбу с Плеске. Упомянутые в числе восприемников Николай Михайлович Лушков, Лариса Александровна Аменицкая (позже – жена лейтенанта Свешникова) – были родственниками жены Плеске. Брат Лушкова Михаил Михайлович был женат на Зинаиде Александровне, урожд. Аменицкой, – сестре его жены⁴⁶. Из послужного списка Николая Александровича Свешникова известно, что он был женат на дочери статского советника Ларисе Александровне Аменитской⁴⁷. Братья Лушковы, братья Свешниковых – морские офицеры. Имя Н.М. Лушкова, командаира канонерской лодки «Туча», фигурирует в деле о гибели во время шторма броненосца «Русалка» в сентябре 1893. Заканчивал свою служебную карьеру Н.М. Лушков в 1902–1906 полковником, начальником приморского торгового порта в Ростове-на-Дону и Новороссийске⁴⁸. Сын его, А.Н. Лушков, во время Гражданской войны состоял ближайшим помощником адмирала В.К. Пилькина, занимавшего в правительстве генерала Юденича пост, соответствующий морскому министру⁴⁹.

Со дня кончины академика Федора Дмитриевича Плеске прошло без малого 80 лет. Время иначе расставило акценты в спорах и противостояниях, в которые был втянут Федор Дмитриевич в течение своей жизни. В лице Плеске мы имеем верноподданного дворянина, носителя лучших культурных традиций

⁴⁴ Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895) – министр финансов в 1888–1892.

⁴⁵ См. о нем: Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура. XVII – начало XX вв. Биологические и медико-биологические науки: Биографический словарь. – СПб.: РХГИ, 2003. – С.179.

⁴⁶ Сведения предоставлены участником Чтений А.Ю. Емелиным.

⁴⁷ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 3746. Л. 19об.

⁴⁸ Сведения предоставлены участником Чтений А.Ю. Емелиным.

⁴⁹ А.Н. Лушков умер в Париже в эмиграции. Сведения приводятся по: Бюллетень Союза бывших русских морских офицеров в Америке. – 1955. – № 1. – С. 14. – <http://kortic.b.qip.ru/?1-11-0-00000168-000-0-0-1304468368>

этого сословия, поставившего свои связи и немалые организаторские способности на службу любимому делу. Именно Плеске, его умениям, его родственному окружению мы обязаны успехом в развитии крупнейшего отечественного центра таксономических исследований, получившего импульс к развитию в тот момент, когда классическая систематика подвергалась серьезному давлению со стороны новых направлений исследований.

Автор благодарит С.О. Мамонова, а также Мати Лаане (Mati Laane, Таллин) и участника Чтений «Биографика XX века» А.Ю. Емелина за ценные консультации.

Мария Кротова

«Советскую биографию нужно заслужить»: Возвращение Николая Устрялова

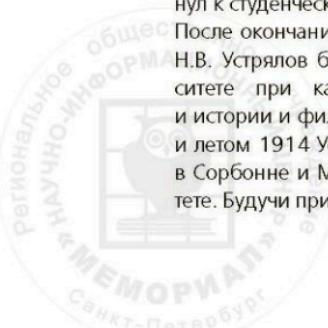
Мария Владимировна КРОТОВА

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и
политологии СПбГУЭФ

mary_krot@mail.ru

Николай Васильевич Устрялов (1890–1937) известен в основном как «сменовеховец», идеолог национал-большевизма. Между тем интересна и необычна сама судьба Николая Васильевича, типичного российского интеллигента, кадета, профессора права, талантливого публициста, прожившего 15 лет в эмиграции в Харбине, принявшего в 1925 советское гражданство и вернувшегося в СССР в 1935.

Николай Васильевич родился в 1890 в Санкт-Петербурге в дворянской семье, отец его был врачом. В 1900 семья переехала в Калугу, где Николай Васильевич в 1908 окончил гимназию с серебряной медалью. Он поступил на юридический факультет Московского университета, где прокинул к студенческой кадетской фракции. После окончания университета в 1913 Н.В. Устрялов был оставлен в университете при кафедре энциклопедии и истории и философии права. Весной и летом 1914 Устрялов слушал лекции в Сорbonne и Марбургском университете. Будучи приват-доцентом, в 1917–

1918 читал в Московском университете курс по истории русской политической мысли. В 1918 переехал в Пермь, где читал лекции в Пермском университете, в январе 1919 был откомандирован в Омск на должность юрисконсульты Совета министров колчаковского правительства. Затем занимал должность директора Пресс-бюро, после чего покинул правительственную службу, перейдя в Русское бюро печати, вместе с которым перед падением Омска эвакуировался в Иркутск, где стоял во главе бюро до самого падения правительства в конце 1919. Поражение Колчака стало переломным моментом в идейной эволюции Устрялова. Разочаровавшись в белой идее, он оказался перед тяжелым выбором: служить делу, в которое уже не верил, или перейти к большевикам.

Устрялов выбрал «третий путь» и с остатками колчаковской армии в январе 1920 выехал вместе с женой в Харбин, где провел 15 лет, «наиболее зрелую треть жизни». В Харбине он преподавал право, руководил философским кружком, являлся постоянным автором газеты «Новая жизнь», журналов «Сунгарийские вечера», «Вестник Маньчжурии», «Окно», издавал вместе с Г.Н. Диким альманах «Русская жизнь». Здесь в октябре 1920 вышел сборник его статей «В борьбе за Россию» – первая программа русского национал-большевизма. В своих статьях он утверждал, что если вывести страну из кризиса смогли только большевики, то Совдепия – это единственная национальная российская власть, а большевизм – коренное русское национальное явление¹. Сборник этот вызвал взрыв негодования в эмигрантской среде, обвинения в предательстве. Устрялова называли «агентом Кремля», «патриотом чужого Отечества», «смену вех» считали «сменой шкуры».

Надо сказать, что Устрялов сам себя эмигрантом не считал. Он часто подчеркивал: «Я не эмигрант, а „внутренний интеллигент“, хотя и живущий ныне заграницей»². В 1925, приняв советское гражданство³, он получил статус «советского спеца». В Харбине он служил на КВЖД, исполняя обязанности начальника учебного отдела КВЖД, а затем директора Центральной библиотеки КВЖД. Он был прекрасно устроен, имел годовой оклад в 6000 руб., бесплатный проезд по железной дороге, казенный особняк площадью 189,6 кв. метра⁴. Кроме того,

¹ Подробнее о национал-большевизме и философских взглядах Устрялова см.: Агурукский М. Идеология национал-большевизма. – Париж, 1980; Быстрыццева Л.А. Николай Васильевич Устрялов // Клио. – 1998. – № 3-6; Воробьев О. Н. В. Устрялов как гностик // Евразийский вестник. – 2001. – № 19; Квакин А.В. Между белыми и красными. – М., 2006; Репников А.В. В поисках выхода (национал-большевизм Николая Устрялова) // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. – М., 2003.; Романовский В.К. Николай Васильевич Устрялов // Отечественная история. – 2002. – № 4; Сергеев С. Страстотерпец самодержавия. Гениальный госслужащий // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. – М., 2003.

² Из письма Н. В. Устрялова П. П. Сувчинскому. – ГАРФ. Ф. 5783. Оп 1. Д. 312. Л.108.

³ Устрялов имел советский паспорт № 3390 от 2 мая 1925, выданный генеральным консульством СССР в Харбине (ГРИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5480. Л. 1). Дело в том, что с 1924 по 1935 КВЖД управлялась на паритетных началах СССР и Китаем, и работать на ней имели право только граждане этих стран. Таким образом, многие эмигранты в Китае приняли советское или китайское гражданство.

⁴ Личное дело бывшего работника КВЖД Н. В. Устрялова. – ГРИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5480. Л. 55.

он получал оклад профессора Харбинского юридического факультета, читал лекции в Русско-японском институте. Заработав значительное состояние на советской службе, он построил дом в Харбине. Его умение «устроиться» высмеивали харбинские сатирики:

В Харбине же судят так:
 Он не рыба и не рак.
 Он лакей иль сервиллист,
 Бабник, ритор и стилист.
 Под покровом ночи темной
 Ловеласничает с донной.
 Под покровом смены вех
 Кормит брюхо без помех.
 Под покровом философии
 Словоблудит об эпохе.
 Аполог приспособленья,
 Ищет только иждивенья
 И за сырный стол и дом
 Служит словом и пером.⁵

В нем было много тщеславия, честолюбия, жажды «обнаружиться», он любил эффектные фразы и поступки, – Сталин на XIV съезде партии назвал его «краснобаев и кривлякой». Один из его коллег по Русско-японскому институту в Харбине И.С. Ильин оставил запись об Устрялове в своем дневнике: «Вот уж настолько русский интеллигент... Он образован, умен, интересен, но всегда соглашается во всем решительно с собеседником – даже противно делается. У него все постольку-поскольку, все и да, и нет! „Да, конечно, но разумеется, это не всегда, но, в общем, пожалуй...“ – только и слышишь от него»⁶. Устрялов внимательно следил за всеми событиями в СССР, ежедневно читал советскую прессу, участвовал в различных дискуссиях. Им двигало острое желание «быть в струе», не остаться «на обочине истории».

Для воспитанного на либеральных ценностях Устрялова было важно сохранить интеллектуальную независимость, «многоголосие в противовес унисону». Он часто цитировал Есенина: «Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам» и подчеркивал: «останусь сам по себе», «сохранию свою цель и свой маршрут». Именно поэтому он считал возвращение в Россию в 1920-х преждевременным: «Людям нашего ремесла (полити-

⁵ Вонсович И.И. Три сужденья // Вонсович И.И. Покуривая трубку: Рифмованный блокнот. – Харбин, 1930. – С. 146.

⁶ Запись из дневника И.С. Ильина от 10 мая 1926. – ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

кам, публицистам) там еще нельзя служить, – надо прислуживаться, что, как и прежде, достаточно “тошно”⁷.

В конце 1920-х Устрялов пережил серьезный идеиний кризис, который А.Ф. Керенский определил так: «конец сменовеховству» – вместо «пассивной лояльности» – «нерассуждающая верность»⁸. После 1929 тон высказываний Устрялова резко изменился. Наблюдая за процессами, происходившими в СССР, «затяжными и болезненными», он чувствовал собственное бессилие. Он пытался убедить себя и сторонников, что, кроме «шипов», сталинский режим имеет и свои сильные стороны. Пусть коллективизация и индустриализация, – считал он, – лишь бы не распад, лишь бы преодолеть отсталость и создать могучую Россию. Но голос его становился все менее убедительным. Оправдывая террор, Устрялов писал: «Конечно, “безумства” и преступления есть, но они глубоко имманентны громадному историческому процессу, развертывающемуся в стране... Дело не в том, что мы гибнем и погибнем, а в том, что из этого всего получится»⁹. В своих построениях Устрялов опирался на мысль Гегеля о разумности действительности, оправдывая террор и диктатуру большевиков. «Всякое время имеет свою логику. Попробуем понять ее и смириться перед ее смыслом»; «все прекрасное трудно», – убеждал он. Страдания интеллигенции в СССР Устрялов считал «осмысленными и заслуженными», посланными ей «для вразумления и исправления»¹⁰.

Все чаще в дневнике, в письмах к друзьям Устрялов жалуется на свое одиночество, на «психологические и моральные трудности», отсутствие «наследников» и «круга своей среды». В самом Харбине у него было мало сторонников. Но свое одиночество Устрялов воспринимал как единственно достойное существование, плату за независимость суждений, возможность «остаться собой». Отношения с коллегами по Юридическому факультету, где работали и советские граждане, и эмигранты (среди них были известные профессора – Гинс, Рязановский, Никифоров, Энгельфельд, Эсперов) складывались непросто. Профессор Г.К. Гинс (автор книги «Сибирь, союзники и Колчак»), знакомый еще по Омску, выступил в шанхайской газете «Русское слово» с критикой «реальной политики» Устрялова, обвинив его в «неразборчивости в средствах»¹¹. В 1934, после конфликта на факультете, Устрялов и другие

⁷ Из письма Н. В. Устрялова А. В. Бобрищеву-Пушкину; цит. по: Квакин А. В. Между белыми и красными. – С. 87.

⁸ См.: Дни. – 1930. – № 86.

⁹ Из письма Н. В. Устрялова Г.Н. Дикому от 1 мая 1931; цит. по: Исторический архив. – 1999. – № 2. – С. 101.

¹⁰ Устрялов Н. В. Россия (У окна вагона) // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. – С. 590-592.

¹¹ См. об этом: «Фашизм и коммунизм движутся единой интуицией». Из переписки Н. В. Устрялова // Границы. – 2002. – № 201. – С. 178.

советские профессора вынуждены были уйти. Разрыв со «своей средой» очень болезненно сказался на настроениях Устрилова.

С советской стороны к нему относились также настороженно, как к «редиске» – красному снаружи, белому внутри. Как ехидничал профессор Энгельфельд, коллега Устрилова по Юридическому факультету, «Вы-то к революции лицом, да она-то к Вам задом». В своих высказываниях Устрилов стал более осторожным (необходимо «семь раз примерить, прежде чем резануть, дабы не зарезаться»), исчез его полемический задор, все чаще приходилось «помалкивать». Сказывались и проблемы со здоровьем – с 1929 его начали беспокоить боли в желудке¹². В письмах начала 1930-х он все чаще жаловался: «Стареем, тяжелеем, болеем, хиреем». После выхода в свет сборника «Наше время» (Шанхай, 1934), в котором Устрилов признавал правильность генеральной линии партии, последовал разрыв с близким другом, коллегой по Юридическому факультету Е.Е. Яшновым, который обвинил Устрилова в «капитуляции», в том, что тот «бежит за партбилетом». Впоследствии Яшнов отказался от советского гражданства.

В 1935, когда встал вопрос о продаже КВЖД и возвращении советских граждан в СССР, перед Устриловым, как и 15 лет назад, встал непростой вопрос выбора, «несносный жизненный тупик». Он очень хотел и мог уехать в Европу, к «святым камням», к «первоклассной культуре», – средства позволяли: в 1935 он получил значительные «заштатные» деньги от КВЖД и выгодно продал свой дом в Харбине; это позволяло, как он писал, жить за границей около 10 лет. Близкий друг Устрилова Г.Н. Дикий в письме от 15 марта 1934 предупреждал его: «Если же Вы очень уж дорожите продолжением самостоятельной политической или философской линии, то и не мечтайте о севере, а сразу устраивайтесь южнее». К.А. Чхеидзе, узнав, что Устрилов собирается в Европу и США, писал ему в апреле 1934: «Ваш приезд в Европу явился бы событием не только русской жизни»¹³. Более того, сам Устрилов осознавал, что «никуда и никому сейчас не нужен и ни к чему не способен», что хотел бы «перестроиться» и, по Есенину, «задрав штаны, бежать за комсомолом», но... уже чувствовал «одышку»¹⁴. К тому же он не был наивным человеком и прекрасно понимал, что в СССР его примут настороженно, что «доверие нужно заслужить», и иллюзии здесь неуместны. Но, рассматривая себя как фигуру символическую, репрезентативную, Устрилов осознавал, что его решение должно быть идейным, выбор

¹² После медицинского обследования в 1929 Устрилову был поставлен диагноз: хронический катар желудка, хронический колит, неврастения. – РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5480. Л. 112.

¹³ ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 78. Л. 13.

¹⁴ Из письма Н. В. Устрилова Г.Н. Дикому от 7 июня 1933, цит. по: Исторический архив. – 1999. – №3. – С. 118-119.

должен быть «абсолютно четким, безуокизненным и демонстративным», т.к. «position oblige» (положение обязывает)¹⁵.

Свой выбор он объяснял не только идейными мотивами, но и «диктатурой иррациональных фактов». Помимо очевидных мотивов – «хочу быть с моим народом, разделить его судьбу и идти вместе с ним»¹⁶, а также естественного тяготения к родной земле – «к воздуху, цветам, краскам, климату», – Устрялов понимал возвращение как «добровольное рабство». «Если даже это и свободный акт самосожжения, то в духе евангельского афоризма: потерявший свою душу, найдет ее»¹⁷. В одном из последних писем перед отъездом из Харбина он писал: «Государство строится ныне, как в годы Петра, суровыми и резкими методами, подчас на костях и крови. <...> Если государству понадобятся и мои собственные „кости“, – что же делать, нельзя ему в них отказывать»¹⁸.

Знакомые в Харбине считали, что, решив вернуться, Устрялов сошел с ума; когда его спрашивали, для чего он так поступил, он отвечал: «Для биографии». В этом ответе важно характерное для Устрялова ощущение некоей своей особой миссии и трагической судьбы. Своему бывшему коллеге по Юридическому факультету Г.К. Гинсу он сказал перед отъездом: «Я должен пожертвовать собой» («I must sacrifice myself»)¹⁹. Еще в 1934, за год до отъезда, Устрялов позаботился о своем архиве: перепечатал его в четырех экземплярах, один из которых переправил в США, другой – в Чехию²⁰. В мае 1935 он вместе с женой и детьми выехал из Маньчжурии в СССР. Устрялов строил планы: предполагал преподавать, подготовить брошюру «10 лет в Харбине», выступать как пропагандист достижений СССР во время поездки с лекциями по Европе. Замечательным документом недолгого пребывания в стране победившего социализма стал его дневник, начатый еще в поезде по дороге в Москву и оборвавшийся арестом в июле 1937²¹.

Свою жизнь в СССР Устрялов называл «искупительным периодом жизни». Советскую биографию, считал он, нужно заслужить. Он убеждал себя в необходимости дисциплины и подчинении своего «индивидуального рассудка большому разуму государства»²². В письмах и дневниках Устрялов много размышлял

¹⁵ Из письма Н. В. Устрялова Г.Н. Дикому от 22 апреля 1935; цит. по: Там же. – С. 161.

¹⁶ Из письма Н. В. Устрялова Ю. А. Шаховскому от 16 февраля 1935. – ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 78. Л. 50.

¹⁷ Из письма Н. В. Устрялова К.А. Чхеидзе от 27 апреля 1935. – Там же. Л. 56об.

¹⁸ Там же. Л. 58.

¹⁹ Из интервью с Г.К. Гинсом. – ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 16. Кат. 1. Кадр 540.

²⁰ Сейчас эти копии хранятся в Архиве Губернского института войны, революции и мира (Коллекции Н. В. Устрялова), а также в Литературном архиве Чешской Республики в фонде «Fjodoroviana pragensia».

²¹ «Служить родине приходится костями»: Дневник Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. // Источник. – 1998. – № 5-6 (далее – Дневник).

²² Дневник. – С. 12.

об «аскезе» – полном подчинении человека государству ради построения нового, более справедливого общества. Он принял эту аскезу, но, будучи по натуре «человеком 1910-х», скептиком, чуждым советской культуре, верующим в Бога, душу, высшие ценности, испытывал большие психологические и моральные трудности. Знакомые заявляли ему при встречах, что его возвращение – парадокс, не могли понять, как ему дали въездную визу. Бывшие коллеги советовали написать письмо в «Известия», чтобы подтвердить свою лояльность власти. 28 сентября 1935, как явствует из дневника, Устрилов написал письмо на имя своего бывшего начальника, управляющего КВЖД Ю.В. Рудого – с просьбой показать его Кагановичу. В письме говорилось о завершении «перестройки сознания» автора в направлении генеральной линии партии.

Приехав в СССР, Устрилов поначалу много ездил по стране, встречался с разными людьми. Беседовал с Горьким на его даче в Горках, побывал в колхозе под Дмитровом, на строительстве канала Волга-Москва, в Загорске, Ленинграде, Железногорске, Сочи, Гаграх, Тифлисе. Все вызывало у него восторг и восхищение масштабами строительства, грандиозностью и величием замысла. Возникли проблемы с работой, Устрилов долго не мог нигде устроиться. Оставив жену с детьми в Калуге у своей матери, он использовал старые «кавэжединские» связи для устройства на работу, в поиске жилья и т.д. Только в ноябре 1935 он договорился о чтении курса экономической географии в МИИТе во втором семестре, долго готовился к ним, с трудом осваивая новую для себя специальность, продираясь сквозь термины политической экономии, но, в конце концов, ему отказали – «чуждый элемент». Атмосфера «бдительности и недоверия», пустота и бессмысличество жизни, ощущение своей ненужности и чужеродности отравляли Устрилову жизнь. «Вся жизнь моя – какой сумбур! – написал он в дневнике 17 мая 1936. – Какая-то кривая в квадрате, в кубе... Кипение – и вот выкипаю, и что же осталось? Цитата из Ленина? Несколько сталинских цитат?»²³.

К тому же Устрилов плохо вписывался в советский быт. Он был чужд коммунистической аскезе, был большой эстет, любил все высокое и прекрасное, был религиозен (часто подчеркивал, что он – человек православный в смысле «бытового исповедничества»). Он не стал своим среди советских граждан, резко отличаясь чужеродным «старорежимным» видом. Его, элегантно одетого, с эспаньолкой, чистой русской речью, не засоренной советизмами, принимали за иностранца. Он был против нивелирования и обезличивания, за «цветущую сложность культуры», его волновали тайны жизни и бытия, – все это плохо вязалось с советской действительностью, которая пугала его упрощением всего и вся.

В СССР Устрилов почувствовал растерянность и невозможность писать: «Держался своими ереями. Нет их – и я съежился, превратился в лепешку. <...>

²³ Дневник. – С. 35.

Эх, пилить дрова, что ль?! Не в том ли глубокий смысл Соловков, БАМа и т.д.?»²⁴. Он на себе почувствовал советскую диктатуру миросозерцания, «идеологически спрятый воздух», которых так боялся, высоко ценя интеллектуальную независимость. Его статьи в «Известиях» и «Правде» были полны штампов и трескучих фраз, в которых трудно было узнать блестящий устряловский стиль²⁵. Незадолго перед арестом и расстрелом²⁶ Устрялов признавался в дневнике, что не понимает советской действительности, но убеждал себя: если кое-чего не понимаешь – надо поверить «в кредит».

Итог жизни Устрялова был трагичен. Но ужасен не сам факт гибели. Трагический финал, напротив, был абсолютно логичным итогом его биографии (агиографии): аскетизм, страдания, искупительная жертва. Возвратившись в Россию, он надеялся на чудо возрождения к новой жизни. Но чуда не случилось. Он не обрел, а потерял себя.

Устрялов вернулся в другую, чужую страну, сам чуждый ей, ненужный и даже враждебный. То, чего он больше всего боялся – оказаться на обочине истории, – случилось. У него было имя, он был хорошо известен в СССР и в эмиграции. Он был уверен, что сам «делал» свою биографию, и гордился ее уникальностью – бывший кадет, потом советский гражданин в эмиграции, добровольно вернувшийся в СССР. Но, начиная с 1930-х, Устрялов перестал замечать, что он уже не творец собственной истории и биографии, а пешка в сложной политической игре. Он – человек «сложной и цветущей культуры» – попытался встроиться в новую упрощенную советскую структуру. Попытка оказалась неудачной и очень поучительной. Возвращение Николая Устрялова в советскую Россию, которое он представлял как иррациональный и жертвенный поступок – «послужить костями» для строительства нового общества, – оказалось никому не нужным. Его идеями воспользовались для окончательного оформления тоталитаризма, а его «кости» послужили для укрепления фундамента сталинского режима.

²⁴ Дневник. – С. 14.

²⁵ См., например: Устрялов Н.В. Самопознание социализма // Известия. – 1936. – 18 декабря; Устрялов Н.В. Документ мирового резонанса // Правда. – 1936. – 15 июня.

²⁶ Н.В. Устрялов был арестован 6 июля 1937. Ему было предъявлено обвинение по ст. 58 УК РСФСР (пп. 1а, 8, 10, 11). 14 сентября 1937 он был расстрелян, прах его покоятся на кладбище Донского монастыря в Москве.

Оксана Снытко

Комплектование Государственного архива Новгородской области документами личного происхождения: итоги и перспективы

Оксана Васильевна СНЫТКО

заместитель директора
по научной и методической работе
Государственного областного
учреждения «Государственный архив
Новгородской области»
(Великий Новгород)

В 2010 на сайте «Архивы Новгородской области» – официальном сайте архивной службы региона в формате pdf был размещен подготовленный новгородскими архивистами межархивный справочник «Документы личного происхождения в государственных и муниципальных архивах Новгородской области. Аннотированный перечень фондов и коллекций»¹ (далее – межархивный справочник). Появление нового межархивного справочника является важным событием в жизни архивной службы региона, позволяет подвести некоторые итоги многолетней работы новгородских архивистов по формированию собрания личных архивов новгородцев – неотъемлемой части архивного фонда области, наметить дальнейшие перспективы этой важной работы.

Документы личного происхождения, входящие в состав архивных фон-

gougano@yandex.ru

¹ http://novarchiv.org/images/novarchiv/nsa/priv_fond.pdf

дов (личных, семейных, родовых) и архивных коллекций являются важнейшими источниками изучения и составления научных биографий. Только располагая суммой научных биографий новгородцев, живших в различные исторические периоды и принадлежавших к разным социальным слоям общества, возможно получить полное представление об историческим прошлом древней Новгородской земли.

В подготовке межархивного справочника приняли участие сотрудники двух государственных архивов – Государственного архива Новгородской области (ГАНО) и Государственного архива новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО)², а также девятнадцати (из имеющихся двадцати двух) муниципальных архивов области. Всего в справочник вошли сведения о 124 фондах, содержащих документы личного происхождения по состоянию на 1 мая 2010. В состав описательной статьи справочника вошли название фонда, справочные сведения (номер фонда, его объем, крайние даты документов), подробные аннотации состава и содержания документов фонда.

Большинство фондов, из числа представленных в справочнике, относятся к периоду после 1917 (советскому и постсоветскому периодам). В составе этих ста десяти фондов отложились документы людей разных социальных групп и профессий: народных депутатов РСФСР, депутатов Государственной Думы, партийных работников, общественных деятелей, руководителей предприятий, директоров совхозов, председателей колхозов, юристов, учителей, директоров школ, преподавателей средних профессиональных учебных заведений, врачей, ученых, писателей, поэтов, литератороведов, журналистов, архитекторов, музейных работников, священнослужителей Русской Православной Церкви, ветеранов Великой Отечественной войны и участников военных конфликтов, и др.

Муниципальные архивы Новгородской области представили на страницах справочника 38 фондов³. В собрании ГАНИНО находится 18 фондов личного происхождения. ГАНО, старейшее⁴ и крупнейшее архивное учреждение региона, участвуя в подготовке межархивного справочника, подтвердил свою ведущую роль в деле собирания личных архивов новгородцев.

² Создан 12 декабря 1991 на базе партийного архива Новгородского обкома КПСС. См.: Государственный архив новейшей истории Новгородской области: Путеводитель / Сост. Е. А. Веселова, Т. М. Воронина, П. Р. Думин и др. – Великий Новгород, 2009. – С. 9.

³ На один муниципальный архив приходится от одного до шести фондов личного происхождения. Шесть таких фондов хранит архивный отдел администрации Боровичского муниципального района, пять – архивный сектор администрации Валдайского муниципального района, четыре – архивный отдел администрации Демянского муниципального района.

⁴ Создан 24 июня 1919 как Новгородский губернский архив (губархив). См.: Чуйкова Т.Б. «Хранить на память для истории...»: Государственному архиву Новгородской области 80 лет // Новгородский архивный вестник. Научно-публикационное издание архивного управления Новгородской области. – № 1. – Великий Новгород, 1999. – С. 6 (далее – Чуйкова, с указ. страницы).

В настоящее время на хранении в ГАНО находится 68 фондов документов личного происхождения объемом 4904 единицы хранения (ед. хр.). Это единственный архив области, в котором имеются документы личного происхождения периода до 1917 года – 14 фондов объемом 1085 ед. хр. начиная с середины XVII в.⁵. Собрание документов личного происхождения ГАНО периода после 1917 включает в себя, соответственно, 54 архивных фонда объемом 3819 ед. хр. созданных по 2010 включительно⁶. В общем объеме документов, хранящихся в ГАНО (это и управленческая документация, фотодокументы, – всего 1 млн. 319 тыс. 713 дел), документы личного происхождения составляют 0,4%. В практике российских архивов документы личного происхождения рассматриваются как комплекс источников, дополняющий информацию, содержащуюся в фондах учреждений, в официальных документах.

Деятельность российских архивистов по собиранию документов личного происхождения всегда была связана с общественно-политической ситуацией в нашей стране. В 1920-е, в период утверждения государственной собственности на частновладельческие архивы, сотрудники архива (в тот период – Новгородского губернского архивного бюро) занимались обследованием усадебных архивов и библиотек, принимали меры по их охране, национализации, передаче в центральные архивохранилища Москвы, Петрограда (Ленинграда), включению в состав губернского архивного фонда⁷. Конкретные обстоятельства подобных изъятий и перемещений в центральные архивные учреждения (количество утрат документов, в частности) еще предстоит установить⁸.

В обзоре фондов ГАНО, опубликованном в журнале «Вопросы истории» в 1952, его автор Г.П. Андреев упоминает только один фонд личного происхождения – фонд Грузинской вотчины графа А.А. Аракчеева как источник сведений по организации военных поселений в Новгородской губернии⁹. Основу фонда составляло собрание документов, находившееся у новгородских краеведов и коллекционеров В.С. и В.В. Передольских,

⁵ В фондах личного происхождения ГАНО периода до 1917 отложились документы до 1933 включительно.

⁶ В составе фондов личного происхождения ГАНО периода после 1917 имеются документы начиная с 1821.

⁷ Чуйкова. – С. 7-10.

⁸ В фонде помещиков Дириных (фонд № 771) ГАНО, например, имеется описание документов их семейного архива, изъятых из имения Кокшино Моловицкой волости Демянского уезда Новгородской губернии в 1924. Судьба этого документального комплекса еще ждет своего исследователя.

⁹ Вопросы истории. – 1952. – № 10. – С. 141.

которое было национализировано и поступило в Новгородское губернское архивное бюро еще в 1925¹⁰.

Документы остальных фондов личного происхождения периода до 1917 года поступали на хранение в ГАНО позднее, в 1952–1958¹¹, из Центрального архива древних актов СССР, Центрального исторического архива СССР, Центрального государственного литературного архива СССР, Государственного архива Ленинградской области, Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области, Государственного архива Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Это фонды новгородских помещиков Дириных, Мусиных-Пушкиных, Обольяниновых, Пузино, Храповицких, А.Г. Лутовинова, А.А. Путилова, А.П. Рыкачева, фонды исправника г. Старая Русса П.И. Новикова, лесопромышленников Бередниковых, архивариуса Новгородской духовной консистории М.И. Никольского, семейный фонд новгородских краеведов В.С. и В.В. Передольских.

Первый фонд личного происхождения периода после 1917 года поступил в ГАНО в 1964. Это был личный фонд актера и режиссера Б.Ф. Красовского (псевдоним – Ришар)¹². Документы были получены непосредственно от их владельца. Однако передача документов была оформлена только актом приема-передачи. Подобная практика сохранялась и в дальнейшем, в соответствии с существовавшими в советское время представлениями о личной собственности граждан и идеологической установкой на ее постепенное отмирание. Только в конце 1990-х – начале 2000-х в практику работы ГАНО входит заключение договоров дарения с владельцами личных архивов. Это происходило в русле возрождения института частной собственности в нашей стране, отражало существенные сдвиги в правосознании граждан, в том числе и архивистов.

Собрание документов личного происхождения ГАНО периода после 1917 года включает в себя в настоящее время документы участников и ветеранов Великой Отечественной войны, общественных деятелей, Героев Социалистического Труда, руководителей предприятий Новгородской области, передовиков и ударников производства, ученых, музейных,

¹⁰ В 1933–1934 документы аракчеевского архива поступали на государственное хранение также от Новгородского районного земельного отдела и от некоего гражданина А. Арефьева. В 1929 в Центральный архив РСФСР в Москву из Новгорода было передано три дела Грузинского собрания. В настоящее время в составе фонда ГАНО № 581 «Грузинская вотчина графа А.А. Аракчеева» имеется 13 дел за 1787–[1927]. См.: ГАНО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 3. Л. 65, Д. 12. Л. 18–18об.; Ф. Р-1280. Оп. 2. Д. 43. Л. 29–31; Д. 48; Д. 146. Л. 26–27; Дело фонда № 581 (учетный документ). Л. 1-1об.

¹¹ Объем поступлений в 2001, 2007–2008 документов личного происхождения периода до 1917 года в ГАНО составил всего 3 единицы хранения. Документы передавались из научно-справочной библиотеки ГАНО, архива Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого и от частного лица.

¹² Фонд ГАНО № Р-4042.

архивных, библиотечных работников, краеведов, писателей, поэтов, журналистов, актеров, художников.

Является ли это собрание комплексом исторических источников, позволяющих проводить всестороннее и объективное изучение истории Новгородчины в XX в. через призму человеческих судеб? Мы не можем положительно ответить на этот вопрос. Во-первых, привилегии иметь личные архивные фонды в региональном государственном архиве удостоилось незначительное меньшинство населения области. Во-вторых, документы из личных архивов при передаче в государственное хранилище неизбежно проходили через идеологическое «сито». В-третьих, при отборе документов личного происхождения на хранение жестко применялся критерий социальной значимости человека.

В некоторых открытых в ГАНО личных архивных фондах преобладают личные документы (производственные характеристики, трудовые книжки, почетные грамоты, удостоверения к наградам, партийные, профсоюзные билеты, различные удостоверения и справки), поздравительные адреса и открытки и т.п., подтверждающие заслуги фондообразователя перед государством и обществом. Подобный состав документов характерен, например, для личных фондов председателя колхоза «Искра» Новгородского района, Героя Социалистического Труда Н.М. Андрианова¹³, бригадира колхоза «Верный путь» Батецкого района, депутата Верховного Совета СССР Г.И. Лукиной¹⁴, ветерана труда, кавалера Ордена Ленина В.П. Семеновой¹⁵; а также для объединенного архивного фонда руководителей предприятий, организаций и учреждений Новгородской области¹⁶, архивной коллекции документов и фотографий участников революционного движения, Гражданской войны и социалистического строительства¹⁷.

Позволяют ли все же фонды личного происхождения ГАНО создавать жизнеописания новгородцев прошлого столетия, показывая неповторимую человеческую судьбу и индивидуальность? В отдельных немногочисленных случаях, – да, позволяют. Это стало возможно благодаря перестройке работы с документами личного происхождения в ГАНО в 1990-е, когда сотрудники архива стремились собрать максимально полный комплекс документов о каждом фондообразователе, всесторонне характеризующий личность. Наличие многочисленных документов творческой деятельности (рукописей), личной переписки, документов о фондообразователях (статей о них, ре-

¹³Фонд ГАНО № Р-4522.

¹⁴ То же № Р-4436.

¹⁵ То же № Р-4590.

¹⁶ То же № Р-4586.

¹⁷ То же № Р-4282.

цензий на их произведения), документов, собранных фондобразователями по интересующим их темам, изобразительных документов характерно, например, для семейных фондов новгородских художников Д.В. Журавлева и Л.П. Новиковой¹⁸, актеров Л.М. Коликовской и Н.И. Пестова¹⁹, личных фондов литературоведа В.М. Кошелева²⁰, художника-реставратора В.И. Потекина²¹, журналиста И.Д. Савиновой²², и др.

С 1 июля 2005 комплектование ГАНО было прекращено из-за недостатка площадей для размещения документов. Он был переименован в Государственный исторический архив Новгородской области (ГИАНО)²³, в структуре которого подразделения и специалисты, занимавшиеся вопросами комплектования, предусмотрены не были²⁴. Однако «поставить точку» в комплектовании архива документами личного происхождения в 2005 не удалось. Продолжают жить, работать и творить ветераны Великой Отечественной войны, новгородцы, внесшие существенный вклад в развитие региона в 1950-е – 1980-е (в послевоенное восстановление области, в создание современных отраслей промышленности, в реставрацию памятников средневековой архитектуры и искусства и т.п.). Сотрудники ГАНО (на тот момент ГИАНО) в 2005–2007 продолжали принимать документы личного происхождения как от граждан, чьи личные фонды были открыты в архиве еще в 1990-е, так и от вновь обратившихся в архив по поводу передачи на хранение личных архивов – своих или родственников. Проведение экспертизы ценности принятых документов, постановка их на государственный учет, научное описание и введение в научный оборот стали возможны только после проведения очередной реорганизации архива²⁵ и создания в его структуре сектора комплектования.

Действуя на основании Устава архива, новая редакция которого зарегистрирована в 2009, сотрудники ГАНО видят свою важнейшую задачу

¹⁸Фонд ГАНО № Р-4591.

¹⁹То же № Р-4237.

²⁰То же № Р-4587.

²¹То же № Р-4593.

²²То же № Р-4496.

²³Особенностью ГИАНО как исторического архива является хранение не только документов по истории Новгородской земли дореволюционного периода, но и советской эпохи (за исключением фондов органов и учреждений КПСС, ВЛКСМ, Пионерской организации им. В.И. Ленина).

²⁴Все организации-источники комплектования ГАНО, в том числе негосударственные, были переданы ГАНИНО.

²⁵В феврале 2008 в результате слияния ГИАНО с Государственным архивом социально-правовой документации (ГАСПДНО) было создано государственное областное учреждение «Государственный архив Новгородской области» (ГАНО), которому были переданы функции комплектования документов по личному составу ликвидированных и реорганизованных (без правопреемника) организаций. После реорганизации 2008 года ГАНО является одновременно областным историческим архивом и областным архивом документов по личному составу.

в созиании личных архивов новгородцев, неотъемлемой частью биографии которых является стремительно отдаляющаяся от нас советская эпоха. В настоящее время в списке лиц – источников комплектования ГАНО документами личного происхождения числится тринадцать человек. Двое из них включены в этот список в течение 2009–2010. Это А.В. Иванова, вдова новгородского художника Э.Н. Иванова (1939–2008), и Л.А. Попова, дочь художника из г. Боровичи Новгородской области А.И. Попова (1913 – 2001). Представляется вполне реальным в дальнейшем открывать ежегодно в ГАНО один-два новых фонда личного происхождения, стремясь к расширению перечня социальных и профессиональных групп, представленных в архиве.

Существует ряд объективных обстоятельств, не позволяющих ГАНО проводить работу по созианию личных архивов жителей Великого Новгорода и Новгородской области более масштабно. Это перегруженность архивохранилищ, ограниченные кадровые возможности, отсутствие денежных средств для приобретения документов личного происхождения на возмездной основе. Из-за отсутствия денежных средств, в частности, не удается начать переговоры о приобретении уникальной коллекции фотографических документов новгородского фотографа А.А. Кочевника. Существенным моментом в организации работы ГАНО по комплектованию документами личного происхождения является обязательный учет аналогичной деятельности второго государственного архивного учреждения – ГАНИО, комплектующегося регионального архива.

В перспективе в ГАНО могло бы быть продолжено созиание документов личного происхождения, исходящих не только от «выдающихся», «видных», «известных» и «знаменитых» новгородцев, но и от « рядовых», «простых людей». Речь идет о продолжении формирования архивной коллекции «XX век глазами новгородцев», образованной в ГАНО в 1997²⁶. В настоящее время в трех разделах этой коллекции «Народное образование», «Культура» и «Спорт» отложились документы о военно-патриотическом воспитании школьников, организации «Поста № 1» у мемориала «Огонь вечной славы» в Новгороде (1967–1991), о самодеятельном драматическом кружке Новгородского городского Дома культуры (1939–1940), о Новгородской городской хоровой капелле областного Дома народного творчества (1959–1967), о Новгородском клубе любителей бега «Кентавр» (1980–1982) и некоторых других сторонах повседневной жизни рядовых новгородцев. Эти документы были получены архивистами непосредственно от граждан, а также из музея «Ностальгия» редакции газеты «Новгородские ведомости».

Продолжая работу по созианию документов для архивной коллекции «XX век глазами новгородцев», новгородские архивисты могли бы изучить

²⁶Фонд ГАНО № Р-4578.

опыт работы московского Центра документации «Народный архив», возобновить контакты с редакциями новгородских газет, обратиться к жителям области через средства массовой информации с предложением сотрудничества в деле сохранения документальных свидетельств о частной жизни новгородцев в советское время. Можно было бы поставить вопрос о проведении инициативного документирования в различных формах, создании источников устной истории минувшего столетия путем записи автобиографий, воспоминаний на основе специально разработанных анкет.

Благородная задача сохранения документальной памяти требует от новгородских архивистов активной деятельности, поиска новых форм работы, так как быстротекущее время уносит в небытие и людей, и созданные ими личные архивы.

Петр Мицнер

Пастырь коммунистической Польши. О дневнике примаса Польши Стефана Вышиньского

Петр МИЦНЕР

профессор Университета
им. Кардинала Стефана Вышиньского
(Варшава),
доктор литературоведения и
театроведения

Передо мною лежит толстый том, насчитывающий свыше семисот страниц. Это недавно изданные личные записи кардинала Стефана Вышиньского, примаса Польши, его дневник за 1948–1953 годы¹. Записи заканчиваются за несколько дней перед арестом, и у дневника есть продолжение в известных уже много лет «Тюремных записках» примаса о 1953–1956 годах.

Конечно, мне кое-что известно об его авторе, который на протяжении тридцати лет управлял Польской католической церковью, а, следовательно, наравне с коммунистами, – Польшей. Но, безусловно, он являл собой значительно более крупную фигуру, – потому что эпохи Беруга, Гомулки, Герека уходили, а примас продолжал действовать.

pmitzner55@gmail.com

¹ Stefan, kardynał Wyszyński. Pro memoria: zapiski z lat 1948–1949 i 1952–1953 / Opracowanie naukowe T. Ochniowski, P. Skibinński, J. Żurek. – Warszawa, 2007. – 734 p. (Кардинал Стефан Вышиньский. Pro memoria. Записки 1948–1949 и 1952–1953 годов / Науч. обр. Т. Охиновский, П. Скибинский, Я. Журек – Варшава, 2007; далее – Pro memoria, с указ. страницы.)

Я слышал его трижды в жизни, и так сложилось, что всегда это были значимые выступления. Впервые – в 1969 в Закопане, когда он произнес проповедь по случаю высадки людей на Луне, хваля человеческое стремление к познанию. Во второй раз – в середине 1970-х, когда он говорил о ситуации и исторической роли рабочего класса, таким способом эффективно отбирая аргументы у марксистов. Третье выступление, в августе 1980, представлялось пораженным, поскольку в нем он призывал к «спокойствию и рассудительности».

Кем он был, каким был?

По примеру моих студентов, я первым делом воспользовался поиском. Результаты оказались довольно плачевными, потому что все тексты, посвященные «примасу Тысячелетия», были выдержаны в ханжеской поэтике, а биографических фактов содержали очень немного. Можно бы задаться вопросом, возможно ли вообще, не впадая в стилистику житийных форм, написание биографии священнослужителя, и особенно иерарха (если только его судьба не сложилась как-то особенно драматично)? Сам Вышиньский пишет, что в епископе человек умирает. Поэтому временами складывается впечатление, что это дневник киборга, чей день заполнен одной только деятельностью (с 6 утра до 10 вечера). Я не нашел там ни единого упоминания о физической или психической усталости, никаких жалоб на состояние здоровья.

Именно здесь встает принципиальный вопрос, ответить на который можно лишь после углубленных сравнительных исследований: чем отличаются автобиографические тексты духовных и светских лиц и их жизнеописания. И если судьба (или история) берегет такого человека, дает ему жить так, как заповедал Господь Бог, то обладает ли он такой уж интересной биографией?

У примаса Вышиньского, несомненно, была интересная биография, об этом позаботились история и современники. Существуют многочисленные источники к его биографии, в которых он предстает прежде всего как человек публичный.

У нас в руках его дневник. Действительно ли это, как я сказал в самом начале, частные записи?

Примас считал, что оставляет их историкам, дабы те не ломали себе голову, как было на самом деле. То есть речь идет о фиксации фактов, особенно в драматический период столкновения Церкви со сталинизмом. Суть, однако, в том, что Вышиньский имел бы право сказать: «Церковь в Польше – это я». Разумеется, он так не говорил, его положение обязывало к сдержанности. Даже если в своем дневнике он употребляет формы *«pluralis maiestatis»* («множественного величества») с местоимением «мы» (произнесли проповедь, съели ужин и т. д.), но на деле, о чем свидетельствуют факты, боролся он в одиночестве, при некоторой поддержке самых близких сотрудников. И это одиночество примаса наводит на мысль, что его дневник представляет собой очень личное свидетельство.

Это одиночество шло прежде всего от того, что назначение свое Вышиньский получил от Папы Римского, можно сказать, вопреки ожиданиям польской

церковной иерархии. И эта иерархия после ареста отвернулась от него. Сохранилось письмо Вышиньского, относящееся к периоду заключения под арестом и адресованное его другу, писателю Ежи Завейскому. В нем примас рассуждает: «Христос назвал Иуду другом. “Друг, для чего ты пришел?” (Матфей, 26:50) – это не было риторическим оборотом. Это может быть указанием тем, кому в будущем выпадет оказаться лицом к лицу со “своим Иудой”. Нигде не написано, что воскресший Христос, вернувшись к своим, устроил в апостольских рядах то, что можно было бы назвать большой чисткой. Так делают “сыны мира сего” – быть может, из опасения за собственную шкуру. <...> Христос приветствовал своих учеников в Светлое Воскресенье словами: “Не бойтесь. Мир вам”. И в этом заключена еще большая Тайна, достойная Бога, более глубокая, нежели мы бы сумели распутать с помощью меча или пера, или же психоанализа...»².

Когда Папа Римский назначил его на пост примаса, Вышиньский был самым младшим членом Епископата (ему было 48 лет) и епископом он был всего лишь два года. Кто знал, что он был автором работ о коммунизме, что интересовался профсоюзами? Дружба связывала его с сообществом Лясков³, а значит, с современным католицизмом, открытым и толерантным. Кто об этом знал? Вероятно, в Ватикане об этом было известно, поэтому и сочли его надлежащим кандидатом в трудные времена.

Из дневника видно, что Вышиньский был хорошо организован и нечеловечески трудолюбив, он был хорошим управляющим той многосложной институции, какой является Церковь. К тому же, в те времена Церковь еще подтачивалась коммунистическим режимом, у нее отбирали школы, больницы, здания. Ее позиции подрывали путем идеологических диверсий: с одной стороны, деятельностью общества PAX («Мир»)⁴, с другой – движения так называемых «ксендов-патриотов». Кроме того, служителей Церкви в те годы просто «выкорчевывали» – массовыми арестами и жесткими приговорами. Вышиньский не

² С Вышиньским – Е. Завейскому, около 25 марта 1956. Приводится по дневнику Е. Завейского (фрагменты опубл.: Odwile' '56 w dzienniku Jerzego Zawieyskiego // Karta. – 2010. – № 63).

³ Ляски – деревня в Мазовецком воеводстве, под Варшавой. Там расположен основанный в 1922 Центр реабилитации слепых, где под покровительством Общества опеки над слабовидящими трудятся руководящие им сестры-францисканки, а также Дом опеки для матерей-одиночек. В Лясках во время войны нес служение будущий примас С. Вышиньский, там бывали и писали свои произведения известные польские литераторы, в частности, Антони Слонимский, Ежи Завейский, Станислав Стомма, Марьян Брандис (все они похоронены на лесном кладбище при комплексе), Збигнев Херберт, Тадеуш Мазовецкий, ксендз Ян Твардовский, Адам Михник. В те годы Ляски были также важным центром сосредоточения католической интелигенции, а также местом, которое притягивало к себе людей, преследуемых коммунистическими властями. Здесь же находится общепризнанный евангелический центр – Дом Говения, который также содержит монахини-францисканки, здесь уже много лет устраиваются встречи для молодежи и взрослых, зрячих и слепых со всей Польши, их проводят известные духовные лица.

⁴ Общество PAX объединяло светских католических деятелей, принадлежавших когда-то, главным образом, к Национально-радикальному лагерю «Фаланга» и Национальной конфедерации – радикальным ультраправым организациям полуфашистского толка.

только успокаивает других, он сам – образец выдержанки, буквально навязывает себе спокойствие, ибо, как он пишет, поводырь должен сохранять равновесие.

Примас делал все возможное, чтобы церковная жизнь шла в нормальном русле: и обучение в семинариях, и регулярная работа в рамках литургического года; чтобы осуществлялся ремонт церковных зданий и строительство новых церквей. Кстати, именно в последнем случае возникали проблемы, поскольку разрешения на возведение новых храмов, разумеется, не давалось, а те, кто был полон решимости, строили «самоволки» в «стиле баракко» (определение Вышиньского). А ведь именно стиль живо его интересовал.

У Вышиньского был хороший вкус: он понимал архитектуру, квалифицированно высказывался о ней и сотрудничал со специалистами высочайшего класса. Советником по делам восстановления и реновации памятников был проф. Ян Захватович, а по новым проектам – Барбара Брукальска, авангардный архитектор с социалистическим урбанистически-общественным видением (она была связана до войны с Польской социалистической партией). Примас организовал для священнослужителей обязательные для посещения курсы эстетики и истории искусства. (Следует заметить, что курсов для ксендзов и монахов было устроено множество – кроме уже упомянутых, были еще и юридические, и библиотечные. Примас проявлял большую заинтересованность в том, чтобы епископы обучались, и в рамках заседаний епископата читались доклады о новейшей западной богословско-философской литературе.)

У Вышиньского был также вполне определенный, консервативный взгляд на музыку в церкви, и он предостерегал от введения нового репертуара, особенно в небрежном, непрофессиональном исполнении; церковное пение, считал он, должно объединять людей, а не превращаться в показательные выступления вышколенного хора. Это убеждение он, наверное, унаследовал от отца, который служил органистом в маленьких сельских приходах.

Что касается литературы, то для нее Вышиньский устанавливал в основном практические цели – поднимать дух, оберегать мораль и нравственность. В дневнике, о котором здесь идет речь, это прописано еще не столь отчетливо, как это будет позже, после 1956. Здесь лишь можно убедиться, что он обладал литературным талантом – в описаниях, в умении схватывать детали. Экспериментов примас не принимал, кавычек не замечал. Зато большое внимание уделял чистоте польского языка. Дневник написан красивым польским слогом, прозрачным и довольно современным, а старосветские церковные обороты (вроде «дети мои», «мы отведали вечерю», «мы возгласили проповедь») относительно редки. Встречаются фрагменты качественной описательной прозы, когда примас повествует о местах, которые посещал, рассказывает о пейзаже или о погоде.

Чувство юмора, несколько язвительное, у него присутствовало. Об этом свидетельствует немало записей. Позволю себе процитировать одну, весьма характерную: «Я принял отца Матусевича, бенедиктинца из Тынца, который считает

себя знатоком “харизматиков”, занимается ими и просит уделять им больше внимания. Мой собеседник – человек нервно больной; занятия больного человека людьми больными создают серьезную опасность. Я распорядился, чтобы отец Матусевич возвращался в монастырь и держался своего молитвенника»⁵.

Не могу не поведать об одном анекдотическом эпизоде 1978 года. Как-то в Ватикане журналист обратился к Вышиньскому с просьбой охарактеризовать нового Папу Римского, Иоанна Павла II. Ответ был кратким: «Наверняка верующий».

Как читатель, я задаю себе вопрос: «Касается ли дневник вопросов веры?». Религии, обрядов – да. Но насчет веры – не убежден. Мы не найдем здесь описания религиозных переживаний. Возможно, это было для Вышиньского очевидным, не требовало разбирательства. Да и вопросы Божественного тоже излагаются крайне сдержанно, и явно ощущается дистанцирование от мартирологически-мессианской романтической традиции, раздаются даже предостережения перед «страдальчеством». И писал он это, когда на самом деле было опасно.

Итак, Вышинский не признается в романтизме, предлагая модель поляка католика-позитивиста. Выбирает очень сложную стратегию – упорной настойчивости с возможностью заключения компромиссов. Когда государство нарушало договоренности, – он писал в послании правительству: «Мы не позволяем»⁶. Понятно, что примас обладал огромным политическим чутьем и на жест столь решительного возражения решился примерно через два месяца после смерти Сталина, ощущая с Востока приближение оттепели, о чем упоминает в дневнике.

Здесь мне хотелось бы процитировать запись, сделанную в дни похорон советского вождя: «Правительство выступило с прошением привести в действие церковные колокола во время похорон маршала Сталина. Это прошение на местах выглядело приказом. Мы заняли позицию – не мешать. В конечном итоге, это служит доказательством, что даже маршалу Сталину нужны какие-то атрибуты церковной жизни, хотя бы в момент похорон»⁷.

Вышинский принимает участие в политической игре и при этом не считает коммунистов дьяволами. Пытается среди них распознать тех, кто «хотят Польше добра». Не отрицает послевоенных достижений: восстановления, индустриализации. Склоняет крестьян не отказываться от обработки земли, ибо таков Божественный закон. И способен для блага дела повелеть священнослужителям не поддерживать контакты с подпольем.

⁵ Pro memoria. – С. 449.

⁶ Имеется в виду послание «Non possumus», которое 8 мая 1953 польский епископат во главе с Вышинским направил председателю Совета министров Польши Б. Беруту, – протест против вмешательства властей во внутренние дела католической Церкви и попыток государственного контроля за назначением на церковные должности. – Прим. ред.

⁷ Pro memoria. – С. 456.

Редакторам католических изданий он советует влиять на сознание читателей, стараясь изгнать ненависть, которая в период возрождения свободы (это пишется в 1952!) может обратиться в грозную силу.

Вышиньский смотрит далеко вперед. В 1952 он планирует празднование 1000-летия крещения Польши, которое состоялось тринацать лет спустя. Он видит Польшу без коммунистов у власти – ту, что возникла после 1989. И все это потому, что он является иерархом институции, существующей две тысячи лет, но также и по причине личного упорства и прозорливости.

Вышиньский перерастает традиционную польскую Церковь и одновременно является преемником ее установок, наследуя довольно упрощенное благочестие, которое сочетается с полоноцентризмом и со всем тем, что из него вытекает: неприязнь к другим христианским конфессиям и неким «устранинением» других народов из поля зрения. Если на страницах дневника и встречаются евреи (пожалуй, лишь два раза), то как люди, завладевшие идеологическим сектором. При этом, будучи связан с сообществом в Лясках, примас поддерживал хорошие отношения с монахинями, многие из которых имели еврейское происхождение. Ни словом не вспоминает он также об украинцах, переселенных на западные земли Польши. Россия упоминается только для проведения аналогии между царской и коммунистической системами. (Хотя известно, что позже примас заинтересованно присматривался к диссидентскому движению в СССР и к русской эмиграции.)

Наиболее любопытен в дневнике немецкий вопрос. Невзирая на неоднократно упоминаемую неприязнь к немцам, невзирая на свои усилия по дерорманизации Силезии, Вышиньский уже в 1952 публично выступил с предложением о польско-немецком примирении, следствием чего, как известно, явилось возвзвание 1965 года польских епископов к немецким, откуда исходит знаменитая фраза: «прощаем и просим о прощении».

Дневник Вышиньского представляет собой превосходный источник для понимания послевоенной истории Польши – той Польши, которую мы не найдем в дневниках светских интеллектуалов. Рассказывая сегодня на конференции об этом уникальном документе, я одновременно задаю себе вопрос: что он собой являет, этот дневник? Дает ли он лишь возможность ознакомиться с системой взглядов автора, который сам остается скрытым? Или, быть может, такого рода документ – это еще и автобиографическое свидетельство? Я рассчитываю на то, что над ответом мы задумаемся вместе.

Никита Кузнецов

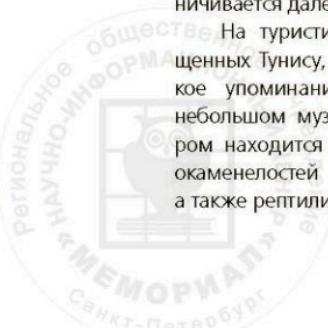
Моряк в пустыне. Крутой поворот эмигрантской биографии лейтенанта В.А. Шумовича

Никита Анатольевич КУЗНЕЦОВ

Дом Русского Зарубежья
им. А.И. Солженицына (Москва),
старший научный сотрудник

Сегодня, когда изучение истории Русского Зарубежья, в том числе его военной составляющей, ведется достаточно активно, у любого мало-мальски интересующегося данной проблемой человека при упоминании североафриканского государства (бывшей французской колонии) Тунис, в первую очередь, возникнут ассоциации с городом-портом Бизертой, ставшим последним приютом для кораблей Черноморского флота и тысяч наших соотечественников (значительную часть которых составляли военные моряки). Но история русской эмиграции в Тунисе (в том числе и ее страниц, связанных с жизнью представителей флота, оставшихся в Северной Африке после ликвидации эскадры в 1924) географически ограничивается далеко не только Бизертой. На туристических сайтах, посвященных Тунису, можно встретить краткое упоминание об «оригинальном небольшом музее Шумовича, в котором находится прекрасная коллекция окаменелостей из ущелья Сельджа, а также раковин, птичьих яиц и бабо-

nikita-k1978@yandex.ru

чек». Этот музей находится в городе Метлауи (в провинции Гафса, расположенной в пустыне на юго-западе Туниса, основном фосфатодобывающем регионе страны). Казалось бы, какую связь имеют пустыни, окаменелости, бабочки и рептилии с историей Российского флота? Как выясняется – самую прямую. Этот музей создал русский моряк-эмигрант В.А. Шумович, о судьбе которого мы хотим рассказать.

Владимир Антонович Шумович родился 27 апреля 1897 в Москве в семье коллежского асессора Антона Вандалиновича Шумовича и Екатерины Андреевны Шумович¹. В статье, посвященной памяти В.А. Шумовича, написанной его другом Н.Ф. Федоровым в эмиграции², об отце нашего героя сказано, что он был «генералом для особых поручений при Московском генерал-губернаторе» и внучатым племянником генерала Фабра, «который принужден был бежать из Франции от революции 1793 года»³. Федоров также упоминает о том, что А.В. Шумович «в первые дни революции был расстрелян вместе с двумя сыновьями»⁴. Знакомство с подлинными документами позволяет уточнить информацию о происхождении В.А. Шумовича. Его отец – А.В. Шумович (27.11.1865 – ?) происходил из потомственных дворян. В 1883 окончил 1-е Павловское военное училище и был выпущен подпоручиком в Санкт-Петербургский гренадерский полк. 11 ноября 1888 А.В. Шумович был уволен в запас армейской пехоты, а 30 декабря того же года утвержден в должности помощника пристава Рижской городской полиции. Спустя пять лет, 20 июня 1893, его перевели на должность участкового пристава Московской полиции. В Москве и продолжалась его дальнейшая служба вплоть до 1917 (с перерывом на участие в Русско-японской войне, когда он был переведен в состав действующей армии). После окончания войны Шумович-старший был возвращен в прежний чин штабс-капитана с зачислением по Московской полиции (27 мая 1906)⁵. В адресных книгах «Вся Москва», выпущенных в 1914 и 1917, указано, что А.В. Шумович был полицейским приставом 1-го участка Арбатской части. Приведен там и его домашний адрес: Столовый переулок, дом 7, «Полицейский дом»⁶.

¹ Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 432. Оп. 7. Д. 3362. Л. 6.

² Федоров Н.Ф. В.А. Шумович – натуралист, археолог и исследователь Сахары // Морские записки. – 1965. – № 1 (далее – Федоров, с указ. страницы).

³ Возможно, речь идет об Александре Яковлевиче Фабре (1782 – после 1833) – российском генерал-майоре Корпуса инженеров путей сообщения. Он родился во Франции в семье врача Якова Фабра. Во время Великой французской революции лишился отца. Высочайшим указом от 18 июля 1810 был принят в русскую службу, в Корпус инженеров путей сообщения, с чином подполковника. В 1815 вступил в русское подданство.

⁴ Федоров. – С. 101.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 7. Д. 3362. Л. 11-17.

⁶ См.. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1914 год. – М., 1914. – Разд. паг. – С. 755; Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 год. – М., 1917. – Разд. паг. – С. 556.

В отличие от своего мужа, происходившего из дворян и занимавшего довольно высокое положение на государственной службе, мать В.А. Шумовича – Екатерина Андреевна была крестьянкой Московской губернии. Владимир был вторым ребенком в семье, помимо него у четы Шумовичей были три сына и одна дочь: Николай (25 ноября 1895 – 16 сентября 1938), Борис (родился 2 мая 1898), Антоний (родился 1 апреля 1901), Екатерина (родилась 22 декабря 1899).

Автору неизвестно, как именно сложилась судьба родственников В.А. Шумовича, за исключением его старшего брата, Н.А. Шумовича. Николай Антонович Шумович, став офицером, в отличие от Владимира, в период «русской смуты» оказался под знаменами Красной армии. Что именно подвигло его на этот шаг – неизвестно. Н.А. Шумович в 1912 окончил 7 классов 3-го Московского кадетского корпуса. В 1914 – Александровское военное училище. 12 июля 1914 был произведен в подпоручики. Последний чин в Российской армии – капитан, начальник штаба 4-й пехотной дивизии. Во время Первой мировой войны был дважды ранен. 4 августа 1918 вступил добровольцем на службу в РККА. Участвовал в Гражданской войне на Западном фронте, занимая командные должности в РККА. В 1926 окончил Военную академию РККА им. Фрунзе. В октябре 1927 – январе 1930 служил помощником начальника штаба 3-го стрелкового корпуса. 15 января 1930 назначен начальником 5-го отдела штаба Белорусского военного округа. В 1931–1937 – начальник отдела боевой подготовки Белорусского военного округа. Во второй половине 1930-х Н.А. Шумович служил инструктором штаба Монгольской народно-революционной армии, был преподавателем военных дисциплин Московского государственного педагогического института. Последнее звание в РККА – полковник. 3 марта 1938 Н.А. Шумович был арестован. 16 сентября 1938 Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к расстрелу по обвинению в участии в «контрреволюционной террористической организации и военном заговоре в РККА». В тот же день приговор был приведен в исполнение. Н.А. Шумович был похоронен на «расстрельном полигоне» НКВД Коммунарка (ныне – мемориальное кладбище) вместе с тысячами других безвинных жертв преступного сталинского режима. Практически ровно через 18 лет после гибели Николай Антонович Шумович был реабилитирован той же Верховной коллегией Верховного Суда. Это произошло 5 сентября 1956⁷.

Вернемся к биографии В.А. Шумовича. В 1907–1914 он учился в 3-м Московском Императора Александра II кадетском корпусе (там же, где прохо-

⁷ Сведения приводятся по: Российский государственный военный архив (РГВА). Учетно-послужная карточка № 312566. (NB: В учетно-послужной карточке указана дата рождения, отличающаяся от занесенной в послужной список отца, – 27 ноября 1895.) Жертвы политического террора в СССР // Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество "Мемориал"». URL: <http://lists.memo.ru/d37/1423.htm> (дата обращения: 02.08.2011).

дил обучение его старший брат). Сохранились достаточно подробные аттестации на кадета Владимира Шумовича, написанные в этот период его корпусными офицерами-воспитателями. Это уникальные биографические документы, благодаря которым мы можем увидеть, как формировались личность и характер будущего моряка и исследователя Сахары.

По итогам первого учебного года о Шумовиче было написано следующее: «Физическое развитие и здоровье слабые. К молитве относится с достойным вниманием. Довольно тихий и очень вялый мальчик. Сердечные чувства не проявились вполне. Со старшими почителен... Родителей любит. С товарищами живет хорошо. Правила корпуса и обязанности обычной жизни кадета исполняет невсегда внимательно. Способности к труду есть. Занимается самостоятельно. Домашние работы исполняет без усердия и крайне небрежно. На уроках сидит не всегда с должным вниманием. Часто бывает рассеян. Неопрятен и нечистоплотен. Привычка к порядку развита мало. Недостаточно бережлив. К правилам внешней благовоспитанности относится довольно внимательно. С порученными предметами обращается недостаточно бережливо»⁸.

В аналогичных документах более позднего времени отмечено, что кадет Владимир Шумович физически окреп, исчезли многие детские проблемы. В 1910–1912 дополнительно отмечены следующие факты: «Духовно развит нормально. <...> Очень любознательен... Способности хорошие. Мало внимателен. Ленится. Проявляет интерес к естествознанию. Любознательен. Удачно пишет стихи»⁹.

На наш взгляд, задатки ученого проявились у В.А. Шумовича еще в совсем молодые, кадетские годы (в частности, об этом свидетельствует упоминание о склонности к естествознанию, любознательности и любви к чтению). Немногочисленные сохранившиеся воспоминания о его последующей жизни подтверждают многие черты, отмеченные еще в кадетском корпусе.

Возможно, любознательность и тяга к романтике привели Владимира Шумовича к решению стать военным моряком. В 1914 товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов В.Ф. Джунковский писал директору Морского корпуса контр-адмиралу В.А. Карцеву: «Оканчивающий в текущем году 3-й Московский Императора Александра II-го кадетский корпус, сын капитана Владимира Шумович горячо желает посвятить свою жизнь служению в рядах доблестного Российского флота. Его мечта быть принятым в Морской корпус. В виду этого очень прошу Вас не отказать в его усердном о сем ходатайстве, с которым он обратится к Вам непосредственно»¹⁰. Высокий уровень, на котором решался вопрос о зачислении В.А. Шумовича в Морской корпус, свидетельствует о том, что его отец, скорее всего, был

⁸РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 7. Д. 3362. Л. 32.

⁹Там же. Л. 30об., 31.

¹⁰Там же. Л. 23.

не простым полицейским приставом, а человеком, действительно приближенным к руководству полиции и Москвы.

В.А. Шумович поступил в Морской корпус и в 1916 его окончил. 30 июля 1916 он был произведен в мичманы и 4 августа того же года зачислен в Черноморский флотский экипаж¹¹. В годы Первой мировой войны его служба проходила на линейном корабле «Евстафий» в должности вахтенного офицера и заведующего радиотелеграфом.

В период революционных событий 1917 года Черноморский флот, по сравнению с Балтийским, значительно дольше сохранял свою боеспособность. Связано это было с тем, что на Черном море боевые действия велись значительно активнее, нежели на других морских театрах. Но всеобщий развал, постигший Россию к концу 1917, не миновал и наиболее стойкие части ее вооруженных сил. Произошел раскол и среди флотских офицеров: кто-то поступил на службу в новообразованные флоты «свежесозданных» независимых государств, часть покинула Россию или устранилась от какого-либо участия в развернувшейся Гражданской войне.

В.А. Шумович принял участие в Белом движении в составе Черноморского флота. В статье, посвященной его памяти, отмечено: «до эвакуации [Крыма в ноябре 1920. – Н.К.] он одно время заведовал радиотелеграфом на транспорте “Кронштадт”, на катере [так в тексте, здесь и далее следует читать “транспорте”. – Н.К.] “Добыча” участвовал в десанте на Кубань и на том же катере попал в Константинополь и в Бизерту..»¹². В некрологе, опубликованном в «Бюллетене Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке», упоминается о том, что В.А. Шумович занимал должность флагманского радиотелеграфного офицера во 2-м отряде Черноморского флота, которым командовал капитан 2 ранга Н.Н. Машуков¹³. 28 марта 1920 мичман Шумович был произведен в лейтенанты¹⁴.

Вместе с другими офицерами и матросами Черноморского флота В.А. Шумович в ноябре 1920 покинул берега Крыма и в конечном итоге прибыл в Бизерту, где до 1924 существовала Русская эскадра. Некоторое время он занимал должность радиотелеграфного офицера канонерской лодки «Страж»¹⁵.

Правительство Франции, давшее приют русским кораблям и морякам, постоянно стремилось к сокращению численности личного состава эскадры,

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 24. Д. 252. Л. 1.

¹² Федоров. – С. 101.

¹³ Бюллетень Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке. – 1960. – № 2(92). – С. 37.

¹⁴ Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. – М.; Феодосия, 2001. – С. 151.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Именной каталог по истории Белого движения и эмиграции.

а также продавало русские корабли. Многие моряки в поисках лучшей доли были вынуждены искать работу в Тунисе или переезжать в другие страны. Не стал исключением и В.А. Шумович. Первоначально он работал на ферме, затем стал работать на электростанции города Рузы, которой заведовал лейтенант Г.Л. Бугаев. Тогда же Владимир Антонович женился на Татьяне Васильевне Сорокиной (1902–15.07.1934), кубанской казачке, выпускнице консерватории Екатеринодарского отделения Императорского Российского музыкального общества.

В 1924 В.А. Шумович как инженер-электрик и инструктор футбола (вот где неожиданно пригодилось его увлечение этим, тогда еще новым видом спорта, начавшееся еще в период обучения в 3-м Московском кадетском корпусе) и его супруга (по воспоминаниям современников, талантливая певица) были приглашены на службу компанией «Comptagnie des Phosphates et du chemin de fer de Gafsa» (дословный перевод – «Компания фосфатов и железной дороги в Гафса»)¹⁶. Чета Шумовичей жила и работала в городе Метлауи, где уже находились несколько моряков с Русской эскадры.

В 1926 Шумович вместе с супружкой перевелись для работы на другой рудник, расположенный в городке Мулярес, отличавшийся более благоприятными условиями для жизни. Владимир Антонович заведовал сушкой фосфатов и их отправкой на производство для дальнейшей переработки. Именно в этот период начались его изыскания в области естественной истории (сказалось еще одно увлечение кадетских лет). Об этом подробно написал в своей статье Н.Ф. Федоров:

Полная оторванность от всего Мира и однообразие жизни подтолкнули Шумовича на изучение природы, фауны и флоры этого края. Постепенно все более увлекаясь этим, он начал охотиться, потом выделять чучела и собирать насекомых, птичьи яйца и проч. Затем он заинтересовался ископаемыми окаменелостями – остатки доисторических эпох, – которых много в фосфатах.

На сотню километров вокруг, все, кто находили что-нибудь интересное, несли это к Шумовичу. Рабочие его «экипа» [от «équipe» (фр.) – команда. – Н.К.] и пастухи – кочевые арабы знали «русского Марабу» [святой (араб.). – Н.К.] и помогали ему. Шумович, как Плюшкин, все собирая, и вскоре его квартира была переполнена.

Около этого времени, после продолжительной и тяжкой болезни, скончалась его жена¹⁷, и, переживая свое горе, Шумович еще больше углубился в свои любимые занятия.

Скоро имя Шумовича и его «музея» сделались известны. Квартира его походила на зоологический сад: по полу ползали змеи, черепахи,

¹⁶ Федоров. – С. 102.

¹⁷ Т.В. Сорокина скончалась от рака печени (см.: Русская колония в Тунисе: Сб. / Сост. К.В. Махров. – М., 2008. – С. 382).

летали птицы – ворон и горлица; на висячей лампе обосновались хамелеоны, и повсюду носилась ручная, совершенно как кошка, лисичка пустыни – «Фенек».

Когда у него обедали гости – ученые, посетители музея, друзья, то подавался обед: на первое суп из черепахи или улиток, на второе – рыбное – хвост варана под майонезом, жаркое – гонди [разновидность фрикаделек. – Н.К.], крысы-тушканчики и на десерт поджаренная саранча или какой-нибудь другой деликатес...¹⁸

Дирекция компании, в которой работал В.А. Шумович, заинтересовалась его деятельностью и выделила специальное здание для создания музея и не-большого зоологического сада при нем¹⁹. Вскоре было организовано и «Общество друзей музея». Русский эмигрант, энтомолог А.К. Шнеур вспоминал:

Я посетил этот музей в мае 1937 года, уже тогда он представлял собою научную ценность. Он содержал около 360 чучел (по принятому в музеях способу – в целлофане), птиц южной Тунисии и Сахары с их гнездами и полным числом яиц.

Этого нет ни в одном из музеев в других странах. Затем все 19 видов змей того района в большом количестве экземпляров, причем одна из них носит его имя, т.к. он ее впервые нашел! Среди этих змей несколько кобр (Нажа) – двухметровых. Это украшение Юга Туниса!!

Десятки чучел грызунов, чем изобилует Сахара, ящерицы, черепахи, большая коллекция насекомых, масса остатков морских животных из fosсилов, каменное оружие доисторического человека и его черепа эпохи «Капсиен» (Неолит) и вымерших ныне животных, современников человека.²⁰

Богатой была и коллекция «живых экспонатов»: «В саду, в огромных ямах жили змеи, в больших клетках – птицы, местные жители: каньги, куропатки, дрофы, фламинго; животные – фенеки, газели, ящерицы варан, черепахи, большие и малые ящерицы, которых в пустыне было изобилие всяких разновидностей, еще достаточно не изученных»²¹.

В довоенный период завязалась переписка и обмен экспонатами между В.А. Шумовичем и учеными из разных стран. Музей получил всемирную известность²².

Активную и успешную деятельность прервала начавшаяся Вторая мировая война. В.А. Шумович был призван в ряды французской армии и служил началь-

¹⁸ Федоров. – С. 102–103.

¹⁹ Там же. – С. 103.

²⁰ Шнеур А. На Юге Туниса (Посвящается памяти В.А. Шумовича) // Согласие (С.-Франциско). – 1962. – № 135. – С. 16.

²¹ Федоров. – С. 103.

²² Там же.

ником наблюдательного пункта на мысе Рас-Димис²³. После демобилизации Шумович продолжал работу в компании по добыче фосфатов, но на другом руднике, расположенному в районе Радиефа. Во время войны Мулярес, где находился музей Шумовича, неоднократно переходил из рук в руки. В результате зоологический сад исчез, а музей находился в заброшенном состоянии.

В 1949 В.А. Шумович во второй раз вступил в брак. Его женой стала Екатерина Ивановна Гурилева-Жилинская (12.05.1901–06.09.1957)²⁴.

Работая в Радиефе, Шумович продолжал пополнять коллекции музея в Муляресе. В это время он получил звание официального переводчика с арабского языка²⁵. После выхода на пенсию В.А. Шумович стал работать в Сахарском отделе французского Национального научного центра в оазисе Бени-Аббес (современный Алжир). Он принял активное участие в создании музея, посвященного естественной истории Сахары, в состав которого вошла часть коллекции музея, основанного в Муляресе. При переезде на новое место жительства Шумович имел возможность взять с собой в самолет лишь одну тонну груза. Остальная часть его собрания, находящаяся в герметичных ящиках, осталась на попечении компании по добыче фосфатов²⁶.

В Бени-Аббесе продолжалась научная работа Шумовича, ставшего хранителем музея²⁷. В этот период он публиковал результаты своих изысканий в зарубежной научной периодике.

В последние три года жизни В.А. Шумович принимал участие в научных экспедициях в качестве археолога и натуралиста. Он занимался исследованиями района Бени-Униф, находящегося в низменной части западной Сахары (область Джух, охватывающая северо-восток современной Мавритании и северо-запад Мали), окрестностей современного алжирского города Регган и нагорья Ахаггар, расположенного на юге Алжира.

Незадолго до смерти В.А. Шумович сообщал в письме к одному из своих друзей: «За это время был за Регганом, ничего интересного и нового не нашел. Жарко, а ночью ничего не видно – метет песок каждую полуночь, а дневную жару мне трудно переносить. Я одичал, ни в какое общество не гожусь»²⁸.

Скончался Владимир Антонович Шумович за работой в музее в Бени-Аббес. В сборнике статей, посвященном судьбам русской эмиграции в Тунисе, местом кончины моряка-ученого указана станция по заправке самолетов

²³ Федоров. – С. 103.

²⁴ См.: Русская колония в Тунисе. – С. 382.

²⁵ Федоров. – С. 104.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

Bidon V²⁹. Могила Шумовича находится в районе Бени-Аббес, в пустыне, изучению которой он посвятил большую часть своей жизни.

Интересно и счастливо сложилась судьба его музея. По информации Федорова, после смерти Шумовича, «музей был перенесен из Муляреса в Метлауй по распоряжению Дирекции [фосфатной компании. – Н.К.] и там размещен. Теперь ему присвоено имя “Музей Шумовича”³⁰. Также Федоров отметил, что, покидая Тунис, Шумович обратился к представителям властей с предложением о безвозмездной передаче музея. Но так как в этот период страна только получила независимость (это произошло 20 марта 1956), то инициатива ученого пришлась не ко времени. Основу коллекций музея, существующего и сейчас в Метлауи, составляют экспонаты, оставленные Шумовичем при переезде в Алжир. Другая же часть коллекции, скорее всего, находится в музее в оазисе Бени-Аббес, который также сохранился до наших дней³¹.

Имена многих русских моряковувековечены названиями на географической карте. Памятником В.А. Шумовичу стало наименование подвида бабочки-белянки – *Euchloe falloui f. choumovitschi Chneour, 1935*. Эта бабочка была названа А.К. Шнеуром в честь своего друга.

Подводя итоги повествованию о необычной судьбе моряка-эмигранта, прожившего нелегкую жизнь и ставшего выдающимся ученым, хотелось бы отметить, что, покинув Россию и став гражданами других стран, представители Российского флота не только смогли сохранить его лучшие традиции и остаться такой же сплоченной социальной группой, какой они являлись до 1917. Некоторые же из них круто изменили свою судьбу и прославились в различных сферах деятельности, далеких от морского дела. Ярким примером этого является судьба Владимира Антоновича Шумовича.

Автор выражает благодарность за помощь в работе и предоставленные материалы А.Ю. Емелину (Санкт-Петербург), главному хранителю архива-библиотеки Российской фонда культуры (РФК, Москва) О.К. Земляковой, заведующему архивом-библиотекой РФК В.В. Леонидову, заведующему лабораторией энтомологии Зоологического института РАН С.Ю. Синеву (Санкт-Петербург), куратору коллекции беспозвоночных Зоологического музея Зоологического института РАН Н.В. Слепковой (Санкт-Петербург), И. Франкену (Сан-Франциско, США), Е.Э. Шергалину (Кармартен, Великобритания).

²⁹ См.: Русская колония в Тунисе. – С. 382.

³⁰ Федоров. – С. 105.

³¹ Готтшальк Г. Оазисы Сахары // Geo. – 2010. – № 11. – С. 120.

Леонид Обухов

Судьба польского инженера Иосифа Вечерека¹

Леонид Аркадьевич ОБУХОВ

Мемориальный центр истории
политических репрессий «Пермь-36»,
научный руководитель, кандидат
исторических наук

Иосиф Вечерек родился в 1879 в Польше, в Плонском уезде Варшавской губернии, в семье личного почетного гражданина, но вся его сознательная жизнь была связана с Россией, а точнее – с Уралом.

В 1884 семья переехала в Тулу, а затем в Пермскую губернию. Отец Иосифа – Павел Вечерек был близко знаком с владельцем Чермозского металлургического завода князем С.С. Абамелек-Лазаревым, который назначил его мастером одного из цехов. По совету хозяина завода Иосиф Вечерек поступил в Уральское горное училище в г. Екатеринбурге, которое успешно окончил в 1900. В том же году он был принят на Чермозский завод мастером мартеновского цеха и проработал в этой должности пять лет. В 1905, скопив определенную сумму (1600 руб.), с согласия руководства завода И. Вечерек выехал в Австрию в г. Леобен для продолжения

ObuhovLA@yandex.ru

¹Статья написана, в основном, по материалам архивно-следственного дела: Пермский государственный архив новейшей истории (далее – ПермГАНИ). Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8668.

учебы в Высшей горной школе. Владельцы завода поддерживали стремление молодого человека продолжить обучение и выплачивали ему ежегодную стипендию 400 руб. Окончив школу в 1909, И. Вечерек вернулся в Чермоз и занял должность заведующего мартеновским производством.

В 1911, по поручению С. С. Абамелек-Лазарева, он был командирован в Германию в г. Букау-Магдебург для заказа прокатного стана. Пребывание в Германии Иосиф использовал для знакомства с производством на ряде крупных металлургических заводов, в том числе на предприятиях Круппа, посетил с этой же целью Швецию.

И.П. Вечерек считал себя аполитичным человеком, тем не менее, он принимал определенное участие в общественной жизни. Так, в январе 1916 он вошел в комиссию по выборам рабочих Чермозского завода в Пермский военно-промышленный комитет. В июне 1917, при организации в горном округе профессионального союза служащих, был избран товарищем (заместителем) председателя правления².

В личной жизни также все складывалось благополучно: Иосиф женился на Нине Размахниной, дочери помощника управляющего Чермозским заводом П.Ф. Размахнина. В 1922 у них родилась дочь Янина.

В 1919, как и большинство инженерно-технических работников завода, И.П. Вечерек эвакуировался с белыми в Сибирь. Причины эвакуации на одном из допросов он объяснял страхом перед красными и приказом колчаковских властей об эвакуации. Он оказался в Иркутске, где устроился на небольшой завод, был арестован большевиками, но как специалист вскоре был возвращен на Чермозский завод. По данным ОГПУ, в декабре 1919 И.П. Вечерек в польском комиссариате г. Новониколаевска получил свидетельство гражданина Польского государства, куда и пытался выехать, но неудачно. Однако сам И.П. Вечерек этот факт отрицал.

После возвращения до 1925 он работал на Чермозском заводе – сначала заведующим прокатным цехом, затем техническим руководителем завода. В 1925 в Пермский оперсектор ОГПУ поступила анонимка, в которой сообщалось, что в период колчаковщины П.Ф. Размахнин и его зять И.П. Вечерек были главными авторитетами в Чермозе. В их доме находилось все белогвардейское руководство, они поддерживали тесные отношения с одним из активных карателей, помощником коменданта В. Соловаровым. По своим политическим взглядам, утверждал аноним, это убежденные кадеты. Когда они вернулись из Сибири, то занялись шпионажем в пользу Польши: собирали сведения о настроениях рабочих и крестьян, о деятельности заводов на Урале, о состоянии армии. Все донесения передавались польским агентам, но не бескорыстно, а за деньги. В анонимке, правда, не указывалось, кто же были эти польские

²Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 280. Оп. 1. Д. 2645. Л. 14; Д. 2694. Л. 57.

агенты и каким образом им передавались эти сведения. К счастью для И.П. Вечерека и его тестя, анонимка осталась без последствий, – возможно, потому, что Иосифа перевели техническим руководителем на Нытвенский металлургический завод, да и время еще было другое, карательные органы реагировали далеко не на каждую анонимку.

В 1928 И.П. Вечерека переводят на Нижнетагильский металлургический завод, заместителем технического руководителя, а уже через год он технический руководитель Нижнесергинского металлургического завода.

В 1930 в печати появилось сообщение о раскрытии в СССР так называемой «Промышленной партии», крупной вредительской организации, в которую входили представители старой технической интеллигенции. ОГПУ занялось «выявлением» региональных центров Промпартии. В результате экономическим управлением полномочного представительства ОГПУ на Урале был раскрыт «областной центр контрреволюционных организаций специалистов, руководивший вредительской и диверсионной работой в ряде отраслей хозяйства на Урале»³. «Уральский инженерный центр» был якобы связан с Центральным комитетом Промпартии и действовал по указаниям «Московского инженерного центра». Параллельно с «Уральским инженерным центром» фабриковались отраслевые вредительские организации, которые возглавляли техрукки трестов и главные инженеры.

8 августа 1931 решением Коллегии ОГПУ по делу «Уральского центра» были осуждены 18 из 19 арестованных специалистов на сроки от 5 до 10 лет⁴. Но поиски вредителей на этом не закончились. В августе 1931 И.П. Вечерек был арестован Нижнетагильским оперсектором ОГПУ по обвинению в принадлежности к контрреволюционной вредительской организации инженеров Урала. По заданию этой организации он якобы проводил вредительскую работу на Нытвенском, Нижнесергинском и Нижнетагильском заводах. Под давлением следствия И.П. Вечерек признался, что в организацию был завербован в 1928 одним из руководителей вредительской организации в черной металлургии Урала – техруком «Уралмета» Н.В. Каракашвили. Также признался, что был знаком с руководителями «Уральского центра» Г.С. Дунаевым и М.А. Солововым, членами президиума Уральского совнархоза; В.П. Крапивиным, главным инженером «Уралгипримзэ», и другими видными инженерами Урала. Впоследствии, на допросах в 1938, И.П. Вечерек заявил, что показания 1931 года не соответствуют действительности, «ни о какой вредительской организации я ничего не знал и не знаю». К одному из протоколов допросов он сделал

³ Терехов В.С. Политические репрессии инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е годы // История репрессий на Урале: Идеология, политика, практика (1917–1980-е годы). – Нижний Тагил, 1997. – С. 168.

⁴ Делицой А.И., Главацкий М.Е. Дело «Уральского инженерного центра» // Там же. – С. 180–181.

приписку: «Ознакомившись со своими показаниями в 1931 г. в органах ГПУ в г. Тагиле, у меня является сомнение в том, что эти показания являются моими и что я их писал собственноручно, так как, насколько мне помнится, я писал гораздо меньше, чем приводится в этих показаниях»⁵. Но следователи вынудили И.П. Вечерека в 1938 признать показания 1931 года. Помимо этого, в деле 1931 года имелись доносы осведомителей об «антисоветских высказываниях» обвиняемого. Так, в марте 1931 по поводу процесса над меньшевиками он сказал: «За прорывы в производстве и снабжении стараются (советская власть) свалить вину на старых специалистов, поэтому производятся аресты и создаются громкие процессы». По поводу высоких темпов развития: «Для чего берутся большие темпы по производству и строительству, гораздо лучше было бы работать по нормальному в размерах, имеющих в наличие рабсилиу и поступающего топлива [так!], а то программы строятся большие, для выполнения которых нет рабсилии и топлива, из-за этого получается прорыв»⁶.

Тем не менее после допросов и «признательных показаний» в 1931 И.П. Вечерека освободили. Возможно, потому, что дело «Уральского центра» уже было закончено, основные обвиняемые осуждены, и, в условиях нехватки специалистов, власть признала нецелесообразным дальнейшее преследование инженеров. Кому-то надо было выполнять напряженные планы первой пятилетки.

Вскоре после освобождения И.П. Вечерек назначается техническим руководителем Нижнесалдинского металлургического завода, а в 1935 переведен на Чусовской металлургический завод – начальником отдела технического контроля. Столь частые переводы с одного завода на другой, возможно, объясняются острой нехваткой квалифицированных специалистов-металлургов на предприятиях Урала.

В марте 1938 И. Вечерек был арестован, он обвинялся в том, что является «активным членом польской шпионско-диверсионной организации», «ведет активную диверсионно-вредительскую деятельность в промышленности, принадлежит к польским разведывательным органам» (ст. 58-6-11 УК РСФСР)⁷. Новое дело было сфабриковано в рамках «Польской операции». Основанием для обвинения явился факт проживания двух сестер И.П. Вечерека в Польше. Кроме того, следствие установило, что И.П. Вечерек «имел контакты» с ксендзом Римско-католической церкви в Перми Ф.Ф. Будрисом. К тому времени ксендз уже был расстрелян как резидент польской разведки на Урале и руководитель шпионско-диверсионной организации. Правда, эти «контакты» состояли в том, что, по просьбе одной из сестер, И. Вечерек об-

⁵ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8668. Л. 30-31.

⁶ Там же. Наблюдательное дело.

⁷ Там же. Л. 4.

ратился к ксендзу в связи с необходимостью получения метрик на племянников, выехавших в Польшу. Но эта линия следствия не получила развития, так как Будриса уже не было в живых, а в протоколах его допроса не было упоминаний Вечерека.

По делу проходило шесть человек, все польской национальности. Некоторые из «соучастников» дали «признательные» показания. Один из арестованных «показал», что в мае 1935 члены группы выехали на ст. Кузино и подожгли в девяти местах лесной массив. От поджога сгорело 300 га растущего леса и 2500 кубометров древесины. В июне 1936 члены организации выехали на ст. Шаля и на разъезде разобрали рельсы. В результате произошло крушение товарного поезда, который шел в ДВК, разбилось 18 товарных вагонов, погибло два красноармейца и три кондуктора⁸.

Абсурдность обвинения подчеркивает и тот факт, что все «участники организации» проживали в разных районах области, в деревнях (за исключением И. Вечерека), где, как правило, не было железной дороги, и связаться друг с другом им было достаточно сложно, а тем более встретиться. Почему речь шла о «диверсиях» именно на железнодорожной ветке Пермь-Кунгур-Свердловск, а не на горнозаводской Пермь-Чусовская-Нижний Тагил, тем более, что «руководитель» жил в г. Чусовом, невозможно объяснить. Кроме того, И. Вечерека обвиняли в том, что он поддерживает знакомство со старыми инженерами, бывшими членами Промпартии. Он якобы завалил работу технического контроля, в результате завод выпускает бракованную гвоздильную ленту и шиповую сталь, идущие для нужд Красной армии. Браком заполнены все склады и цеха, причинены громадные убытки заводу, но никаких мер к устранению выпуска брака не принимается.

И. Вечерек все предъявленные обвинения отрицал и виновным ни по одному пункту себя не признал. По поводу брака он заявил, что своевременно сигнализировал об этом в администрацию завода. Администрации сложно было решить эту проблему, поскольку на заводе прошли массовые аресты инженерно-технических работников, арестовано было почти все руководство завода. Высказывание И. Вечерека по этому поводу зафиксировал осведомитель: «Это очередной номер создания дела, оправдывающего невыполнение заводом программы 1936 г.».

«Польский след» доказать не удалось. Из проходивших по этому делу один обвиняемый был расстрелян в июне 1938, трое освобождены за недоказанностью обвинения и один умер в тюрьме в ноябре 1938. В результате 3 сентября 1938 было принято постановление об отмене обвинения по ст. 58-6-11 («шпионаж и участие в контрреволюционной организации»)

⁸ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8668. Л. 14-17.

за недоказанностью и предъявлено новое обвинение – по ст. 58-10 («контрреволюционная агитация»)⁹.

Начались новые допросы. Следователи пытались доказать «кадетские убеждения» обвиняемого, обратившись к его прошлому. Когда это не удалось, решили использовать его знакомство с эсерами-рабочими Чермозского завода в годы революции. В качестве свидетелей предполагали привлечь руководителя организации эсеров в Чермозе в 1917 И.И. Павленина и других членов партии социалистов-революционеров. Но оказалось, что многих из них уже нет в живых, а другие арестованы и находятся неизвестно где. И эта линия следствия ни к чему не привела. И. Вечерек отрицал все обвинения: «контрреволюционной агитации не вел и виновным себя не признаю». Доказать контрреволюционную агитацию обычным путем следствию не удалось. Все материалы, «изобличавшие» И. Вечерека, были получены агентурным путем, т.е. через осведомителей. Во время пребывания в тюрьме к нему подсаживали завербованных заключенных с целью спровоцировать на антисоветские заявления. Не было проведено даже очных ставок, поскольку это грозило расконспирацией осведомителей.

В обвинительном заключении И.П. Вечерек «изобличался» в контрреволюционной агитации, дискредитации мероприятий партии и советского правительства, восхвалении фашистского строя Германии. Учитывая, что дело по оперативным соображениям не могло быть рассмотрено в гласном суде, его направили для рассмотрения в Особое совещание при Народном комиссаре внутренних дел СССР. 10 ноября 1939 Особое совещание вынесло постановление о заключении И.П. Вечерека в ИТЛ сроком на 5 лет.

10 декабря 1939 И. Вечерек был этапирован из Пермской тюрьмы в Краслаг, на ст. Канск (Красноярский край). Дальнейшую его судьбу установить пока не удалось.

14 сентября 1989 Иосиф Павлович Вечерек был реабилитирован.

Новая Родина для поляка И. Вечерека оказалась не заботливой матерью, а злой мачехой. Судьба его достаточно типична для поляков, ставших гражданами СССР.

⁹ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8668. Л. 38.

Александр Резник

«Нужно беречь вождей»: болеющий Лев Троцкий как объект заботы масс

Александр Валерьевич РЕЗНИК

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
факультет истории, аспирант

reznik07@gmail.com

Целью данной статьи является постановка двух исследовательских вопросов. Во-первых, что представляла собой политическая борьба, развернувшаяся внутри РКП(б) в 1923–1924, в контексте болезни Льва Давидовича Троцкого – основного лидера левой оппозиции. Во-вторых, каковы были проявления заботы по отношению к Троцкому со стороны представителей разных социальных и политических групп.

Известно, что репрессированные деятели внутрипартийных оппозиций зачастую не удостаивались в советской историографии биографий как таковых. В случае с Троцким акцент делался на «борьбе с троцкизмом». В многочисленных статьях и книгах об этой «борьбе» могли упоминаться те или иные аспекты жизни Троцкого, но факт его болезни умалчивался. Приоритет отдавался политическому обличию, а не деталям жизнедеятельности, освещение которых расшатывало конструкцию мифа об активном разжигании Троцким внутрипартийной борьбы.

Реальный Троцкий, и здоровый, и болевший, оказался в «насильственном забвении». Но в 1920-е факты нездоровья Троцкого были общеизвестны. До статочно сказать, что уже в 1924 об этом упоминалось в научном журнале Университета Лондона¹.

Наиболее заметные западные исследователи советской истории, по меньшей мере, не забывали сообщить о болезни Троцкого². Р. Сервис и Г.И. Чернявский, авторы новейших биографий Троцкого, также учили описываемый сюжет³.

Интерес историков к болезни Троцкого не в последнюю очередь определен тем, что о ней рассказал сам Троцкий – в мемуарах «Моя жизнь», опубликованных в 1930 в Берлине. Эпизоду болезни было удалено довольно много места:

...я в одно из октябрьских воскресений 1923 года оказался в Заболотье, на болоте, средь камышей. Ночью стоял морозец, и я в шалаше сидел в валенках. Но утром солнце хорошо пригрело, болото оттаяло. На подъеме дождался автомобиль. Шофер Давыдов, с которым мы плечо к плечу прошли через гражданскую войну, горел, как всегда, нетерпением узнать, какова добыча. До автомобиля от челна надо было пройти шагов сто, не более. Но едва яступил валенками на болото, как ноги мои оказались в холодной воде. Пока я вприпрыжку добежал до автомобиля, ноги совсем простыли. Я сел рядом с Давыдовым и, разувшись, грел ноги теплом мотора. Но простуда осилила. Я слег. После инфлюэнзы открылась какая-то криптогенная температура. Врачи запретили вставать с постели. Так я proлежал весь остаток осени и зиму. Это значит, что я прохvorал дискуссию 1923 г. против «троцкизма».⁴

Бросается в глаза попытка автора объяснить причины, оторвавшие его от непосредственного участия в дискуссиях. Важно и то, как Троцкий препрезентировал свою болезнь. Он включил в автобиографию записи своей супруги Н.И. Седовой, в которых был в ярких красках отображен период внутрипартийной борьбы начала декабря 1923 года, когда Троцкий спорил со своими оппонентами в Политбюро по поводу резолюции о внутрипартийной демократии:

«Это были тяжелые дни, – рассказывает в своих записках моя жена, – дни напряженной борьбы Л.Д. в политбюро с его членами. Он был один, был болен и боролся против всех. Из-за болезни Л.Д. заседания происходили в нашей квартире, я сидела в спальне рядом и слышала его выступления. Он говорил всем своим существом, казалось, что с каждой такой речью он теряет часть своих сил, с такой “кровью” он говорил им. И я слышала в ответ холодные, безразличные ответы. Ведь все предрешалось

¹ Slavonic and East European review. – Vol. 2. – London: University of London, 1924. – P. 430.

² См. классическое исследование: Carr E.H. *The Interregnum: 1923–1924*. – London: Penguin Books, 1969. – P. 339.

³ Service R. *Trotsky: A biography*. – Cambridge: Harvard University Press, 2009. – P. 342-345; Чернявский Г.И. Троцкий. – М.: Молодая гвардия, 2010.

⁴ Троцкий Л.Д. *Моя жизнь: Опыт автобиографии*. – Т. 2. М.: Книга, 1990. – С. 238.

заранее. Зачем им было волноваться? Каждый раз после такого заседания у Л.Д. подскакивала температура, он выходил из кабинета мокрый до костей, раздевался и ложился в постель. Белье и платье приходилось сушить, будто он промок под дождем...».⁵

Политика посредством такого нарратива «антропологизировалась» или, проще говоря, очеловечилась. Обращает на себя внимание и то, что действующий политик, пусть и в эмиграции, считал целесообразным препрезентировать свою борьбу с физической немощностью, описание которой доходило до натурализма.

Борьба в руководстве РКП(б) развернулась в октябре 1923, стала достоянием партийной общественности уже в ноябре–декабре и в целом завершилась к январю 1924. С конца ноября в Москве происходили бурные дискуссионные собрания. Не принимая в них участия, Троцкий ограничился публикацией серии дискуссионных статей, вошедших в январе в брошюру «Новый курс»⁶. Судя по документам, точная информация о состоянии его здоровья подчас не была доступна даже наиболее активным сторонникам оппозиции. Так, 12 декабря студенты Коммунистического университета им. Свердлова отправили Троцкому письмо с «убедительной» просьбой «принять участие в дискуссии». С другой стороны, двумя днями ранее Замоскворецким районным партийным комитетом Москвы была отправлена выпiska из резолюции расширенного пленума райкома: «Собрание выражает горячее желание скорейшего выздоровления тов. Троцкого и надеется, что в самом близком будущем состояние его здоровья позволит ему принять ближайшее участие в обсуждении всех волнующих партию вопросов»⁷.

Восприятие сообщений о болезни Троцкого «прочитывалось» акторами политической борьбы по-разному, здесь тоже возникала «оппозиция». И.В. Сталин, выступив перед партийцами района Красная Пресня 2 декабря, через шесть дней направил заявление в Политбюро: «Среди членов партии ходят слухи, что сообщения о болезни т. Троцкого не соответствуют действительности, что т. Троцкий посажен Политбюро под домашний арест из-за того, что он требовал на октябрьских пленумах демократию в партии (мое заявление во время доклада в ответ на одну из записок о том, что т. Троцкий болен, было встречено ироническими смешками и возгласами сомнения со стороны целого ряда участников собраний)». Более того, по утверждению Сталина, сторонники оппозиции «не принимают мер к тому, чтобы пресечь в корне эти нелепые слухи среди членов партии...»⁸. Как бы там ни было, но в ходе внутрипартийной

⁵ Троцкий Л.Д. Моя жизнь... – С. 240.

⁶ Троцкий Л. Новый курс. – М.: Красная новь, 1924.

⁷ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 33987. Оп. 1. Д. 569. Л. 304, 305.

⁸ Цит. по: РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923. – М., 2004. – С. 293.

борьбы здоровье Троцкого не стало предметом широких спекуляций, а Политбюро или другие руководящие органы партии не принимали специальных решений о «пресечении» слухов.

Троцкий по каким-то соображениям медлил с официальным заявлением по поводу своего здоровья. Лишь 22 декабря в «Правде» был опубликован небольшой отклик Троцкого на волну критики в его адрес. Письмо завершалось словами: «Надеюсь также, что удастся вскоре справиться с несвоевременной болезнью, и тогда смогу выступить и устно»⁹.

8 января 1924 в «Правде» был опубликован «Бюллетень о состоянии здоровья тов. Л.Д. Троцкого»:

31 декабря 1923 года, мы, нежеподписавшиеся, свидетельствовали состояние здоровья Льва Давидовича Троцкого и пришли к следующему заключению:

Л.Д. Троцкий 5 ноября текущего года заболел инфлюэнцией с катаральными явлениями со стороны верхних дыхательных путей; последние вскоре прошли, однако лихорадочное состояние, не превышающее 38°, длится до настоящего времени. При объективном исследовании констатируется похудание, побледнение, уменьшение работоспособности и понижение аппетита; при исследовании внутренних органов отмечается увеличение бронхиальных желез, вызванное указанной инфекцией.

Ввиду затяжного течения болезни, могущей принять более резкую форму при местных климатических условиях, мы считаем необходимым предоставить больному немедленно отпуск с полным освобождением от всяких обязанностей для специального климатического лечения на срок не менее двух месяцев.¹⁰

Стоит отметить, что ранее Троцкий находился в отпуске по болезни с 15 июня по 1 сентября 1923. Однако, судя по всему, этот эпизод был не известен широкой общественности. Публикация «Бюллетеня» спровоцировала кривотолки. Примечательна реакция писателя М.А. Булгакова: «Комментарии к этому историческому бюллетеню излишни. Итак, 8 января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией, знает один Бог...»¹¹. Также Булгаков записал анекдот, сопроводив его комментарием: «Анекдот: «Лев Давидыч, как ваше здоровье?» – «Не знаю, я еще не читал сегодняшних газет». (Намек на бюллетень о его здоровье, составленный в совершенно смехотворных тонах)»¹². Подобное отношение к официальному

⁹ Письмо Л.Д. Троцкого в партийную ячейку вагонной мастерской московского участка Октябрьской железной дороги // Правда. – 1923. – 22 декабря.

¹⁰ Правда – 1924. – 8 января. Бюллетень подписали: «Проф. М. Кончаловский. Prof. Foerster. M. Певзнер. В. Александров. Ф. Гетье. Н. Семашко».

¹¹ Цит. по: Чернявский Г.И. Троцкий... – С. 354.

¹² Цит. по: Мельниченко М.А. Ленин и Троцкий в советском политическом анекдоте 1920-х гг. // Новый исторический вестник. – 2009. – Т. 4. – № 22. – С. 32.

сообщению о здоровье Троцкого отмечено и агентами-осведомителями ОГПУ: «Среди обывателей и служащих МСПО [Московского союза потребительских обществ. – А.Р.] распространяется слух, что наивно составленный и опубликованный бюллетень о болезни тов. ТРОЦКОГО есть не иное, как отвод общественного внимания от очевидно неизбежной отставки его в силу взглядов в партдискуссиях по вопросам НЭПА». Кроме этого, был выделен и другой аспект: «Распространяются слухи, что тов. ТРОЦКОГО заболеть заставили насилием»¹³.

18 января Троцкий уезжает на лечение в Сухум. Там его посетил видный курортолог Василий Александрович Александров, подпись которого стояла под бюллетенем от 8 января. Вернувшись в Москву, 24 февраля в письме Троцкому он поделился тем, что узнал от наркома здравоохранения Семашко и из «провинциальных газет»: «в последнее время появилось много сумбурных сообщений, касающихся состояния Вашего здоровья; больше всего путаницы в этот вопрос внес т. Мануильский, который в печати сообщил самые невероятные измышления. По предложению Н.А. Семашко я составил соответствующий бюллетень (проредактированный лично Вами) и газетные интервью, имеющее цель успокоить возбуждение остроты внимания общества и внести ясность во все это дело»¹⁴. В День Красной армии и флота 23 февраля в «Правде» был опубликован «Бюллетень» и интервью с В.А. Александровым. В том же номере в приветствии Моссовета прозвучало пожелание выздоровления Троцкому. Таким образом, центральная партийная газета по меньшей мере дважды известила массы о (не)здоровье Троцкого.

Однако важнейший сдвиг в восприятии здоровья вождей произошел после смерти Ленина 21 января 1924, наступившей через три дня после XIII партконференции, осудившей левую оппозицию. Не кажется удивительным, что вскоре после этого вдова Ленина Н.К. Крупская пишет письмо Троцкому – с пожеланием «сил и здоровья». Но подобную заботливость проявляли не только старые однопартийцы Троцкого.

«Забота о вождях» ведет свою генеалогию как минимум с 1918. М.И. Ульянова, сестра Ленина, вспоминала, что в 1918 в Петрограде в редакцию «Правды» рабочий принес стихотворение о вожде, каждая строка которого кончалась как бы припевом: «Товарищи, братья! Великих своих берегите вождей!»¹⁵. Судя по всему, это не точная цитата, а «рабочий», предположительно, являлся сыном купца, левым публицистом Василием Васильевичем Князевым (Седых), обретшим популярность революционного сочинителя во время Гражданской войны. В 1919 в «Петроградском советском издательстве» были опубликованы «Песни Красного Звонаря» Князева, в одной из которых звучало: «Берегите

¹³ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... – С. 413.

¹⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 42. Л. 1.

¹⁵ См.: Кунецкая Л.И., Маштакова К.А. Мария Ульянова. – М.: Молодая гвардия, 1979.

вождей, коммунары, берегите вождей!..»¹⁶. Таким образом, бережность стала основной формой вербальной заботы о вождях.

Через четыре месяца после смерти Ленина, 28 мая 1924, в редакцию «Рабочей газеты» (орган ЦК, наряду с «Правдой») поступила статья рабочего корреспондента Якова Чуликина «Берегите вождей! На смерть тов. Ногина». Ее название прямо перекликалось с популярными «песнями» Князева. Рабкор написал не просто некролог – это был призыв, начинавшийся словами: «Умер Ильич. За ним ушли тов. Благоев, Лутовинов. Только что с прискорбием опущен в могилу тов. Ногин. Ряды старой гвардии начинают редеть. <...> Наши вожди уходят один за одним, а смена еще не готова <...> Смерть тов. Ногина предстает на нас. Берегите вождей Октябрьской революции! Смена еще не готова. Она ленинизовируется»¹⁷. Предположительно, рабкор, служивший в одном из советских учреждений в Москве (следовательно, не совсем «рабочий» корреспондент), отражал определенное настроение своего круга или ретранслировал призыв, уже прозвучавший из уст политических лидеров.

Риторика «заботы о вождях» постепенно входила в практику политической коммуникации. Крайне любопытно письмо членов бюро Иваново-Лысогорского районного комитета комсомола, отправленное Троцкому 1 марта 1924. В нем комсомольцы детально обосновывали, почему Лев Давидович должен был перед ними выступить. При этом молодые активисты подчеркнули свою заботу о «безопасности» Троцкого: «мы, конечно, понимаем всю ответственность и знаем, что «нужно беречь вождей»¹⁸. Здоровье изымается из непосредственной связи с бережностью по отношению к вождю, которая маркируется «ответственностью» и «знанием», становясь одним из актуальных лозунгов и инструментов pragmatичной политики.

Но тема здоровья, поскольку она являлась удобным звеном коммуникации с вождем, оставалась актуальной. Партийная конференция Тифлисского гарнизона в своем послании Троцкому 11 апреля 1924 «с глубочайшим удовлетворением отметила <...> выздоровление» вождя Красной армии и флота. С другой стороны, еще 24 июля в письме пионера Горы Аристова из самарского детского дома звучало пожелание Троцкому «быть здоровым»¹⁹.

Более подробное погружение в исторические источники может дать более ясное представление о масштабах распространенности дискурса «заботы о вождях».

¹⁶ Цит. по: Карабутенко И. Робеспьер в лунном свете // Независимая газета. – 1999. – 9 июня.

¹⁷ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 610. Оп. 1. Д. 47. Л. 157-157об. Нам не известно, была ли статья опубликована, к сожалению, мы не имели возможности просмотреть «Рабочую газету» за этот период.

¹⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 44. Л. 141.

¹⁹ Там же. Д. 42. Л. 25.

Михаил Рощин

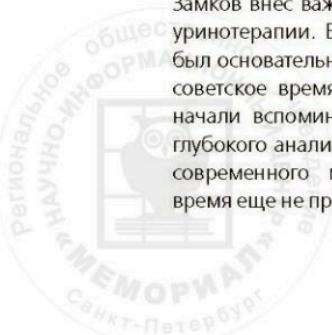
Судьба доктора А.А. Замкова

Михаил Юрьевич РОЩИН

старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН
(Москва)

Алексей Андреевич Замков (1883–1942) был мужем знаменитого скульптора Веры Игнатьевны Мухиной. Немногие знают, что сам он был известным в свое время врачом и изобрел популярный в 1930-е препарат – гравидан. Это лечебное средство окончательно было изъято из номенклатуры лекарств приказом Минздрава ССР только 30 декабря 1964. В предлагающей статье мне бы хотелось обратить внимание на судьбу известного врача, в конце 1920-х и 1930-е принадлежавшего к благополучной части советской интеллигенции. Взлеты и падения в профессиональной судьбе доктора Замкова позволяют лучше понять динамику развития советской науки, причины ее прорывов и неудач. Доктор Замков внес важный вклад в развитие уринотерапии. Его опыт впоследствии был основательно забыт, и хотя в постсоветское время об Алексее Замкове начали вспоминать, но, видимо, для глубокого анализа его работ на основе современного медицинского знания время еще не пришло.

mrochtchine@yahoo.fr

А.А. Замков создал новое лечебное средство гравидан в 1929, используя в качестве его основы мочу беременных женщин. В то время он активно занимался частной практикой и имел высокопоставленных в советской иерархии пациентов. Одновременно Замков работал в Институте экспериментальной биологии Наркомата здравоохранения, который возглавлял видный отечественный биолог Н.К. Кольцов (1872–1940)¹. В 1929 в результате партийных чисток многие старые большевики лишились своих должностей, и некоторые из них пришли на работу в институт. Темы исследований стали утверждаться на общих собраниях института с участием всех сотрудников, включая дворников и истопников. Такие собрания нередко продолжались по 6–8 часов. Именно в это беспокойное время Замков начинает свои опыты.

Вот как об этом писал профессор Кольцов:

*В 1929 году немецкие ученые Ангейм и Зондек опубликовали работу, в которой доказали наличие в моче беременных женщин вещества (гормона), способного при инъекции под кожу мышонка вызвать у него созревание половых органов. Они предложили применять этот метод для точного установления беременности у женщин <...>. Когда в 1929 году я предложил доктору Замкову заняться проверкой работы Ангейма и Зондека, он быстро овладел техникой воздействия мочой на молодых мышей и немедленно поставил определение беременности женщин по этому методу. Моча пациенток присыпалась из клиник и больниц в Институт экспериментальной биологии, и доктор Замков на основании опытов с мышами ставил через 4 дня диагноз на наличие или отсутствие беременности. Почти во всех случаях диагноз в дальнейшем оправдывался <...>. Поставить в широких размерах эту диагностику институту удалось только благодаря любезному со-действию А.М. Пешкова (Максима Горького), который с большим интересом отнесся к работам А.А. Замкова. Благодаря А.М. Пешкову и М.Ф. Андреевой, удалось быстро получить из-за границы большое количество белых мышей, необходимых для диагноза. Ввиду ясного действия гормонов мочи беременных женщин на половые органы грызунов, для врача был естественным переход в применении этой мочи в качестве терапевтического средства пациентам, страдавшим от недостаточной активности половых желез. Но, в отличие от немецких исследователей, А.А. Замков не пытался извлекать гормон из мочи спиртом и другими реагентами и решил вводить под кожу пациентов непосредственно мочу беременных, конечно, стерильную. В этом изобретательство самого Замкова <...>. Препарату нами дано имя «гравидан» [от *gravida* (лат.) – беременная. – М.Р.]².*

¹ См. о нем подробнее: Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф. Николай Константинович Кольцов. – М.: Наука, 1975.

² Отзыв о работе доктора А.А. Замкова в Институте экспериментальной биологии Наркомата здравоохранения в 1929–1930 гг., цит. по: Жирнов Е. Моча и камень // Коммерсантъ. – 2001. – № 49(451), 11.12. – <http://www.kommersant.ru/doc-tss.aspx?DocID=301258>.

8 февраля 1929 доктор решился поставить эксперимент на самом себе и вспоминал об этом так: «Будто выпил бутылку шампанского! Длился этот подъем, ну, дней 10. А подопытная фауна неистовствовала. Старый рысак, которого готовили к забою, после инъекции показал рекордную ревность»³.

Как отмечал сам Алексей Андреевич, «это натолкнуло меня на мысль использовать мочу беременных в лечебных целях вместо выделения из нее отдельных гормонов и других веществ. Я рассчитывал на успех, прежде всего при заболеваниях, связанных с нарушениями половой функции, в частности с ее угнетением в пожилом возрасте»⁴. Таким образом, гравидан является предшественником современных стимуляторов потенции, разработанным на основе натуральных ингредиентов.

Новое лекарство быстро стало популярным: поступали заказы из аптек, в том числе и кремлевской. У Замкова, во многом благодаря его обширной частной практике в элитарных советских кругах, появилось много постоянных высокопоставленных клиентов. Однако не все были довольны успехами доктора, и 22 марта 1930 в «Известиях» было напечатано письмо группы сотрудников Института экспериментальной биологии, где работал Замков, в котором он обвинялся в знахарстве и противозаконных экспериментах на людях. Как сообщает специалист по уринотерапии Н. Семенова, в борьбе с Замковым его противники доходили до того, что добавляли в аппараты с препаратом мочи серную кислоту⁵. Через месяц доктор был уволен из института. Замков пытался с семьей (В.И. Мухиной и сыном) бежать за границу, но был арестован и приговорен к трем годам ссылки с конфискацией имущества. Вера Игнатьевна впоследствии вспоминала:

О том не могу говорить без волнения. Алексей Андреевич не выдержал травли и решил ехать за границу. Мы тоже с ним. Дело было так. Открытие Алексея Андреевича стало сенсацией. Успех у всех рождает зависть, вокруг началось брожение: вы – за Замкова или против? Многие испугались, подписали статью в «Известиях», где Замков был назван шарлатаном. Алексея Андреевича обвиняли во всех грехах, и даже краже институтской мочи. Он не выдержал и решил бежать. Превратился в комок нервов. Я отговаривала его, Алеша, подумай, но, нет, нет, я больше не могу. Я не могла оставить его в таком состоянии и решила ехать с ним. Мы взяли паспорта и поехали будто бы на юг – хотели перебраться через персидскую границу. В Харькове нас арестовали и повезли обратно в Москву. Привезли в ГПУ. Допросили первую меня. Я поняла, что Алексея Андреевича подозревают в том, что он хотел продать

³ Цит. по: Остроглазов В. Миф о гравидане // Медицинская газета. – 2008. – № 60, 13.08. – <http://www.mgzt.ru/article/991>.

⁴ Там же (курсив мой. – М.Р.).

⁵ Семенова Н. Моя жизнью проверенные опыт и совет: излечись сам. – Ростов-на-Дону, 1991. – С. 69.

за границу секреты своего изобретения... Не подтвердилось. Меня отпустили. У меня начались страдания жены, у которой арестован муж.⁶

Профessor Н.К. Кольцов тоже писал обо всех этих событиях в своем официальном отзыве:

Среди ученых и врачей зависть к чужим успехам нередко вызывает интриги и склоки. Против А.А. Замкова поднялась настоящая травля... Травля <...> подействовала так сильно на него, что побудила его к безумной попытке выехать за границу без разрешения. Но незначительность наказания за такое тяжелое преступление – высылка в Воронеж – показывает, что ГПУ прияло во внимание наличие аффекта под влиянием несправедливой травли. С отъездом А.А. Замкова работа по приготовлению гравидана в Институте экспериментальной биологии почти прекратилась... Ввиду огромного интереса, который представляет собой возможность терапевтического применения гравидана и диагностики беременности по анализу мочи, я считал бы весьма желательным предоставление доктору Замкову возможности продолжить свои исследования в правильной клинической обстановке...⁷

В непростых обстоятельствах, в которые попал доктор, у него нашлись влиятельные покровители и пациенты: начальник оперативного отдела ГПУ и начальник личной охраны Сталина Карл Паукер⁸, начальник разведуправления Красной армии Ян Берзин⁹, Семен Буденный и Максим Горький. Замков был досрочно возвращен из ссылки в 1932 и в том же году возглавил Государственный институт урогравиданотерапии. Одновременно с этим на окраине Хотькова под Москвой был создан совхоз урогравиданотерапии. Чуть позже рядом была построена железнодорожная станция «57-й километр» (сегодня – станция «Абрамцево»)¹⁰. В 1933 институт начал выпускать периодический «Бюллетень Государственного института урогравиданотерапии» под редакцией

⁶ Цит. по: Остроглазов В. Миф о гравидане.

⁷ Цит. по: Отзыв о работе доктора А.А. Замкова в Институте экспериментальной биологии.

⁸ Известный разведчик Александр Орлов, в 1938 бежавший в США, отмечал, что Паукер «изучил сталинские вкусы и научился угадывать его малейшие желания... Подметив, что Stalin, желая казаться повыше ростом, предпочитает обувь на высоких каблуках, Паукер решил нарастить ему еще несколько сантиметров. Он изобрел для Сталина сапоги специального покрова с необычно высокими каблуками, частично спрятанными в заднике» (Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. – СПб., 1991 – С. 305-317). 14 августа 1937 Карл Паукер был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни и в тот же день расстрелян.

⁹ Ян Берзин был, похожий, главным покровителем Замкова. Доктор лечил не только руководителя разведки, но и его нелегалов, которых он знал в лицо, например, Рихарда Зорге. Ян Берзин был арестован 27 ноября 1937 по обвинению в «троцкистской антисоветской террористической деятельности» и расстрелян 29 июля 1938 на полигоне «Коммунарка» по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР (см.: Расстрельные списки Коммунарки // Общество «Мемориал». – <http://www.memo.ru/memory/communarka/index.htm>).

¹⁰ Неподалеку от станции находилась дача-студия Мухиной и Замкова. Доктор шутил: «Я подарил Верочки целую железнодорожную станцию» (цит. по: Остроглазов В. Миф о гравидане).

доктора Замкова. Началось производство гравидана, который в те годы широко применялся в медицине и ветеринарии. Как отмечает В. Остроглазов, Алексей Андреевич организовал несколько экспедиций на Северный Кавказ для борьбы с эпидемией малярии. «Были инъецированы гравиданом (препарат готовили в жидком виде. – М.Р.) свыше 15 тыс. больных с излечением до 80%... В тундре успешно лечили оленей, страдающих кольпитной язвой, а на Дальнем Востоке – целую военную часть, пораженную отравляющим веществом»¹¹.

Л.А. Гронская в своих воспоминаниях рассказывает о встречах с доктором:

*Когда состоялось знакомство с А.А. Замковым? Все в те же 30-е гг. [Муж] Иван страдал фурункулами и как-то пожаловался Горькому. Алексей Максимович пообещал прислать врача. Назавтра врач был у нас. Это был А.А. Замков – высокий мужчина, с залысинами на крупной голове, благородные черты лица, простые умные глаза, обращение крайне простое. Осмотрел Ивана, сделал укол гравидана и через несколько часов фурункулы уже рассосались. С этого началось не только наше знакомство, но и тесная дружба с Алексеем Андреевичем. Бывал он у нас каждый раз, когда кто-то болел. Помню, у (сына) Игоря начался дифтерит, проходил в тяжелой форме. Я, конечно, была в панике, что потеряю первенца. Приехал Алексей Андреевич, сделал укол гравидана, через пару часов стала резко снижаться температура, и налеты в горле уменьшились вдвое.*¹²

В первом издании Большой медицинской энциклопедии (т. 33, с. 426–429) есть серьезная и содержательная статья «Уротерапия», в значительной степени посвященная гравидану и исследованиям А.А. Замкова. Заслуживает внимания в статье и библиография, включающая отечественные и зарубежные работы, в том числе и профессора Н.К. Кольцова¹³.

Второй взлет карьеры Замкова оказался не слишком продолжительным, хотя и впечатляющим. На Всемирной выставке 1937 года в Париже скульптуру «Рабочий и колхозница» его жены Веры Мухиной ждал исключительный успех. На обратном пути через Ригу Мухина приобрела для института Замкова на свои средства электронный микроскоп. Но постепенно уходили из жизни покровители доктора: в июне 1936 умер Горький, в августе 1937 был расстрелян Паукер. В 1938 институт был закрыт и разгромлен. Электронный микроскоп выбросили из окна, а лабораторное оборудование разбили и отправили на помойку¹⁴.

¹¹ Цит. по: Остроглазов В. Миф о гравидане.

¹² Гронская Л.А. Наброски по памяти: Воспоминания. – М.: Флинта, 2004. – С. 70.

¹³ Первое издание Большой медицинской энциклопедии (БМЭ) в 35 томах выходило в 1928–1936. Статья «Уротерапия» впервые была опубликована в 1936. См. эту статью в интернете на сайте БМЭ: <http://bigmeden.ru/article/%D0%A3%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%8F>

¹⁴ Христофоров В. Гравидан ударил всем в голову... // Медицинская газета. – 2008. – № 12, 20.02.

С самим Замковым случился инфаркт. Как полагают, новый удар судьбы был связан с расстрелом Яна Берзина, главного покровителя Замкова.

После начала войны, в октябре 1941, Замков и Мухина были эвакуированы из Москвы в поселок под Каменском-Уральским¹⁵. В декабре 1941 Мухина была вызвана в Москву, и Алексей Андреевич остался один. Вероятно, он надеялся на третий взлет своей карьеры и верил, что в трудные военные годы его исследования в области уринотерапии и, конечно, удивительный гравидан снова могут быть востребованы, но этого не произошло, а сам доктор скоропостижно скончался после второго инфаркта 25 октября 1942.

Пожалуй, главным мотивом для написания этой статьи стало для меня невнимание исследователей, и прежде всего врачей, к незаслуженно забытой фигуре Замкова. До сих пор не собраны и не изучены архивные материалы, в том числе материалы Института урогравидантерапии¹⁶. Существует предположение, что Замков стал одним из прототипов профессора Преображенского в «Собачьем сердце» Михаила Булгакова. Мне эта версия кажется скорее легендой, но, несомненно, московский мир 1920-х – 1930-х был достаточно тесен, так что все возможно. Есть серьезные основания полагать, что без поддержки жены, Веры Игнатьевны Мухиной, карьера импульсивного доктора могла бы прерваться еще в 1930. Пример трудного выживания четы Замковых наглядно показывает непрочность и уязвимость существования даже вполне благополучной советской интеллигенции в сталинские годы.

¹⁵ Каменск-Уральский находится в равнинной части восточного склона Урала на границе с Сибирью, на расстоянии 101 км от Екатеринбурга.

¹⁶ Часть архивных материалов находится в Российском государственном архиве экономики: Ф. 9457, 2160 док., 1914–1950.

Татьяна Косинова

Петербург в биографии Юзефа Чапского: факты и умолчания

Татьяна Феофановна КОСИНОВА

НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

Петербургский период жизни известного польского художника и писателя Юзефа Чапского (1896–1993) до сих пор описан лишь по биографической прозе самого Чапского и его сестры Марии¹. Автор первых мемуаров о катынском преступлении², польский военнопленный и узник Старобельского лагеря, – сегодня Чапский известен в России, прежде всего, как адресат стихотворения Анны Ахматовой «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» (1959, цикл «Ташкентские тетради»).

Судя по фрагментарности и лаконичности описания своего отрочества и юности в Петербурге-Петрограде, Юзеф Чапский никогда

¹Главным образом, в опубликованных мемуарах Ю. Чапского: «Wspomnienia Starobielskie» («Старобельские воспоминания», Рим, 1944), «Na nieludzkiej ziemi» («На бесчеловечной земле», Париж, 1949), «Wyrywane strony» («Вырванные страницы», Париж, 1993), а также в мемуарах Марии Чапской: «Europa w rodzinie» («Европа в семье», Париж, 1970) и «Czas odmieniony» (Париж, 1978).

²Józef Czapski, Wspomnienia Starobielskie: Prawda o Katyniu. Rzym: Wydawnictwo II Korpusu, 1944; Józef Czapski, Na nieludzkiej ziemi. Paryż: Instytut Literacki, 1949.

kossinova@mail.ru

не был «ревнивым хранителем точных фактов»³, редко фиксировал даты своей биографии и не питал интереса к генеалогии. Из мемуарных текстов нам доступна лишь общая канва первого двадцатилетия его жизни, упоминания некоторых имен и весьма малочисленные эпизоды, спонтанно описанные в нескольких эссе⁴, связанные, как правило, с духовными переживаниями или с прочитанным.

Из мемуаров известно, что в начале 1910-х Юзеф и его младшего брата Станислава отправили на учебу в Петербург под патронажем их учителя Вацлава Ивановского. Юзеф и Стас учились в 12-й петербургской гимназии; после ее окончания Юзеф поступил на юридический факультет Петроградского университета, но вскоре был призван в армию. Перед отправкой на фронт он окончил ускоренные офицерские курсы при Пажеском корпусе. Затем в мемуарах упоминается удивительный эпизод первой половины 1918 года – несколько месяцев жизни Юзефа Чапского и его старших сестер Марии и Каролины в «скрытом в золотой мгле»⁵ революционном Петрограде. Здесь сослуживец Чапского по 1-му Польскому корпусу Антоний Марыльский основал религиозно-пацифистскую коммуну толстовского типа. Наконец последний эпизод петроградской биографии Чапского – его тайный приезд в город в ноябре 1918 для выяснения судьбы пропавших на севере большевистской России пятерых однополчан из 1-го полка креховецких уланов. Это свое пребывание в Петрограде Чапский многоократно описал, рассказывая о знакомстве с Мережковскими и Философовым.

Архивные изыскания биографических сведений о Чапском в Петербурге начались в 1996, в период подготовки выставки к его 100-летию «Wnętrze Józef Czapski. W stulecie urodzin» в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме⁶. С тех пор удалось найти некоторые материалы самого Юзефа Чапского, а также его деда Эммериха Чапского (1828–1896); его отца Георгия (Ежи) Чапского (1861–1930); дяди, точнее двоюродного деда по бабушке, матери отца, Александра Феликсовича Мейendorфа (1869–1964), депутата III и IV Государственной думы; его младшего брата Станислава (1898–1959) и двоюродных братьев, сыновей его дяди, Карла Александра Чапского (1860–1904), – Эммериха

³ Цит. по: Юзеф Чапский. Об Анне Ахматовой // Человек и место. Юзеф Чапский. К 100-летию со дня рождения (Каталог выставки на русском языке). – Краков, 1996. – С. 21 (пер. С. Святского); см. также: Józef Czapski. Wyrwane strony // Kultura. – 1968. – № 4/246.

⁴ Например, «Jak żyć?» (1983), «Dorożkarz i koń» (1989) и другие.

⁵ Парафраз строки из стихотворения Леопольда Страффа (Józef Czapski, *Wyrwane strony*. Paris: Les ditions Noir sur Blanc, 1993; далее – *Wyrwane strony*).

⁶ Выставка «Человек и место. Юзеф Чапский. К 100-летию со дня рождения». 12 ноября – 15 декабря 1996, Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Подготовлена Национальным музеем в Кракове, Музей Анны Ахматовой, Генеральным консульством Республики Польша в Санкт-Петербурге и Научно-информационным центром «Мемориал».

(1897–1979) и Войцеха (1899–1916). Как и следовало ожидать, наиболее трудными для архивных поисков и наименее представленными в документах оказались петроградские эпизоды 1918–1919 годов.

Найденные в российских архивах документы Юзефа Чапского и его родственников позволяют уточнить отдельные даты в его биографии и дают более детальное представление о периоде его учебы в Петербурге-Петрограде в 1912–1917.

И в жизни, и в своих биографических текстах Юзеф Чапский избегал упоминаний о своем аристократическом происхождении. В петербургских архивах Юзеф Чапский именуется «Иосифом Георгиевичем, графом Гуттен-Чапским». В фонде Департамента герольдии Российского государственного исторического архива хранится его первое личное дело 1898 года: о его «сопричислении к графскому достоинству» отца, графа Георгия Эммериковича Захарьевича Николаевича Севериновича Гуттен-Чапского и герба *Leliva* «со внесением в пятую часть родословной книги дворян Минской губернии»⁷.

В копиях свидетельства о крещении⁸ на немецком и русском языках, хранящихся в этом деле, указана дата рождения Юзефа Чапского в Праге – 2 апреля 1896. Дата его крещения по римско-католическому обряду – 4 апреля 1896. Между тем, во всех опубликованных биографиях Чапского датой его рождения считается 3 апреля 1896.

За исключением российских документов 1897–1917 годов, позднее нигде не упоминается полное имя Юзефа Чапского, первый раз указанное в копии свидетельства о крещении: Иосиф Эммерих Игнатий Антон Франц де-Паула Мария. Первую часть (приставку) фамилии – Гуттен, полное имя и графский титул с именованием родового герба Юзеф Чапский с 1918 не использовал.

Принадлежность к польской аристократии, а также семейная традиция и статус деда, графа Эммериха Захария Николая Северина Карловича Гуттен-Чапского, в Российской империи предопределяли для его внуков, несмотря на их пожелания и склонности, необходимость получить юридическое образование в столице. «Когда меня вместе со Стасем решили выслать на учебу, мы захотели ехать во Львов, там был у нас кузен, Франусь Чапский, он учился во Львове, – вспоминал Юзеф Чапский. – Очень нам хотелось попасть в Польшу, но об этом нельзя было и заикнуться: надо кончить обучение в России, получить диплом, стать мировым судьей или кем-то в этом роде. Дело для нас непонятное и вообще не нужное»⁹. Карьера деда – Эммериха Гуттен-

⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1160. Л. 2, 8об.

⁸ Там же. Л. 6об.-7.

⁹ Wyrwane strony. Здесь и далее – перевод С. Свяцкого для выставки «Юзеф Чапский. К 100-летию со дня рождения» (СПб., 1996).

Чапского, умершего вскоре после рождения Юзефа, несмотря на успешность, не была для внука примером. Выпускник юридического факультета Московского Императорского университета, кандидат юридических наук (1851), в 35 лет он стал новгородским губернатором (1863–1864), в 37 лет – санкт-петербургским вице-губернатором (1865–1867) и вышел на пенсию (1879) с поста директора Лесного департамента в звании камергера.

Точная дата приезда в Петербург братьев Юзефа и Станислава Чапских пока не установлена. В ежегодном справочнике «Весь Санкт-Петербург на 1910 год»¹⁰ указано место проживания в Петербурге некоего Вацлава Вацлавича Ивановского, личного дворянина, по адресу: Невский проспект, 116. Возможно, это и был домашний учитель Чапских – Вацлав Ивановский. В 1911 Вацлав Ивановский проживал на Загородном проспекте, д. 13¹¹. Однако первым своим петербургским адресом в гимназический период Чапский называет дом генерала Н.В. Бибикова на Троицкой улице (ныне ул. Рубинштейна, 36).

Архив Санкт-Петербургской мужской гимназии № 12 не сохранился, корпус ее разрозненных документов рассеян в фонде канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа¹². Гимназия была образована в 1901. В годы учебы в ней Юзефа и Станислава Чапских она находилась во дворе дома № 68/40 по Невскому проспекту, принадлежавшего в те годы З.Н. Полежаевой (так наз. лопатинского, или Литературного дома). Вход в гимназию располагался во дворе дома № 40 по набережной реки Фонтанки, у Аничкова моста. (Бывшее здание гимназии, несмотря на хорошую сохранность, было снесено в январе 2011 вместе с домом № 68 по Невскому проспекту.)

В копии аттестата об окончании гимназии Юзефа Чапского, обнаруженной в его личном студенческом деле¹³, указана дата поступления в гимназию – 18 августа 1912¹⁴, сразу в шестой, последний из низших гимназических классов. В это время директором гимназии был действительный статский советник К.А. Иванов. С января 1914 пост директора занял исполняющий обязанности инспектора математик К.Б. Пенионжекевич.

«В Петербурге у меня появились первые проблески интеллектуальных увлечений, благодаря гимназии я открыл русскую литературу, именно русскую, не польскую, и первые сильные переживания были, в основном, русскими», –

¹⁰ Весь Санкт-Петербург на 1910 год. – СПб., 1910.

¹¹ Весь Санкт-Петербург на 1911 год. – СПб., 1911.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 139.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 65743 (Императорского Петроградского Его Императорского Величества университета 1915–1916 уч. года. Иосиф-Эммерих-Игнатий-Антон-Франц-де-Паула-Мария Георгийевич граф Гуттен-Чапский. 17 г.). Л. 1-34.

¹⁴ Там же. Л. 4.

писал Чапский¹⁵. «Помню самое значительное событие своей юности. В России выходил такой невероятно популярный журнал "Нива", и к нему каждый год печатались сорок томов литературного приложения, которые по абонементу высыпались почтой. На Рождество я получил в подарок от отца сорок томов Жюля Верна! Ощущаю и сейчас, что это было за богатство. Не скажу, чтобы Жюль Верн так уж меня волновал, главное было в том, что я стал владельцем этих томов. И тут начинается моя личная жизнь, отдельная от прочих»¹⁶.

Юзеф Чапский вспоминает о доме, в котором он тогда жил: «Я учился в двенадцатой гимназии на Фонтанке, а жили мы на Троицкой, в доме, который был когда-то собственноностью Бибикова, кажется, бывшего варшавского генерал-губернатора»¹⁷. Однако через полтора года братья Чапские со своим учителем переселились за город, в Царское Село. Именно здесь ученик 7 класса 12-й гимназии Юзеф Чапский 24 апреля 1914 встал на воинский учет и был «приписан по отбыванию воинской повинности к Первому участку Царскосельского уезда»¹⁸.

В 12-й классической гимназии было по два класса в параллели, по двадцать человек в каждом классе. Учителями Юзефа Чапского были: А.А. Виноградов (русский язык), К.Б. Пенионжевич и П.П. Кусков (математика), Н.И. Адамович (физика), М.Н. Куфаев и А.И. Савицкий (латинский язык), А.П. Нечаев (география, история), Е.В. Шмеллинг и В.В. Гиппиус (немецкий язык), штабс-капитан М.В. Колобов (гимнастика) и другие. Рисование преподавалось в гимназиях до третьего класса и затем факультативно, за отдельную плату, по просьбе родителей гимназистов. В сохранившейся копии аттестата № 610 Юзефа Чапского занятия рисованием в гимназии не отмечены. Напротив, в нем указаны «отличные успехи, в особенности же в физико-математических науках»¹⁹. Чапский закончил гимназию 28 апреля 1915 «при отличном поведении», с оценками «пять» по всем предметам и золотой медалью, что давало ему право поступления в Петроградский Императорский университет без экзаменов.

17 июня 1915, после уплаты «двадцати пяти рублей в пользу университета», граф Иосиф Гуттен-Чапский был зачислен студентом 1-го курса юридического факультета Петроградского Императорского университета²⁰. Двоюродные братья Юзефа и Станислава, графы Эммерих и Войцех Гуттен-Чапские, дети их родного дяди, старшего брата отца –

¹⁵ Wybrane strony.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 65743. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 1.

Александра Гуттен-Чапского, городского головы Минска, в это же время поступили в Императорское училище правоведения²¹.

В студенческие годы (1915–1916) местом своего проживания Юзеф Чапский указывает: «Царское Село, Безымянный переулок, дом 7, квартира 17»²²; он также периодически живет в доме своего дяди Александра Мейendorфа в Озernом переулке, 12.

Юридический факультет в те годы располагался в главном корпусе университета – здании Двенадцати коллегий. За два семестра 1915/1916 учебного года Юзеф Чапский прослушал курсы «Энциклопедия права», «История римского права», «История русского права», «Политическая экономия», «Государственный учет (общий учет)», «Статистика». В апреле 1916 Чапскому были выставлены оценки «весьма» за политическую экономию и статистику²³ («весьма» – сокращенный вариант высшей из трех возможных студенческих оценок: «весьма удовлетворительно»).

В это время в университете много внимания уделяется нуждам войны. Студенты делают отчисления на строительство этапного лазарета имени Петроградских высших учебных заведений и лазарета Министерства народного просвещения. Лазареты были устроены в Актовом зале университета, в здании студенческой столовой и в здании Коллегии императора Александра II²⁴. В 1915 студентам еще давали отсрочку от исполнения обязательной воинской повинности на все время обучения в университете. Однако 31 января 1916 постановление Совета министров отменило студенческие отсрочки. При этом лица, ушедшие на фронт со студенческой скамьи и окончившие ускоренные офицерские курсы, могли увольняться в запас после трех месяцев службы в офицерском звании²⁵.

В августе 1916 Юзеф Чапский должен был быть призван в действующую армию. 26 мая 1916 он обратился к ректору Э.Д. Гримму с просьбой об увольнении из университета в связи с поступлением в Пажеский корпус на ускоренные офицерские курсы²⁶.

«Отец сделал все, чтобы я не попал в армию, – вспоминал Чапский. – О войне я думал с ужасом, потому что знал: нельзя тронуть даже мууху. Я учился год в университете, ничему там не научился, сдал какие-то экзамены и тут же оказался в Корпусе. Я был убежден, что в армии мне не бывать.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4957. Л. 44, 47об.

²² Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 65743. Л. 1об.

²³ Там же. Л. 26об.

²⁴ Календарь для студентов всех высших учебных заведений на 1916–17 учебный год. Пг., 1916. – С. 222.

²⁵ Там же. С. 219.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 65743. Л. 16об.

Потому что легкие у меня были слабые, и мне достаточно было выйти из дома без калош, чтобы подцепить воспаление легких. Я был убежден, что расхвораюсь. Но оказалось, что не только не расхворался, но совершенно выздоровел»²⁷.

Чтобы попасть в уланский полк, Юзеф Чапский выбрал ускоренные курсы офицера кавалерии, которые он закончил 13 февраля 1917.

Таким образом мы можем систематизировать и впервые представить дополненные сведения об этом этапе жизни нашего героя (даты приводятся по старому стилю):

Иосиф Эммерих Игнатий Антон Франц де-Паула Мария Георгиевич, граф футтен-Чапский, родился в Праге 2 апреля 1896. 18 августа 1912 поступил в 12-ю Санкт-Петербургскую гимназию и 28 апреля 1915 окончил полный ее курс с золотой медалью. 17 июня 1915 поступил на юридический факультет Петроградского Императорского университета, окончил 1-й курс, отчислен 31 мая 1916 в связи с призывом на военную службу. Состоял на учете по воинской повинности в 1-м участке Царскосельского уезда с 25 апреля 1914 до 31 мая 1916. С 1 июня 1916 по 13 февраля 1917 обучался на ускоренных офицерских курсах в Пажеском Его Императорского Величества корпусе.

В 1912–1917 в Петербурге-Петрограде проживал по следующим адресам: ул. Троицкая, 36 (Рубинштейна, 36), Озерной пер., 12; в Царском Селе – по адресу: Безымянный пер., 7, кв. 17 (дом не сохранился).

Попав в советский плен в районе Львова в сентябре 1939, на допросах следователей НКВД ротмистр Юзеф Чапский предпочел умолчать об этих фактах своей биографии. Вот как он вспоминает о допросах в документальной повести «На бесчеловечной земле»:

Лично меня на допросах особенно не мучили. Ни физически, ни даже морально. Длившиеся по несколько часов допросы, в основном поздним вечером, были не лишены своеобразного юмора (впрочем, так я смотрю на это сейчас, но тогда я знал, что от одного моего неосторожного слова, от перемены настроения у дознавателя зависит моя судьба). Допрос вели трое <...>. Я им сказал, что в течение восьми лет жил в Париже как художник. Им это показалось весьма подозрительным.

- Какие указания вы получили от министра?
- Он понятия не имел, что я уезжаю.
- А что вам поручил заместитель министра?
- Он тоже не знал о моем отъезде, – поясняю, – ведь я выезжал как художник, не как шпион.
- Думаете, мы не понимаем, что вы как художник могли нарисовать план Парижа и переслать его министру в Варшаву?..

²⁷ Wyrwane strony.

Я никак не мог втолковать моим собеседникам, что план Парижа можно купить там за сорок сантимов на каждом перекрестке и что польские художники, которые посещали Париж, не были шпионами, рисующими тайные планы. Из них так никто и не поверил, что можно выезжать за границу, не имея шпионского задания.²⁸

В Центре хранения историко-документальных коллекций (Москва) историком Н.С. Лебедевой был найден такой вариант биографической справки Юзефа Чапского:

Сов. секретно

СПРАВКА
на военнопленного ротмистра запаса бывшей польской армии
ЧАПСКОГО Ю. Г.

ЧАПСКИЙ Юзеф Георгиевич, 1896 г. рождения, по национальности поляк, к политическим партиям в прошлом не принадлежал. Уроженец гор. Прага (Чехословакия), происходящий из семьи графа, отец собственности не имел – был в гор. Варшава адвокатом. Образование высшее. В 1924 году окончил художественную академию в гор. Krakowе, по специальности художник-живописец. С 1924 по 1931 год проживал во Франции в Париже, работал художником в своем ателье. В 1920-21 годах служил в польской армии в 1 уланском полку в чине подпоручика. За боевые действия против Красной Армии польским правительством награжден высшей наградой – крестом «Виртути Милитари» и крестом «За храбрость». В лагере Чапский проявляет себя ярым польским националистом и сторонником восстановления Польши. По отношению к Советскому Союзу настроен враждебно. Когда администрация Старобельского лагеря намеревалась Чапского использовать как художника, последний отказался и среди военнопленных высказался, что «не считает возможным для себя сотрудничать в такой работе, после того как СССР вбил нож в плечи Польши во времена войны ее с Германией». В армию мобилизован 3/IX-39 г. и определен в 8-й кавалерийский полк в гор. Krakове.

На[чальник] ОО Грязовецкого лагеря НКВД
Ст. лейтенант гос. безопасности подпись (Эйльман)²⁹

Если бы Чапский в анкетных данных указывал проживание в Петербурге, окончание петербургской гимназии, учебу в Петроградском университете и Пажеском корпусе, его статус был бы мгновенно переквалифицирован. Из польского военнопленного он в анкетах НКВД превратился бы в «польского

²⁸ Józef Czapski, *Na nieludzkiej ziemi*. Перевод С. Свяцкого для выставки «Юзеф Чапский. К 100-летию со дня рождения» (СПб., 1996).

²⁹ ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 260. См. также: Lebiediewa N. *Jency polscy w obozach NKWD. Przypadek Józefa Czapskiego* // *Zeszyty Literackie*. – Rok XIII. – Wiosna 1995. – № 50. – S. 122-123.

шпиона и врага народа», а в графе «гражданство», скорее всего, стояло бы «бывш[ее] польск[ое]» или просто «СССР». И никакой запрос германского посольства не помог бы его спасению ни в Старобельском, ни в Грязовецком лагерях НКВД. В январе 1940 с просьбой о содействии в освобождении Чапского к дипломатам Третьего рейха в Риме обратились граф Фердинанд де Кастель и графиня Палецкая³⁰. К этому времени германский МИД сформулировал, что уроженцы территории, отошедшей к Германии, подпадают под юрисдикцию Третьего рейха, и он может выступать в защиту их интересов. К февралю 1941 германская сторона направила уже 1200 запросов в НКИД СССР относительно военнослужащих польской армии – офицеров и рядовых³¹.

Юзеф Чапский в условиях советского плена интерпретирует свою биографию, исходя из здравого смысла и собственного лагерного опыта. И его вынужденные умолчания в очередной раз призывают нас к критическому отношению к гулаговским источникам.

³⁰ Madajczyk Cz., *Dramat Katynski*. – W-wa, 1989. – S. 93-94.

³¹ Лебедева Н. Юзеф Чапский и его соотечественники в плена на «бесчеловечной земле» // Чапский Ю. Старобельские воспоминания, На бесчеловечной земле. – М.: Летний сад, 2012 (в печати).

Ольга Тиховская

Биография узника Гулага как история межкультурной трансформации: русский американец Виктор Герман в поисках идентичности

Ольга Александровна ТИХОВСКАЯ

Центр гуманитарных проектов
«ИнтерКласс»
Кишинев, Республика Молдова

18 августа 1938 на подмосковном Тушинском аэродроме проходили показательные выступления, посвященные Дню авиации. В эффектном многоточасовом представлении участвовали команды парашютистов, экипажи спортивных, почтовых, пассажирских и военных самолетов. Один из газетных репортажей об этом событии завершался словами: «Это был праздник сталинского племени крылатых людей»¹.

Среди зрителей находился легендарный американскийaviатор, изобретатель и общественный деятель Чарльз Линдберг. Его приезд в Москву не случайно совпал с праздником советской авиации: мнение национального героя Америки о «сталинских соколах» было интересно политикам США и благоволившим к Линдбергу лидерам нацистской Германии.

Через два месяца в Берлине генерал-фельдмаршал авиации Герман Геринг будет вручать полковнику Чарль-

olgati@yandex.ru

¹Вчера на Тушинском аэродроме // Учительская газета. – 1938. – 19 августа.

зу Линдбергу Орден Германского Орла. Незадолго до этого высокую награду Третьего рейха получил другой гражданин США, друг Линдберга, изобретатель и автомобильный магнат Генри Форд.

Действующие лица большой истории и знаковые фигуры американской культуры XX века, уроженцы Детройта Генри Форд (1863–1947) и Чарльз Линдберг (1902–1974) были героями для миллионов мальчишек, в том числе для своего земляка, сына русских эмигрантов Виктора Германа (25 сентября 1915, Детройт, США – 25 марта 1985, Саутфильд, США).

При всей разномасштабности личностного потенциала, неповторимости индивидуального опыта и достижений, невозможно – при реконструкции биографии Виктора Германа – игнорировать «странные сближения» и параллели. Например, когда Генри Форду вручают нацистский орден за особые заслуги, американскому гражданину Виктору Герману, арестованному 20 июля 1938 в Горьком, предъявляют сфальсифицированное обвинение в шпионской деятельности в пользу компании Форда. В тот день, когда Чарльз Линдберг внимательно наблюдает воздушный парад, недавний курсант Высшей парашютной школы Виктор Герман, прозванный «русским Линдбергом» после рекордного затяжного прыжка², находится не среди участников выступлений в Тушино, а в тюремной камере, ожидая ночного допроса с применением пыток.

Жертва сталинских репрессий, а затем и заложник времен «холодной войны», Виктор Герман провел две трети жизни в СССР. 15 февраля 1976 возвращение в США стало, наконец, возможным.

На вновь обретенной родине русский американец Виктор Герман напишет автобиографическую книгу и расскажет своим соотечественникам о том, как он оказался в Советском Союзе и работал на Нижегородском (с 1932 – Горьковском) автомобильном заводе, как стал спортсменом, парашютистом, а затем – «американским шпионом», узником Гулага и ссылочным в Красноярском крае³.

Продолжая работу над реконструкцией биографии Виктора Германа, в настоящей публикации я представляю один из подходов к интерпретации событий его жизни.

В целом источники, собранные в ходе исследования, представлены следующими группами. Прежде всего, это материалы с высказываниями личного характера (три книги Виктора Германа, изданные в США, фрагменты его рукописей, публикации в американской и советской прессе, интервью и статьи). Источники, содержащие косвенные свидетельства, – записи бесед с родственниками, адвокатами и друзьями в США, интервью с учениками и знакомыми Виктора Германа в Кишиневе, а также документы из архива при Музее Форда

² Detroit Boy Wins Fame As ‘Lindy of Russia’ // Detroit Evening Times. – 1935. – February, 15.

³ Herman V. Coming Out of the Ice: An Unexpected Life. – New York & London: Harcourt Brace Jovanovich, 1979.

в Диаборне, рецензии на книги и художественный фильм⁴, снятый по автобиографии, фотографии из семейных архивов и различных периодических изданий. Отдельную группу составляют документы, связанные с судебным процессом «Виктор Герман против компании "Форд Мотор"» (1978–1985), в том числе копии исковых заявлений, ходатайств, апелляций, письменных показаний под присягой, меморандумов.

До шестнадцати лет Виктор Герман жил в США (Детройт, штат Мичиган), затем – сорок пять лет в СССР (Горький, Красноярск, Кишинев) и, после возвращения на родину, еще девять лет в Детройте. Таким образом, на протяжении всей жизни Виктора Германа межкультурная коммуникация была объективной данностью, условием реализации личностного потенциала.

Полноценное жизнеописание предполагает не только реконструкцию событий внешней биографии, но и воссоздание процесса становления личности. Внутренняя биография Виктора Германа связана с аккультурацией, то есть вторичной социализацией, в ходе которой человек осваивает новую для себя культуру, ее нормы, традиции, коды и конвенции. Кроме того, адаптация к иной культурно-языковой среде и социальным нормам сопровождается культурным шоком и когнитивным диссонансом. Для Виктора Германа аккультурация осложнялась внутриполитическим контекстом тоталитарного государства и экстремальными обстоятельствами сталинских репрессий в СССР.

С учетом временных рамок «инокультурного» бытия Виктора Германа, возможна реконструкция его биографии как истории межкультурной трансформации личности.

В методологическом плане для данного биографического исследования, при интерпретации ключевых событий жизни, проходившей в историческом контексте двух национальных культур, оправдано обращение к теории межкультурной коммуникации, для которой характерны междисциплинарность, а также антропоцентричность подхода к анализу проблем. Среди приоритетных направлений особое место занимает диалог американской и русской культур, и за последние два десятилетия появилось немало работ, посвященных различным аспектам российско-американской межкультурной коммуникации⁵.

Для данной биографической реконструкции базовыми являются такие понятия, как личностная и национально-культурная идентичность, языковая личность, инкультурация и аккультурация, ценности, стереотипы, культурный шок, межкультурная трансформация.

⁴ Coming Out of the Ice (Directed by Waris Hussein; CBS production, 1982, USA; 100 min.).

⁵ Леонович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М.: Гнозис, 2005; Berry E.B., Epstein M.N. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication*. – New York: St. Martin's Press, 1999; Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. – М.: Изд-во МГУ, 1998.

Эмигранты из России Сэм и Роза Германы обосновались в Детройте после 1909. Глава семьи – рабочий, активист профсоюзного движения и член Коммунистической партии США. Для его детей – Ребекки, Лео, Виктора и Мириам – отец был кумиром. С 1924 барельеф Ленина, привезенный делегацией русских рабочих в подарок Сэму Герману, хранился в семье как бесценная реликвия. Виктор выполнял партийные поручения отца, вступил в пионерскую организацию при рабочем клубе, а затем – в Коммунистическую лигу молодежи США⁶.

6 марта 1930 семья Германов участвовала в рабочем марше протеста против безработицы в Детройте⁷. В конце августа 1930 братья Германы вместе с отцом находились в летнем коммунистическом лагере Кэмп Фармингтон, подвергшемся полицейскому рейду, во время которого более десяти человек были арестованы, в их числе Сэм и Лео Германы⁸.

Эти биографические факты и воспоминания Виктора о его детских мечтах, основанных на американских реалиях и ценностях, дают представление о процессе инкультурации и формировании личностной идентичности подростка. Для него существует Америка его отца и – другая Америка. Отец – смелый и благородный человек, он честно выполняет свою работу. Но полицейские тоже смелые люди, они честно трудятся, устраивая обыски в домах активистов и разгоняя рабочие демонстрации. Для отца и его товарищей Ленин из далекой России – герой и гений революции. Но Генри Форд – автомобильный гений и герой Америки, на его предприятиях можно зарабатывать пять долларов в день.

Трансатлантический перелет Чарльза Линдберга в 1927 и самолеты в небе над Детройтом вдохновляли подростка, мечтавшего стать летчиком. Но начинать надо было с решения вопросов приземленных. За участие в организации протестов Виктора исключают из технической школы имени Касса. Почти два года имя отца, коммуниста и профсоюзного активиста – в «черных списках». Однако с приближением кризиса, Великой депрессии, у безработного Сэма Германа и его соратников появляется много дел: организация пикетов, демонстраций, маршей протesta.

31 мая 1929 было подписано соглашение между ВСНХ СССР и компанией «Форд Мотор», предусматривающее техническую помощь Советскому Союзу в массовом производстве грузовых и легковых автомобилей. Участвуя в налаживании контактов советских представителей с подразделениями компании «Форд Мотор», Сэм Герман принимает решение отправиться в СССР и подписывает контракт сроком на три года.

⁶ McLoughlin M. *The Question of Identity* // The Michigan Journalist. – 1976. – December. – Vol. 50. – No. 3. – P. 8.

⁷ Хмельковская Е. Реликвия сердца // Советская Молдавия. – 1970. – 4 февраля.

⁸ Herman V. *Coming Out of the Ice*. – P. 22-23.

23 сентября 1931, вместе с родителями, братом и сестрой, Виктор, тоже подписавший контракт через посредство компании Форда, выехал из Детройта. На этот выбор повлияли авторитет отца, сплоченность семьи, финансовые трудности, а также стереотипы юного Виктора. Например: «большинство русских не умеют водить автомобили», «русские плохо разбираются в технике», «поработав в России, можно быстро сделать карьеру в Америке», «поездка в Россию – интересное приключение».

В свою очередь, русские (советские) стереотипы в отношении Америки и американцев также сыграют определенную роль в судьбе Виктора, прежде всего такой стереотип как «все американцы умеют водить машины, а, значит, умеют управлять и самолетом». На Горьковском автозаводе Виктор, член комсомольской ячейки иностранных работников, активно занимается спортом, участвует во многих соревнованиях и поступает в Автозаводской аэроклуб имени М.В. Водопьянова. По собственному признанию Виктора, таких возможностей реализоваться в США у него не было. Спортивные соревнования и тренировки, полеты и прыжки с парашютом занимают большую часть его жизни, что сказывается на процессе аккультурации.

Мать начала учить Виктора русскому языку во время долгого пути из Детройта в Нижний Новгород (с 1932 – Горький). Ряд дискурсивных событий, описанных Виктором в его книгах, дает представление о том, как формировалась языковая личность в новом культурном контексте. Некоторые биографические ситуации (1931–1938) служат примером неуспешной коммуникации: Виктор не всегда понимает смысл происходящего, так как речь его собеседников насыщена имплицитными высказываниями и содержит еще не освоенные молодым американцем идиомы и синтаксические конструкции устной речи.

Однако в течение последующих десятилетий Виктор станет квалифицированным пользователем русского языка. Многие из тех, кто познакомился с Виктором Германом в 1960-х – 1970-х, вспоминают, что он свободно говорил по-русски и не производил впечатления иностранца.

Естественность, адекватность речи на неродном языке служит одним из маркеров трансформации языковой личности. В результате многолетнего нахождения в русской языковой среде и при отсутствии мотивации к англоязычной речевой деятельности, продуктивные умения на родном языке также подвергаются изменениям. В учебных книгах, созданных Виктором Германом в СССР⁹, его собственные английские тексты и переводы отмечены воздействием русской интерференции, что проявляется в синтаксисе, отборе лексических средств, в стилевых решениях. Однако после возвращения Виктора Герма-

⁹ Herman V. English For the Small, Rhymes and Games For Them All. – Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1964; Herman V. Hello, Children! – Кишинев: Лумина, 1967; Герман В. Humpty-Dumpty. Книжка для детей на английском языке. – М.: Малыш, 1969.

на в США его работа над книгами, выступления перед аудиторией, общение с соотечественниками способствовали переформатированию и развитию его английской языковой личности.

Понятие культурного шока является одним из базовых в теории межкультурной коммуникации, рассматривающей культурный шок как особое психологическое состояние, неизбежное в процессе аккультурации. Одна из моделей культурного шока, имеющего кумулятивный характер, так называемая U-образная модель (эйфория, отчуждение, эскалация, непонимание, понимание)¹⁰ может быть применена для анализа и реконструкции двух основных периодов жизни Виктора Германа в СССР (с 1931 по 1976) и в США (с 1976 по 1985).

В советский период симптомы и развитие культурного шока не были единодушными, так как Виктор вынужден был осваивать разные культуры и субкультуры. Например, в тюрьме, еще на стадии следствия, Виктор длительное время находился как в камере для политических, так и в камере для уголовников. Освоение и присвоение некоторых элементов субкультуры и поведенческих моделей уголовников стало для Виктора в дальнейшем основой стратегии выживания в Гулаге.

Значимым для внутренней биографии Виктора было общение с политическими заключенными – интеллигентами, партийцами, представителями разных религиозных конфессий. Впоследствии, вспоминая их беседы, споры, импровизированные лекции, Виктор Герман писал: «Они были моими учителями, а я был их учеником, жаждущим знаний. Для них я был не иностранцем, а таким же русским, как и большинство из них»¹¹.

После десяти лагерных лет, восьми лет ссылки, после реабилитации в 1956 Виктор Герман остается «заложником» политического режима. Он не оставляет надежды когда-нибудь вернуться на родину, хотя его жизнь теперь уже кровно связана с советской Россией: в красноярской ссылке он женится на русской женщине, у них растут две дочери. Как только появилась возможность покинуть Сибирь, Виктор Герман с семьей переезжает в Молдавию.

Кишиневский период (1959–1976) был насыщен событиями как внешней, так и внутренней биографии. Виктор Герман реализует незадействованные ранее ресурсы личности, доказав жизнеспособность своего созидательного дара. Фактически не получив среднего и высшего образования, после многолетнего рабского существования в лагере, Виктор Герман начинает преподавать английский язык, пишет книги и занимается переводами, выступает в школах с беседами об Америке, о деятельности своего отца и его соратников-коммунистов. В память об отце, скончавшемся в 1953 и похороненном в Горьком,

¹⁰ Wagner W. *Kulturschock Deutschland* – Hamburg: Rotbuch Verlag, 1999.

¹¹ Herman V. *The Gray People*. – Southfield: Independent Publishers, 1981. – P. 6.

Виктор Герман передает в Музей истории Компартии Молдавии документы из семейного архива¹².

Межкультурная трансформация личности проявляется и в том, какие именно ценности «иной» культуры становятся жизненно значимыми, диктуют выбор и определяют поступки. В рассказах о Викторе Германе есть примеры того, как реализовались в его поведении русские (советские) ценности: и многолетняя дружба, начавшаяся еще в Гулаге¹³, и поддержка, безбоязненно оказанная несправедливо обвиненному человеку, и щедрость по отношению к тем, чьи материальные возможности ограничены¹⁴.

Вернувшись в Америку, Виктор испытывает так называемый «обратный культурный шок», вновь осваивая родную культуру, спустя сорок пять лет.

Именно в заключительный период жизни Виктора Германа явно и порой драматично проявляются последствия межкультурной трансформации личности. Это сказывается в системе ценностей. Например, такие концепты как «дружба», «взаимопомощь», «богатство» в картине мира и повседневности Виктора Германа отличаются от американских аналогов.

Для структуры идентичности Виктора Германа в этот период характерно доминирование русских (советских) ценностей. Некоторые поведенческие практики соотечественников, людей из его нового круга общения, Виктор воспринимает критически. Он ощущает этот разлад и не раз открыто говорит о возможном возвращении в Советский Союз¹⁵.

Следующие высказывания Виктора Германа характерны для фазы отчуждения и фазы эскалации обратного культурного шока: «Деньги превращают людей в скопцов. Некоторые из моих старых друзей стали очень состоятельными людьми, но они, кажется, утратили свои человеческие качества. Они спокойно проигрывают тысячи долларов в Лас-Вегасе, а вот моя жизнь и жизнь моих детей их не волнует»; «Я думал об Америке больше, чем Америка думала обо мне»; «Как это горько... Вернувшись в мою родную Америку, я не могу получить работу – любую работу – хотя бы в качестве переводчика или учителя»¹⁶.

После выхода книги «Coming Out of the Ice» («Из подо льдов») Виктор Герман выступает с публичными лекциями о Советском Союзе. Он также пишет и самостоятельно издает книгу о прибыльной для Генри Форда сделке с советским правительством и судьбе американцев, работавших на Горьковском авто-

¹² Тымчишин В. История одного барельефа // Вечерний Кишинев. – 1968. – 20 декабря.

¹³ Запись беседы с бывшим политзаключенным Д.Ф. Криханом (1998). – Личный архив автора.

¹⁴ Магнитофонная запись интервью с журналисткой Е.П. Хмельковской (1995). – Там же.

¹⁵ Магнитофонная запись беседы с адвокатом Робертом Гринштейном (1996). – Там же.

¹⁶ McLoughlin M. *The Question of Identity*. – P. 8-11.

мобильном заводе¹⁷. Третью по счету книгу Герман напишет вместе с профессором Фредом Дорсом, специалистом по СССР и странам Восточной Европы¹⁸.

Важным для межкультурной трансформации личности, реамериканизации Виктора Германа стал судебный процесс «Виктор Герман против компании «Форд Мотор»». Иск был подан 16 июня 1978, окончательное решение арбитражная комиссия вынесла 30 апреля 1985 (через месяц после смерти истца).

Решение о подаче иска было принято при участии молодого адвоката Роберта Гринштейна, который стал другом, консультантом и своеобразным гидом Виктора Германа по современной американской культуре¹⁹.

Оценив причиненный ему ущерб суммой 10 миллионов долларов, Виктор Герман обвинял компанию «Форд Мотор» в том, что, по истечении срока контракта, компания не помогла ему выехать из Советского Союза, где его жизнь подвергалась опасности. Опытный адвокат Роберт Голден, представлявший Виктора Германа в суде, считал этот судебный процесс уникальным. Впервые против компании «Форд Мотор» был подан иск, связанный с русскими контрактами Генри Форда и социальной ответственностью компании в международном масштабе²⁰. Отрицая свою причастность к судьбе Виктора Германа, компания-ответчик, в числе других, использовала аргумент срока давности, что послужило основанием для многочисленных ходатайств и апелляций²¹.

В отчете специальной арбитражной комиссии в составе трех судей сказано: «Мы приходим к заключению, что Истцу полагается определенная компенсация, и мы определяем сумму выплаты Истцу со стороны Ответчика в размере 75 000 долларов. Поскольку Истец умер, выплата будет произведена его наследникам»²².

В личной истории Виктора Германа отразились драматические парадоксы и трагические закономерности большой истории. Его жизнь впечатляет не только «крутым маршрутом». Создательный потенциал и талант русского американца реализовались – вопреки объективным обстоятельствам. Подобный опыт «самостоянья» человека в пространстве двух национальных культур – объект исследования, исторически и морально не устаревший.

¹⁷ Herman V. *The Gray People*. – Southfield, 1981.

¹⁸ Herman V., Dohrs F.E. *Realities: Might and Paradox in Soviet Russia*. – Southfield: Independent Publishers, 1982.

¹⁹ Магнитофонная запись беседы с адвокатом Робертом Гринштейном (1996). – Личный архив автора.

²⁰ Магнитофонная запись беседы с адвокатом Робертом Голденом (1995). – Там же.

²¹ Victor Herman v. Ford Motor Company // 326 North Western Reporter. – 2d Series. – P. 590-593.

²² Report of Arbitration Panel // Victor Herman vs Ford Motor Company. C. A. No. 78-819-500 Cz. The Circuit Court for the County of Wayne. State of Michigan.

Сергей Фокин

Сергей Степанович Чахотин – гражданин Европы

Сергей Иванович ФОКИН

Санкт-Петербургский
государственный университет

Стало уже общим местом говорить о том, сколько Россия потеряла, лишившись после 1917 года миллионов граждан. В большинстве это были честные люди и хорошие работники. Тысячи из них были талантливы, а десятки – гениальны. Однако от повторения истина не перестает быть истиной. Справедлива эта истина и для русской научной эмиграции. Лишившись возможности продолжать свои научные изыскания на родине, далеко не все из уехавших ученых смогли реализовать себя на Западе – в Европе или Америке, хотя понятно, что на родине у многих из них в советское время просто не было бы будущего.

Среди сотен научных работников, покинувших Россию после 1917, был и Сергей Степанович Чахотин (1883–1973)². Судьба этого, тогда молодого

¹Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ 10-06-00124а.

²Посудин Ю.И. Биофизик Сергей Чахотин. – Киев: Изд. Нац. Аграрного ун-та, 1995. – 98 с.; Фокин С.И. Русские ученые в Неаполе. – СПб.: Алетейя, 2006. – 378 с.

еще человека, оказалась более чем необычной. Он покидал Россию дважды – в 1902 почти на 10 лет и в 1919 – на 39 лет и один из немногих вернулся в СССР уже после начала хрущевской оттепели в 1958.

Разнообразные увлечения и таланты, может быть, слишком многочисленные, привели к тому, что С.С. Чахотина вспоминают теперь больше как человека удивительной судьбы, чем как крупного ученого, а еще и политика, одного из первых отечественных эксперантристов, художника, борца за мир. Как нередко бывает, ни одна из граней его богатой натуры не оказалась решающей, но все же Сергей Степанович прежде всего стал ученым, и ученым незаурядным. Еще в начале XX века им были изобретены приборы, широко применяемые до сих пор в экспериментальных биологических исследованиях во всем мире³, – один из первых микроманипуляторов (1910) и установка для локального ультрафиолетового облучения структур живой клетки (1912). Известный зоолог, президент Французской Академии наук, проф. М. Коллери так характеризовал своего русского коллегу в конце 30-х годов XX века: «Господин Чахотин работал долгое время в моем институте, и я имел возможность оценить его неиссякаемую активность и экспериментальную изобретательность. Он богат оригинальными идеями и отличается умением воплощать их в жизнь. Его метод лучевого микроукола в высшей степени остроумен и точен. Он позволяет подойти ко многим новым экспериментальным задачам»⁴.

Кто же был С.С. Чахотин – автор 140 научных публикаций, ученый-биолог, знавший восемь иностранных языков, работавший в лабораториях и университетах Германии, Франции, Дании, Италии, Югославии и Монако, где среди его учителей и коллег были такие крупнейшие естествоиспытатели как профессора Рентген (физика), Байер (химия), Коссель (биохимия), О. и Р. Гертвиги и Бючли (зоология), Фаре-Фремье и Грассе (протозоология), Франк (физиология), Бенедиченти (фармакология), Бейнберг (бактериология), Томсе (патология), Жирар (физико-химическая биология), Черни (медицина)? Все что ни делается в жизни – делается, как считается, к лучшему. Останься Чахотин в России, где у него, как ученого, казалось бы, тоже были хорошие перспективы⁵, он вряд ли бы уцелел. Социалист, всегда занимавший в жизни активную политическую

³ Фокин С.И., Осипов Д.В. Влияние локального УФ микрооблучения на ядерный аппарат и цитоплазму инфузорий *Paramecium caudatum* // Цитология. – 1975. – Т.17. – С.1073-1080; Пусдин Ю.И. Биофизик Сергей Чахотин; Fokin S.I., Ossipov D.V. Generative nucleus control over cell vegetative functions in *Paramecium* // Acta Protozool. – Vol. 20. – 1981. – P. 51-73.

⁴ Цитаты взяты из документов личного архива С.С. Чахотина, хранящегося у его сына Евгения Сергеевича (Сан-Реми, Франция). Возможность ознакомиться с архивом была любезно предоставлена мне Е.С. Чахотиным в 2006, за что я выражая ему свою искреннюю признательность.

⁵ С конца 1912 С.С. Чахотин был лаборантом физиологической лаборатории Императорской С.-Петербургской Академии наук, куда был приглашен академиком И.П. Павловым, высоко ценившим его научный потенциал.

позицию, к тому же участник Белого движения, С.С. Чахотин не пережил бы 1930-е в советской России. Все члены его первой семьи (жена и два сына), а также брат погибли в лагерях или были расстреляны.

Жизнь профессора Чахотина в науке прошла по кругу, начавшись на медицинском факультете Московского университета, куда он поступил в 1901, и завершившись в Институте биофизики АН СССР, где он, доктор биологических наук, работал в должности научного консультанта до последних лет своего земного пути.

Родился Сергей Степанович в Константинополе 13 сентября 1883 в семье российского вице-консула. В 1893 семья переехала в Одессу, где Сергей учился в 3-й городской гимназии. Из-за болезни 1899/1900 учебный год Чахотин провел в Италии, что не помешало ему закончить гимназию в 1901 с золотой медалью. В этом же году он поступил на медицинский факультет Московского университета.

Среди учителей С.С. Чахотина в Московском университете были известные отечественные биологи: И.Ф. Огнев, И.И. Горожанин, С.А. Зернов, В.И. Вернадский, С.И. Умов и Н.Ю. Зограф. Однако нараставшая в то время волна студенческих беспорядков подхватила Чахотина, который с молодых лет был политически активен, и увлекла его прочь от научных занятий. В университете он проучился только один семестр. В феврале 1902 за участие в студенческой демонстрации он, вместе со многими другими студентами, был арестован и провел несколько месяцев в Бутырской тюрьме. Позднее С.С. Чахотин писал в своих воспоминаниях: «Меня оставили в Бутырках, но перевели в одиночную камеру, в Пугачевской башне. Я влезал к решетке в окне и старался смотреть оттуда на далекую зелень полей, на плывущие в небе облака и слушал чириканье птичек. Скоро приехали из-за границы мои родители, ходили по разным инстанциям, и, наконец, я был выпущен, но должен был тотчас уехать с матерью за рубеж – меня изгнали из Московского университета и из России». Бывший студент Чахотин был выслан «на родину». Поскольку, по паспорту, родиной у С.С. Чахотина значился Константинополь, то он в 1902 вынужден был уехать за границу и решил продолжить обучение в Германии.

Сергей Степанович учился три семестра на медицинском факультете в Университете Мюнхена, два семестра в Берлинском университете и пять семестров на естественном отделении физико-математического факультета Гейдельбергского университета. Среди его главных учителей-биологов в Германии – профессора братья О. и Р. Гертвиги и О. Бючли, в Гейдельбергском зоологическом институте которого Чахотин специализировался с 1904. За время обучения Сергей Степанович дважды работал на морской австрийской зоологической станции в Триесте (4 месяца), трижды – на русской зоологической станции в Виллафранке (10 месяцев) и полгода в фармакологическом институте в Мессине. В 1907 в Гейдельбергском университете С.С. Чахотин защитил диссертацию

на степень доктора философии «Die Statocyste der Heteropoden» («Структура и физиология органов равновесия у моллюсков») с высшей оценкой – «summa cum laude»⁶. В 1912 эта работа была удостоена малой Бэрковской премии Императорской С.-Петербургской Академии наук. Первая опубликованная статья молодого ученого – «О биоэлектрических токах у беспозвоночных» была написана по материалам исследований Чахотина, выполненных в Мессинском университете (1907). После этого он получил место ассистента при Институте фармакологии в Мессине.

Успешно начавшиеся исследования Сергея Степановича в области электрофизиологии были прерваны знаменитым мессинским землетрясением 1908 года, когда Чахотин был засыпан обвалившимся домом и, проведя под завалами 12 часов, чудом остался жив⁷. После выздоровления, по представлению Императорской Академии наук, в течение трех месяцев ученый работал на Неаполитанской зоологической станции. В Неаполе он пытался восстановить материалы по электрофизиологии мышц беспозвоночных и феномену свечения морских животных, собранные им в Мессине, но утраченные под развалинами мессинской лаборатории.

Вернувшись в Россию в 1909, Чахотин приступил к подготовке к магистерским экзаменам, которые он должен был сдавать при С.-Петербургском университете, но идеи разработки новых методов исследования клетки, которые Сергей Степанович хотел воплотить в жизнь, заставили его вернуться за границу. В 1910–1912 он снова работал в Гейдельберге у проф. Бючли и в Институте экспериментальных исследований рака у проф. Черни, а позднее в Фармакологическом институте университета Генуи (Италия)⁸.

Речь шла о микрооперациях на живой клетке, для чего уже в 1910 в Гейдельберге С.С. Чахотиным был сконструирован первый микроманипулятор. Далее ему пришло в голову заменить механический инструмент лучом ультрафиолета (УФ). Для решения технической стороны вопроса исследователь принял участие в специальных курсах по микротехнике и микроскопии, организованных фирмой «К. Цейс» в Берлине и Йене. Первый образец аппарата для УФ-микроукола живых объектов был спроектирован им на базе Института экспериментального исследования рака в Гейдельберге, а собран и испытан на базе Фармакологического института в Генуе в 1912, где Чахотина приютил А. Бенедиченти, его бывший профессор в Мессине. После двух лет упорной экспериментальной работы, операции на яйцах морского ежа убедительно

⁶ Гейдельберг, Университетский архив. StudA 1900/10, Sergei Tschachotin; ZSV-F, f. 13.

⁷ Чахотин С. Под развалинами Мессины. Рассказ оживо погребенного в землетрясении 1908 года. – Messina: Intilla Editore, 2010. – 85 с.

⁸ Русский архив Зоологической станции в Виллафранке (Villefranche-sur-Mer, France). Д. 13 (краткая автобиография, 1914 г.)

показали – УФ-луч может служить тончайшим и избирательным инструментом воздействия на живую клетку⁹.

С надеждой продолжить свои изыскания в России, Чахотин появился в Петербурге, и после беседы с академиком И.П. Павловым, который очень заинтересовался его изобретением, был приглашен стать лаборантом (ассистентом) в его академической лаборатории физиологии¹⁰. Там Сергей Степанович создал материальную базу для нового отделения – экспериментальной клеточной физиологии и продолжил работу с УФ-микроуколом.

В начале 1913 он сделал на заседании Общества петербургских врачей первый доклад, посвященный микрооблучению, имевший большой резонанс в научной среде. В результате, по представлению Павлова, весной того же года Чахотин снова получил возможность работать на Неаполитанской станции (март–июнь), где он провел серию экспериментов по микрооблучению живых клеток и продолжил совершенствование своего изобретения. В том же 1913 в Петербургском представительстве фирмы «К. Цейс» им был заказан первый промышленный образец аппарата для УФ-укола. Он демонстрировался Чахотиным во время второго доклада «Основания новой техники экспериментального исследования клетки», который его пригласил сделать в С.-Петербургском биологическом обществе проф. С.И. Метальников.

Начавшаяся Первая мировая война надолго оторвала Чахотина от занятий наукой. Вместе с академиком А.Е. Ферсманом он организует Комитет военно-технической помощи при Всероссийском союзе городов и работает там секретарем. В 1917 Чахотин – генеральный секретарь Комитета социально-политического просвещения и Совета депутатов трудовой интеллигенции. Октябрьский большевистский переворот вынудил его зимой 1918 уехать на юг, где С.С. Чахотин участвовал в Белом движении, возглавляя отдел пропаганды ОСВАГа в Донском правительстве. В ноябре 1919 через Новороссийск Сергей Степанович второй раз эмигрировал из России, в этот раз на долгие 39 лет.

Непродолжительное время он работал в Пастеровском институте в Париже и Океанографическом музее Монако, а потом получил профессорское место (1920–1922) в университете Загреба (Югославия), где продолжил свои исследования по клеточной биологии и биофизике.

Политические взгляды С.С. Чахотина к этому времени претерпели резкое изменение. В 1920 он написал статью «В Каноссу», опубликованную на следующий год в Праге в альманахе «Смена вех»¹¹, в которой призывал русскую интел-

⁹ Чахотин С.С. Изучение локализованных воздействий на живую клетку методом микроукола // Цитология. – 1959. – Т. 1. – С. 614–626.

¹⁰ Красов Д.Г., Федорова-Грот А.К. Физиологическая школа И.П. Павлова. Портреты и характеристики сотрудников и учеников. – Л.: Наука, 1967. – С. 267–268.

¹¹ Чахотин С. В Каноссу! // Смена вех: Сб. статей Ю.В. Ключникова, Н.В. Устрялова, С.С. Лукьянова, А.В. Бобрищева-Пушкина, С.С. Чахотина и Ю.Н. Потекина. – Прага, [июль] 1921. – С. 159–161.

лигенцию прекратить борьбу против советской власти и принять участие в строительстве новой жизни на родине. Чахотин стал одним из организаторов движения «сменовеховцев». Он участвовал в Генуэзской конференции 1922 года в качестве корреспондента просоветской газеты «Накануне», с которой Сергей Степанович сотрудничал в 1922–1924. Там он познакомился с народным комиссаром торговли Л.Б. Красиным и был приглашен помочь в организации Берлинского торгпредства СССР. С.С. Чахотин получил советское гражданство и стал заведующим организационным отделом Советского торгпредства в Берлине (1925–1926) и одновременно заграничным сотрудником Рабоче-крестьянской инспекции. В то время им были написаны книги «Организация, принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике» и «Иностранная литература по научной организации труда».

По официальной версии, в 1926 Чахотин тяжело заболел и переехал жить в Италию, получив место ассистента в Институте фармакологии университета Генуи (1927–1930), где он продолжил свои исследования над яйцами морских ежей и простейшими, используя УФ-укал. В Италии ему удалось, в том числе экспериментально, вызвать развитие неоплодотворенного яйца этих беспозвоночных после локального облучения.

Была ли болезнь главной причиной этого решения, неясно. По крайней мере, в советских организациях он больше не сотрудничал и в советскую Россию не вернулся.

По представлению А. Энштейна, с которым С.С. Чахотин был хорошо знаком, он получил грант Research Corporation, USA и занял место научного сотрудника отдела биофизики Института медицинских исследований в Гейдельберге (1930–1933). Там он снова занялся политической деятельностью¹². Чахотин становится одним из главных пропагандистов Социал-демократической партии Германии, входит в «Железный фронт», организует митинги протеста против нацистов, выпускает на немецком языке книгу «Три стрелы против свастики». В предвыборной борьбе за места в рейхстаге противником Чахотина был доктор Й. Геббельс, пропаганда которого, как известно, оказалась более эффективной.

В результате Чахотин вынужден был в 1933 бежать из Германии, сначала в Данию, где он работал в университете Копенгагена (1933–1934), а затем во Францию. Там он продолжил свои научные занятия, в том числе пытался выяснить, с использованием УФ микрооблучения, возможность появления условных рефлексов у простейших¹³. Ученый активно участвовал в международных

¹² Albrecht R. *Symbolkampf in Deutschland 1932: Sergej Tschachotin und der «Symbolkrieg» der Drei Pfeile gegen den Nationalsozialismus als Episode im Abwehrkampf der Arbeiterbewegung gegen den Faschismus in Deutschland*. – Inter. wiss. Korresp. Geschichte. – 1986. – Bd. 4. – S. 498–533.

¹³ В это время С.С. Чахотин был стипендиатом Французской лиги по борьбе с раком и общественной помощи ученым при Парижском университете (1934–1936), научным сотрудником

конференциях (Копенгаген, Цюрих, Брюссель и Рим), выступал с лекциями по УФ-микроуству в Сорбонне (Париж) и Фарадеевском обществе в Лондоне. За свои исследования С.С. Чахотин получил премии Академии наук Франции (1920, 1936) и Парижской медицинской академии (1938).

Свои наблюдения над становлением фашизма в Италии и Германии С.С. Чахотин обобщил, используя теорию условных рефлексов И.П. Павлова, в книге «Насилие над массами путем политической пропаганды» (*Le Viol des Foules par la propagande politique*, 1938), получившей широкую известность на Западе. Не удивительно, что, когда Франция была оккупирована, Чахотин в 1941 был арестован нацистами и провел семь месяцев в концентрационном лагере в Компьене. Оттуда он, однако, был освобожден благодаря вмешательству ряда немецких и французских ученых.

Далее ученый продолжал свои исследования в качестве стипендиата Института физико-химической биологии в Париже (1944–1949) и на деньги научных институтов в Италии (1955–1958). Параллельно он активно включился в борьбу за мир, против угрозы третьей мировой войны: организовал ассоциацию «Французская конфедерация культурных сил» (COFORSES), генеральным секретарем которой состоял до 1949. Был проф. Чахотин и среди активных организаторов и участников Первого международного съезда сторонников мира в Париже (1949).

Долгая и удивительно насыщенная яркими событиями жизнь Сергея Степановича завершилась все-таки в России, куда он вернулся в 1958, 75 лет от роду, так и не став ни знаменитым политиком, ни широко известным ученым.

Оглядываясь на прожитое, проф. Чахотин, со свойственной ему склонностью к систематизации любой информации, писал в 1965:

*Итак я не академик, а просто профессор, доктор биологических наук и доктор философии Гейдельбергского университета. Жизнь моя была полна приключений и многих переживаний. Резюмирую ее в виде следующей схемы. За восемьдесят лет я прошел 5 этапов, каждый из которых (особенно три последних) охватывали период в 10 лет или кратное десятку. 1. 1883–1893 (детство); 2. 1893–1902 (учеба); 3. Первый творческий биологический – поиск новой научной методики цито-физиологических работ. Его результатом было открытие метода микроопераций клетки «микропучком» и публикация соответствующих работ; 4. 1912–1932 (второй творческий, общественный). Поиск и открытие принципа «психологического насилия над массами» и борьбы с фашизмом и войной – его результатом была публикация моей большой книги *«Le Viol Des Foules Par La Propagande Politique»*, изданной во Франции издательством*

Профилактического института (1936–1938) и директором исследовательской лаборатории госпиталя «Леопольд Беллан» в Париже (1939–1941).

Галлимора и переведенной на английский, итальянский, датский и немецкий языки. Научные работы тоже, конечно, продолжались в этот период; 5. 1933–1964 (третий творческий – организационный). Работы в области поднятия производительности научного и умственного труда вообще. Его завершение – последняя моя работа – «кибернизация» моей лаборатории. Создание систем алгоритмов для исследовательской лаборатории. Конечно, и в этом периоде, как и в первом и во втором, шли работы научные и общественные.¹⁴

Как ни странно, политическое чутье, присущее С.С. Чахотину, к старости ему явно изменило. Похоже, что в 60-е годы XX века он действительно верил в «коммунистическое будущее» России. Хотя попытки издать в СССР свою книгу о психологическом насилии над массами, оставшиеся нереализованными, и заявки на выезд из страны для лечения и на научные конференции (посвященные его научному изобретению!), разрешение на которые не воспоследовало, должны были бы открыть ему глаза. Европеец Чахотин оказался «запертый» в своей маленькой московской квартире-лаборатории.

Странствия его на этом, однако, не закончились, так как он завещал похоронить себя на острове Корсика, где бывал в молодые годы. Исполнение этого желания русского гражданина Европы состоялось лишь через 32 года после смерти – прах его был развеян над Средиземным морем, где когда-то Чахотин работал, любил, был счастлив.

¹⁴ Архив Е.С. Чахотина (Сан-Реми, Франция).

СОДЕРЖАНИЕ

Ирина Флиге	
Биография памятника жертвам советского террора	3
Севиль Векилова	
Влияние политических репрессий на жизнь многопоколенной семьи.....	36
Михаил Рогачев	
Книги памяти жертв политических репрессий как биографический источник.....	44
Олег Николаев	
Биография в зеркале бытовых письменных практик	46
Анна Баркова	
Левашовский мемориал как биографический источник	61
Алина Захарова	
Биография «фотографической династии» Тихоновых в контексте просопографического исследования	67
Максим Скороходов	
Литературная критика как источник биографических сведений	74
Вероника Жобер	
Жизненный и творческий путь Наталии Иосифовны Ильиной: Штрихи к биографии репатриантки.....	81
Наталья Крук	
Зеки – лауреаты Сталинской премии	88
Надежда Слепкова	
Из частной жизни академика Ф.Д. Плеске	103
Мария Кротова	
«Советскую биографию нужно заслужить»: Возвращение Николая Устрялова	112
Оксана Снытко	
Комплектование Государственного архива Новгородской области документами личного происхождения: итоги и перспективы	120
Петр Мицнер	
Пастырь коммунистической Польши. О дневнике примаса Польши Стефана Вышиньского	128

Никита Кузнецов Моряк в пустыне. Крутой поворот эмигрантской биографии лейтенанта В.А. Шумовича	134
Леонид Обухов Судьба польского инженера Иосифа Вечерека	143
Александр Резник «Нужно беречь вождей»: болеющий Лев Троцкий как объект заботы масс	149
Михаил Рошин Судьба доктора А.А. Замкова.....	155
Татьяна Косинова Петербург в биографии Юзефа Чапского: факты и умолчания.....	161
Ольга Тиховская Биография узника Гулага как история межкультурной трансформации: русский американец Виктор Герман в поисках идентичности.....	170
Сергей Фокин Сергей Степанович Чахотин – гражданин Европы	178

Научно-информационный центр «Мемориал», Санкт-Петербург
Европейский университет в Санкт-Петербурге

ПРАВО НА ИМЯ **Биографика 20 века**

Девятые чтения памяти Вениамина Иофе

20–22 апреля 2011

Сборник докладов

Научный редактор М. Клементи
Редактор Т. Притыкина

Обложка: А. Ходот

НИЦ «Мемориал»: Санкт-Петербург, 191002, ул. Рубинштейна 23, оф. 103

Формат 60 X 90 $\frac{1}{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ № 1174.

Отпечатано в типографии ООО «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28
Тел./факс: (812) 388-90-00
e-mail: beresta@mail.wplus.net